

Иван Державный

ОСТРОВ РУСЬ

с предисловием и послесловием
Юрия Магаршака

Совершенно Секретно
Перед прочтением сжечь

Для внутреннего российского потребления
Перевод на иностранные языки запрещен

@ all rights reserved

Краткое Содержание

ОГЛАВЛЕНИЯ

-
- ОСТРОВ РУСЬ
- МЫ – НАШИ
- СООТНОШЕНИЕ РУССКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
  - ВВЕДЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЕ КРЕДО
  - КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ОТ ПЕРВОГО РИМА ДО ТРЕТЬЕГО
    - НАШЕ ВЕЧНОЕ ВПЕРЕДИ
    - НАШ ЗОЛОТОЙ ГЕНОФОНД
  - ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАМ НЕ ГРОЗИТ
  - ЖИЗНЬ В ЭПИЦЕНТРЕ ПРАВДЫ
    - ОШИБКА ЕВРОПЫ
    - ПОЛОВОЙ ОТВЕТ
    - ПРАВДА ПРОТИВ ИСТИНЫ
- ЖЕНЩИНА КАК ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЧАСТИЦА РУССКОГО ПОЛЯ
  - ПРИВЕТ ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО
    - КТО ЧЬЕ НЕБО НЕСЕТ
    - БОЛЬШЕ ЧЕМ ЛЮДИ
    - НОМО PASSIONARIUS
      - РУСОЕ ЗОЛОТО
  - ДВАЖДЫ ЕСТЕСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ
    - РОССИЯ И УМ
    - РУССКОЕ ЗЕРКАЛО

- ПАРТИЙНАЯ ИСТИНА И БЕСПАРТИЙНАЯ ПРАВДА
- РОССИЯ МЕЖДУ ДУХОВНОСТЬЮ И ДУШЕВНОСТЬЮ
  - МЫ – РЕНЕССАНСНЫЙ НАРОД
    - ИМПЕРИЯ ЧУВСТВ
    - СТРАНА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖИЗНИ
      - БЕЗДНА В БЕЗДНЕ
      - ПОЛИГОНЫ ЛЮБВИ
    - НАРОД ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ
      - ДВА ОТПОРА ЗАКОРЕНЕЛОМУ ЗАПАДНИКУ
  - ПОМОГИТЕ МНЕ ПОНЯТЬ, ПОЧЕМУ ОНА НЕ МОЖЕТ?
    - ГРАНЬ ЗА ГРАНЬЮ
    - МЫ ВЫШЕ МОЛОДОСТИ
    - НЕРУШИМАЯ ДЕВСТВЕННОСТЬ
- ОДИННАДЦАТЬ СЕКРЕТОВ НАШЕГО ВЕЧНОГО ВПЕРЕДИ
  - ПАРОВОЗ ВРЕМЕНИ
  - ИМПЕРИЯ СМЕЛОСТИ
  - НЕБЫТИЕ И СОЗНАНИЕ
  - ЗОЛОТОЕ ДНО ОБЩЕСТВА
    - ГОРЕ ПОСТРАДАВШИМ
      - РУССКОЕ ВРЕМЯ
      - ЗОВ ПОТОМКОВ
    - ОДНА САТАНА И ОДИН АНГЕЛ
    - АФРИКАНЦЫ С БЕЛОЙ КОЖЕЙ
      - ИМПЕРИЯ ЗЛА. ОЧЕНЬ ЗЛА!
    - ПОЛЛИТРА КАК СИМВОЛ ВЕРЫ
      - ОРГАНЫ НАШИХ ЧУВСТВ
    - РУССКИЙ АВОСЬ И ГОСПОДЬ БОГ
      - СТО МИЛЛИОНОВ ФИГАРО
        - РУССКИЙ ПОЛЕТ

•

“
ПРАВДА
Орган Центрального Комитета
Коммунистической Партии Советского Союза
”

Шапка
самой судьбоносной Газеты
Всех Времен и Народов

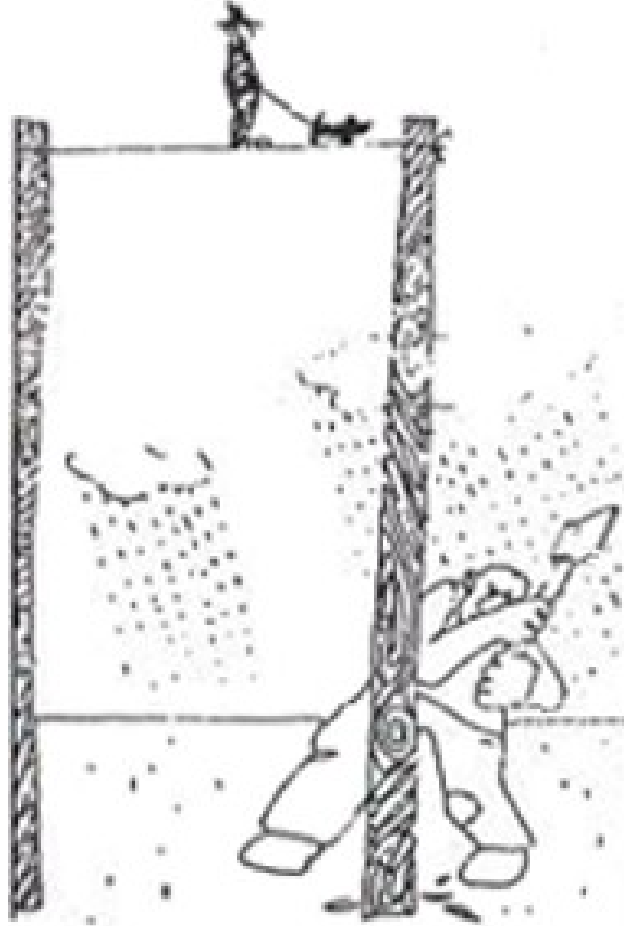
“Правда Воли Монаршей”

Высший Закон Российской Империи

*“Это была почти ложь,
но так оно выглядело красивее,
а к тому времени я научился ценить ложь именно за это «почти»,
которое заостряет контуры правды”*

Иосиф Бродский

Империя ПРАВДЫ

ОСТРОВ РУСЬ

Дамы и господа.

Россияне и россиянки.

Товарищи и ...

и ...

и подруги.

Братья по разуму и сестры по недоразумению.

Знаете ли вы, что Россия – остров? Да, да, именно остров! Что бы ни говорили на этот счет географы. Фотографии со спутников. Политики. И наши доблестные пограничники иже с ними.

География наука вредная. Если уничтожить карты, цивилизация тотчас перейдет на новый аллюр, как лошадь с рыси на галоп. Так знание трехмерных координат ячеек, в которых хранится компьютерная программа, сводит шанс понять, как эта программа функционирует и на кой лях создана, к нулю. Очевидный каждому русскому человеку факт: знание деталей препятствует пониманию – способен удивить только закостенелого европейца. Но не нас с вами.

Русское расстояние давно уже не измеряется в единицах длины. Глядя на знаки над какойнибудь автострадой Нью Йорк- Бостон или Киото-Токио, на которых черным по зеленому написано что-то вроде: “До Копенгагена 7357 миль”, невольно ухмыляешься свысока и думаешь: как же безнадежно они там от нас отстали! Насколько же русское понимание мира прогрессивнее и перспективнее, чем этот указатель, берущий начало в Ньютоновом детерминизме! Насколько же наше мировосприятие устремленнее в Завтра!

У нас все не так. Один километр по шоссе Москва-Симферополь и по Тунгусской тайге – это далеко не одно и то же. А расстояние от Собора Василия Блаженного до Большого Кремлевского Дворца вообще можно измерить только номенклатурным положением наблюдателя. Для подавляющего большинства россиян, дефилирующих по Красной площади, до него, скрывающегося за зубцами Кремля, как язык за зубами, но, несмотря на это, видного невооруженным оптическим прицелом – глазом: и цепким глазом москвича, и восторженным оком провинциала – как до края Вселенной. Для номенклатурника и бизнесмена средней руки преодоление этого расстояния, хотя и требует затрат, включая затраты энергии, но все же реально в масштабах жизни. Для подавляющего же меньшинства избранников из избранников, перед которыми все двери в стране открыты, как партсоборания, до двери кабинета, где заседает аппарат президента, от двери кабинета, в котором заседают они сами, можно сказать, рукой поддать.

Пространство-время едины. Это не я сказал-как-отрезал, это Эйнштейн. Мы эту гениальную относительность мировоззрения принимаем – и не просто принимаем, а на ур-ра. Мы нашу широту взглядов впитали, извиняюсь за физиологическую метафору, с молоком Матери-Родины. И задолго, между прочим, до рождения родоначальника теории относительности. Западный же мир делает вид, что к его повседневной реальности это откровение не относится. Со свойственным Европе вульгарным детерминизмом, они, закостенелые в своем

либерализме, уверены, что истина находится не только в небесах, что законы пишутся не только для создания дыр в них, что ворами не рождаются, а становятся, и что на работе надо работать. Боже! Какая примитивная система ценностей! Как высоко над ней мы парим! И как далеко вперед учесали!

Согласен: примитивная вера в возможность упорядочения настоящего помогла римлянам построить водопровод, Форду изобрести конвейер и лидеру партии зеленых Биллу Гейтсу заработать несусветные миллиарды купюр этого жизнелюбивого цвета. Но в двадцатом веке философии типа: *все что не да, то нет*, и *все что не ложь, то истина*, способны только раз-зру-шать. Наше, русское мировоззрение намного менее закомплексовано. Оно более прогрессивно и передовито, чем европейское. А с американским практицизмом нашу духовность вообще смешно сравнивать. Не очевидно это только слепому, догматически помешанному на философиях Платона, Декарта, Ньютона и Гегеля, а также буквальном трактовании Нагорной проповеди.

Замечено, что расстояние от Петербурга до Москвы и от Москвы до Нью-Йорка одинаковы – восемь часов. Сел в точке А – заснул – проснулся – и ты в точке Б. А то, что в одном случае тебя несло над облаками, а в другом – трясло по-над шпалами, только затуманивает суть. И когда слушаешь англо-немецкую бредятину насчет равноудаленности судей как от пристрастия, так и от беспристрастия, или о независимости законодательной власти от исполнительной, мы, русские, только снисходительно ухмыляемся. Боже, как безнадежно они от нас отстали!

Русское расстояние измеряется в чем угодно, кроме единиц длины. Куда органичнее у нас смотрится, например, такая скрижаль: *от Петербурга до Парижа три часа сорок минут*, или *Расстояние от деревни Зимари до города Бийска не меньше трех суток за любые деньги*. Поэтому между двумя квартирами на одной лестничной клетке может запросто протекать океан. В центре тяжести секретарши может в считанные дни образоваться черная дыра, засасывающая в себя все и вся, включая начальника. А между мужем и женой вдруг родится из пустоты разделяющая их вселенная – и хоть ты тресни!

Любезные дамы и их господа.

Прелестные леди и их джентельмены.

Дорогие товарищи и их подружки.

Братья по разуму и сестры по недоразумению.

РОССИЯ - ОСТРОВ. Ныне. Присно. И вовеки веков. А те, кто с этим не согласны – ослы, свято верующие в то, чему их учили в школе.

Каждый русский человек знает, что значит быть наедине с пространством. Бескрайний сосновый бор. Или: бескрайняя степь. Или: бескрайняя тундра. Или: озеро, за берегами которого угадываются зеленое море тайги. И ты – один. Точное – один на один. С чем? С Русской Вселенной. С Бесконечностью. И с Вечностью, тебе, человечье, дарованной и уготованной.

Ощущение себя в бескрайнем мире – одно из самых острых в русской душе. Когда смотришь в пространство, как в бездну. Когда вглядываешься в даль, как в пропасть. Когда остро ощущаешь свою равноудаленность как от смерти, так и от бессмертия. Когда от своего единения с Всевышним кружится голова.

У европейца русского национального головокружения от единения с ширью не было, нет и не будет. Другое бывало, но русское – нет. Разве что в странствиях Одиссея – но то уж совсем, знаете ли, легенды. И, что еще более важно: когда сегодня плаваешь по местам, так сказать, Одиссеевой славы, то бишь по греческим островам, испытываешь ощущение комфорта и счастья, а вовсе не своего божественного конца. И, кстати сказать, вдруг понимаешь, что остракизм (к которому приговаривали в древней Греции выдающихся политических деятелей для того, чтобы они не представляли угрозы родному полису своим чрезмерным величием, и заключавшимся в том, что оно выдающегося принудительно заставляли десять лет ... нет, не работать в каменоломнях, а всего лишь путешествовать по островам Средиземного моря – коих, между прочим, насчитывается порядка двух тысяч, по полтора дня на остров: прекрасно составленное расписание! – хотя и не только по ним, ограничение ссыльных в маршруте не было столь суровым, как в современных туристских турах), был не совсем тем же самым, что ссылка в Сибирь при Сталине или Николае, а скорее, напоминал затянувшееся свадебное путешествие. Ну в самом деле: переезжаешь с одного райского острова на другой: чем плохо? только-только на десять лет ссылки хватит, чтобы с чувством, толком и расстановкой осмотреть их и вернуться наполненным впечатлениями для новых подвигов на благо греческого отечества.

Нет, господа-товарищи, русская ширь - это вам не Средиземное море! Это я ответственно заявляю.

Некоторые думают, что нечто подобное общению русского человека с русской тайгой можно почувствовать в африканской саванне. Черта с два! Фигушки! У них в саванне и примкнувших к ней джунглях для того, чтобы прокормиться, достаточно потрясти пальму. А у нас? Тряси сосну или можжевельник хоть до посинения – никакая гроздь бананов не свалится на голову. А это, скажу я вам, громадная и основополагающая разница.

Ничего подобного русскому общению человека с бесконечным пространством не было и в Америке. Разве что в рассказах Джека Лондона о золотой лихорадке; но, во первых, то были отдельные искатели счастья, а не весь американский народ, которые, во-вторых, общались с природой только потому, что выбора у них не было, в-третьих, только на короткое время, и в-четвертых, с узкоутилитарной целью разбогатеть. Шатание по снежной пустыне Юкатана не было самостоятельным мероприятием – в отличие от нашего общения с русской бескрайностью. Мы один на один с пространством живем целым народом сотни и сотни лет и выходить из этого нашего русского национального единения с Миром Божьим не собираемся. Потому что в нем – одно из высших блаженств, данных

Богом двуногому и двурукому существу, именуемому человеком. Потому что в благоговейном оцепенении на Русском Закате и в ожидании Русской Зари, сидении на Русской Лавочке и набирании Русской Воды из Колодца, странствовании через Русскую Степь и созерцании Русской Глади есмь Русский Путь Познания, познания без слов, ни в чем не уступающего дзен-буддистскому, только приспособленному к суровым жизненным условиям и оттого еще более близкому к Богу. Истинно, истинно говорю вам: русский человек наедине с русским простором ближе к Всевышнему, чем американец в соборе. Такова моя русская точка зрения. Потому и говорим мы о святости земли нашей, что общение с ней один на один ¹ возвышает человека, делает его великаном и поднимает его над землей. В общении с русским простором – краеугольное зерно Русского Счастья. В нем, в нашем Русском Приволье, не только прошлое, но и далекое будущее человечества. Которые смыкаются в бесконечности, даденной смертным людям, сливаются в ней и расплываются во что-то еще более вечное и бесконечное, чем вечность и бесконечность.

РУССКОЕ ПОЛЕ

Существование русского поля не вызывает сомнения ни у кого, кто хотя бы раз был заброшен в Россию волею судеб или спецслужб. Не в том смысле поля, что оно засеяно рожью или гречихой – эти поля, и иже с ними рожь и гречиха – в не большей степени русские, чем могут или не могут быть русскими березы и медведи, прокатные станы и пивные ларьки. А в том самом смысле Русского поля, в каком поле является гравитация, заставляющая яблоко с яблони падать на землю – или на голову, если таковая по воле рока окажется на его траектории.

Никто в России не может избежать влияния на себя русского поля, которое, в отличие, например, от электромагнитного, действует исключительно на живое. Этим, в частности, объясняется то, что, только умерев, русский человек имеет шанс стать вечно великим.

В отличие от фундаментальных полей, известных из физики, русское поле не действует на неживую материю. Зато все, что может летать, скакать, ходить, бегать, плавать, ползать или прыгать, *Наше Поле* либо притягивает, либо отталкивает – притом отнюдь не обратно пропорционально квадрату какого-либо расстояния, а самым причудливым образом и не слабо.

Но вернемся к красе всего живущего, то есть к Нам с Вами. Ничто человеческое не может избежать воздействия Нашего Поля на Нашей территории. Никто не может иметь в нем, так сказать, нейтральную русскость. Каждый русскоязычный индивид имеет заряд русскости, и по тому, положительный он или отрицательный, испытывать его воздействие. При этом положительная и отрицательная русскости не компенсируются, поэтому в Нашем Поле никто не может остаться нейтральным к чему бы то ни было, так что бесполезно и пробовать.

---

¹ Но только один на один! любой коллектив русскому общению с Богом через природу противопоказан. Даже наедине вдвоем можно быть только с экраном телевизора, в лучшем случае с музами, но не с вечностью и ее создателем Божеством. Что же касается русского НаединеВтроем, то о нем мы будем говорить в другом месте.

Но, конечно, особый и куда менее тривиальный интерес представляет взаимодействие русского поля с человеческими существами. Здесь, я вам скажу, есть миллиарды возможностей, разнообразных, как и сама жизнь, и их изучение есть захватывающий предмет для мыслителя и естествоиспытателя.

Во временных масштабах, сравнимых с продолжительностью средней человеческой жизни, русское поле действует на русских людей в двух и только в двух стратегических направлениях. А именно, одни в нем всплывают, другие идут ко дну. Для того чтобы установить эмпирически, кто процветает в русском поле и какие для этого нужны физиогномические и личностные характеристики, достаточно посмотреть телевизор, или полюбоваться газетами, или, на худой конец, походить по Русскому музею и Третьяковке час-другой. И что же? Мы с удивлением обнаружим, что типаж руководящих лиц со времен Малюты Скуратова и всяких там Бекбулатовичей существенно не изменился! Лидер партии опричников Басманов в государственной думе Ельцинского созыва отнюдь не казался бы одиозным и на фоне других политических деятелей более поздних эпох даже не очень уж бы и выделялся. И выступать любимец Ивана Грозного мог бы, несомненно, не меняя опричного лексикона, лишь слегка поднабравшись новых слов из русско-российского словаря, хотя и это не обязательно: патриотическая направленность, должность и интонация говорили бы сами за себя независимо от содержания речи и вместо ее. Уверен: если бы Иван Грозный обратился к депутатам в Белом Доме с той же самой речью, которую он произнес непосредственно перед тем, как распространил вертикаль Московской власти на Господин Великий Новгород вплоть до полного искоренения самостийности последнего, речь царя была бы встречена такими бурными и продолжительными, что все бы встали и долго не утихали – спорю на что угодно.

С другой стороны, те, кто в русском поле во все времена, при всех правительствах и общественных строях идут ко дну, тоже имеют устойчивый типаж. Это работяги. Пришибленные интеллигенты. Правдолюбцы. Женщины, которых во времена Льва Толстого называли порядочными. *Короче говоря одним словом и на едином дыхании* - все те, кто обречен не нападать, а обороняться по причине отсутствия у них таланта быть хищником, а также те, кто по причине наличия убеждений не вписываются в виражи.

Исследование Русского Поля впереди. Оно с нетерпением ждет своих Беллинсгаузенов и Лазаревых, Берингов и Курчатовых, Пржевальских и Миклухо-Маклаев. Пока, со свойственной мне скромностью, я претендую на роль первооткрывателя поля, под действием которого живет шестая часть суши, и не более того. Я своего рода русский Ньютон, открывший закон всемирного тяготения к нам. Я – новый Ломоносов, который, согласно учебникам, по которым учили всех нас, первым в России открыл закон сохранения энергии. Мой вклад сродни достижению братьев Черепановых, которые первыми в мире построили отечественный паровоз. Исследование деталей не входит в мои намерения, тем более, что характерной особенностью русского поля, по моим наблюдениям, является отсутствие в нем деталей вообще, сколько в него ни вглядывайся. Оно целиком базируется на общих принципах. И это мое открытие тоже является знаковым и ключевым.

СООТНОШЕНИЕ РУССКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Если охарактеризовать идею Европейской цивилизации с птичьего полета, то есть с интеллектуальной высоты, с которой Юм неотличим от Беркли, а они оба – от Эпикура, то можно сказать, что она на удивление проста. Со времен Возрождения Запад стремился к ясности и детерминизму Ньютоновой Механики во всем: от налогообложения и семейных отношений до законодательства и языка. Человек Запада считает или делает вид, что считает (вопреки, кстати сказать, очевидности), что все можно познать умом. Ограниченность этой нехитрой идеи очевидна. Однако именно в соответствии с этой простой руководящей мыслью пишутся своды законов и строятся компьютеры, создаются телефонные сети и возводятся небоскребы. Как показала практика, мысль, что все можно понять, неверная, но плодотворная. Она имеет только одно преимущество перед другими генеральными мыслями: она работает. Благодаря ей построена цивилизация. Таким образом, она всего лишь первая среди равных. Других преимуществ у нее нет.

Явно уступая по глубине философиям Востока, утверждение о всемогуществе ума оказалось исключительно многообещающим технологически. Оно позволило создать паровую машину и радио, организовывать большие массы народа в поточные линии, наладить выпуск миллионов практически неотличимых друг от друга компьютеров и мочалок, автомобилей и кукол-гольшей. Плодотворность Ньютонова Детерминизма в области промышленности и технологии очевидна. Но это отнюдь не значит, что не могут быть построены цивилизации, основанные не на нем. И тем более не очевидно, что по мере выхода технологии на новые рубежи человечество не будет пересаживаться с одной генеральной идеи на другую, как с самолета пересаживаются на трамвай.

Русская идея в значительной мере противоположна западной. Ее можно было бы охарактеризовать как квантовую механику человеческого бытия, в которой, как известно, существуют пределы познания, отнюдь не умаляющие достоинств Бога, сотворившего мир. Как известно из физики, чем больше вглядываешься в элементарную частицу, тем больше неопределенность в ее понимании и тем яснее осознаешь, что за этой малюткой, которую и в микроскоп-то не разглядеть, стоит целый мир. Вот так и Россия. В русской культуре чем больше вникаешь в происходящее, чем больше деталей тебе сообщают, чем пристальной вглядываешься в какую-нибудь точку, тем меньше понимаешь, что происходит и о чем идет речь. Для западного человека это кажется парадоксом. Для русского же – так же просто и очевидно, как невозможность быть честным перед государством, или то, что в номенклатуре на уровне, скажем, первых секретарей обкома партии и выше не могло быть ни одного порядочного человека.

Русская жизнь непостижима. Если ты понимаешь, или думаешь, что понимаешь, что происходит в одном месте, то, глядя из него на расположенное по соседству, уже не понимаешь в нем ничего, и никакой опыт тебе не поможет. Подчиненные не знают, что они делают, выполняя приказ начальства. Начальство не знает, чем заняты вверенные его попечению подчиненные. Народ не знает, что происходит в правительстве. Зато и министры не знают, что происходит в

курируемых ими ведомствах (то, что это неведение является спасительным для государства Российского, вопрос отдельный).

Казалось бы, такая всеобщая непостижимость неминуемо должна была бы развалить сверхдержаву. Однако ничего подобного не наблюдается. Наоборот: народ един, и год от года его единенство с самим собой и теми, кто за ним присматривает, крепчает.

О, наивный западный наблюдатель! Тебе кажется, что полиция (известная у нас под псевдонимом «милиция»), работает для общественного спокойствия, что министры трудятся на благо народа и что законы издаются, чтобы их соблюдали. Он был бы крайне удивлен, если бы ему сказали, что работники милиции находятся на содержании у преступников, что министры работают сами на себя, как полярники на дрейфующей льдине, и что законы издаются не во имя общественного блага, а ради дыр в них и между ними.

Еще в советское время я открыл Золотое Правило Советской Механики: если какая-либо советская организация работает в соответствии со своим предназначением, то ее руководство ворует по-крупному и его в полном составе можно сажать за решетку. Разумеется, времена изменились, но не настолько, чтобы принцип фундаментальной непостижимости российского бытия перестал существовать.

Результаты громадной и не знающей прецедентов в мировой истории непостижимости российского бытия налицо. Разумеется, мы не можем и никогда – подчеркиваю – НИКОГДА – не сможем сделать так, чтобы из тысячи автомобилей десятьсот девяносто девять удовлетворяли проекту и чтобы швейцары в ливреях выглядели одинаково. Зато у нас каждый может гордиться тем, что, что бы он не купил, его товар уникален, даже если выпущен в ста миллионах экземпляров и разложен в одинаковые коробки, и что никакая глобализация экономики нам никогда не будет грозить.

Точно так же как наши товары, не похожи друг на друга наши люди и наши начальники. В какой бы мундир ни одели русского человека, его личность неизменно выпирает из этого мундира. Приезжая в Лондон, кажется, что все швейцары и все водители кэбов на одно лицо. Не то в России. У нас сколько швейцаров – столько и лиц. Никогда не забуду швейцара ресторана «Волна» (когда-то стоявшего на Неве пристанью) – швейцара – повторяю я, который сидел нога на ногу, читая книгу, и, когда я вошел внутрь, потребовал, чтобы я вернулся и закрыл за собой дверь. Поди, найди в Англии другого такого!

Истинно, истинно говорю вам: российская жизнь настолько же сложнее западной, насколько квантовая механика сложнее ньютонова детерминизма. Познать происходящее у нас так же невозможно, как определить, с какой скоростью двигается электрон, находящийся в данной точке в настоящий момент. И это по-хорошему радует.

ВВЕДЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЕ КРЕДО

Не секрет, что:

Каждый русский человек, независимо от:

образования,
половой и территориальной принадлежности
партийной и сексуальной ориентации

дохода
расхода
загула
разгула
прогула
отгула
опьянения
опохмеления
обнищания
обогащения
обалдения
остервенения
отупения
ошизения
офонарения
и
офигения

знает наизусть четыре слова, написанные великим русским поэтом. Вот они:

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ

Они, эти четыре слова, так полно выражают «наше все», что сочинивший их, точнее, соединивший воедино, смело мог больше ничего не писать, а прочитавшие – больше ничего не читать, а только проникать в смысл этих четырех слов, уходя в него все глубже и глубже, как в пробку штопор: оборот за оборотом, день за днем, год за годом ...

Ибо наряду с немногими столь же всеобъемлющими изречениями, претендующими выразить «наше все», а именно: Владимира Красно Солнышко (*Питие есть веселие Руси*) и Карамзина (*Если одним словом выразить, чем занимаются на Руси, то слово это: «воруют»*) ямб Тютчева претендует на то, чтобы считаться словесным изречением нашей национальной идеи, а, в силу позитивного характера его по сравнению с двумя другими, более прозаическими афоризмами, имеет все шансы стать в этом соревновании не только призером, но и победителем.

В самом деле: если не умом можно понять свою страну, то чем? Затылком? Тазобедренным суставом? Мочевым пузырем? Арифмометром?

Если бы Тютчев выразился одним словом короче, если бы он утверждал, что РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ вообще, исключив упоминание об УМЕ, с ним можно было бы по крайней мере не согласиться. Но не в оригинальной четырехстопной форме изречения. Анализируя тютчевское четырехсловие, приходишь к выводу, что умом и только умом невозможно понять Россию! А чем-нибудь другим, возможно, можно.

Не успели мы прийти к этому как бы выводу, как немедленно возникает и встает ребром новый вопрос: чем именно другим? Интуицией? Пристальным пронзающим насквозь взглядом? Нечеловеческим нюхом? Биополем? А может быть, их совокупностью? Судя по Четырехсловию, никакая из этих возможностей не исключается. Хотя в то же время никакая из них и не рекомендуется. И нет ни малейшего указания на то, куда идти и идти ли вообще. То есть вроде бы содержится намек на то, что нашу страну можно уразуметь на запах, на вкус, а также другими органами чувств, человеку неадекватными – но, с другой стороны, этого намека как бы и нет. До чего тонкая штучка этот наш Тютчев!

Однако если вы ДУМАЕТЕ, что, обдумывая сию максимуму, вы можете приблизиться к пониманию нашей Родины, себя в ней и ее в себе хотя бы на йоту, то вы заблуждаетесь. С пониманием невозможности понимания нас не затылком, не лопатой и не голеностопным суставом, а тем, чем по обыкновению привык понимать все на свете homo sapiens, мы принципиально не можем приблизиться к пониманию нашего мы. Нас в себе. И нас вне себя. Потому что, как только мы начинаем думать об этом, мы уже обречены на непонимание.

Это более чем парадокс. Это коан.

Коаны, как известно, пришли к из Дзена. Пока мы не претендуем на то, чтобы считать Россию – Родиной Буддизма, хотя основания для этого есть. Но то, что мы восприняли эту далекую от практики философию и, преобразив до полной узнаваемости, как занесенный в Россию Петипа французский балет, сделали его нашим национальным достоянием – факт.

Впрочем, есть веские основания полагать, что афоризм Тютчева, нерушимо связывающий воедино Россию и Ум, уходит корнями в глубокую старину. Что поэт лишь подцепил слова, веками порхавшие в нашем воздухе, как сачком бабочку, и нанес пером на бумагу. И что летописцы отмечали, что при еще Иване Калите предки наши, столкнувшись с чем-нибудь непреодолимым, как наша бездна, и шатким, как мост через нее, разводили руками и произносили эти четыре слова как заклинание и одновременно как разгадку, объясняющую все так полно, что после этого остается только молчать.

И впрямь: попытки найти во вселенной материю или часть тела, способную понять себя в нас, уведут пытливого юношу (без уточнения, кем пытливого) и ищущую девушку (без уточнения, кого именно ищущую) ... нет, не в неправильном направлении, а в отсутствие какого-либо направления. То есть даже не в никуда, а во что-то бесконечно более неопределенное, чем никуда. *Пойди туда - не знаю куда, принеси то - не знаю что* (первое, кстати сказать, техническое задание в мире) – по сравнению с приведенным выше ключом к пониманию нас, кажется просто путеводителем по русскому полю.

Человек, непривычный к коанам, может попытаться найти ответ, продолжив чтение и перейдя от первой строки цитированного четверостишья ко второй, третьей и так далее. Не может быть ничего более ошибочного, чем попытаться понять нашу логику, идя вглубь. В чем мы незамедлительно убедимся. В самом деле, четвертая строка шедевра, в которой утверждается, что *в Россию можно только верить*, озадачивает не меньше, чем первая. Получается, что вера есть максимально возможная степень понимания своей страны и жизни в ней, включая и свою собственную жизнь, на которое может рассчитывать человек. Таким образом, в конце пути нам обещают веру в понимание вместо самого понимания. То есть примерно то же самое, как если бы зарплату заменили верой в ее получение. Прямо скажем: не густо. И тем не менее, несмотря на кажущийся пессимизм, трудно вообразить что-либо более оптимистическое. Потому что оптимист - тот, кто ведет за собой пессимистов. Засим не будем ни отчаиваться, ни ликовать. Тем более, что предположение, что мы можем коллективно сойти с ума, несомненно, является жизнеутверждающим, елико нельзя лишиться только того, чем не обладаешь. Давайте, наоборот: дружно просветлеем. А потом просветлеем после просветления. И после того, как мы просветлеем вторично, третично и четвертично, и, прозрев после очередного прозрения, осознаем, что наше фундаментальное четырехсловие больше чем мысль, ибо смысл его теряется в момент произнесения, к нам самым парадоксальным образом придет необыкновенная бойкость в мыслях. И мы зададимся вопросом: «Куда ж нам плыть?» «С кем?» И главное – «Плыть ли?»

Не будем спешить с ответом, которого, как ясно заранее, не существует. Молодецкий клич былинных богатырей - *Эх, была не была!* – стирающий грань между бытием и небытием (которое определяет сознание), как разрешение всех русских противоречий, представляется нам наиболее уместным, прежде чем хлопнуть шапку (или что бы там ни попало под руку первым) оземь и пуститься в путь по родной земле-матушке, не вставая с печки-лавочки и замечая за собой несуществующие следы.

БЕЗДНА В БЕЗДНЕ

Над входом в Дельфийский храм во времена Перикла, Платона и Аристофана, по слухам, было начертано изречение из трех слов: ВСЕ В МЕРУ (не по-русски, по-гречески, разумеется).

Этот лозунг и есть краеугольный принцип устройства души европейца, с которого, по всеобщему мнению, было положено начало цивилизации.

Истинно, истинно говорю вам: трудно представить что-либо более противоречащее русской душе, чем эти слова! Потому что они предполагают холодное равновесие и гармонию на веки вечные. А нам, русским, по душе импровизация и страсть.

Все в меру, ничего слишком... Господи, как это скучно! Жить надо пылко! А обуздывать чувства – все равно, что надевать хомут на скрипача-виртуоза. Все делать со страстью – это по-нашему.

Все довести до предела – вот наш девиз. И достигнув его, перекурить, отметить и призадуматься, куда и как еще сигануть. Потому что всякое недостижимое (будь то сказка о Василисе Прекрасной или коммунизм) похоже на горизонт: сколько к нему ни приближайся, расстояние между тобой и им не изменяется. То, что вчера казалось не толще лезвия бритвы, по мере приближения к этому лезвию разворачивается во вселенную. Нашу вселенную! Глядя из которой – наоборот – тонким, как лезвие бритвы, кажется гармония и равновесие европейца.

К пределу можно только стремиться. Что мы и делаем. Равновесие – это не про нас. Это на том свете. Который зовут Европой. Идущей из любой случайно взятой точки, как ясно из вышесказанного, в диаметрально противоположном нашему направлению.

Состояние, к которому мы стремимся, кажется европейцу диким и неустойчивым. Европейский же мир представляется нам мертвенно скучным, если смотреть на него из нашего, шумного и пылкого.

Поставь европейца и русского лицом к лицу в чистом поле – как только они сориентируются, то нипочем не пойдут рука об руку, а попрощавшись, разойдутся. Если один устремится к экватору, другой зашагает на север, если один взлетит в небеса, другой углубится под землю.

Умеренные люди, нам вас не понять. Вы для нас инопланетяне. Впрочем, как и мы для нас. Что делает нас симметричными, как если бы один из нас был отражением другого в зеркале. Вот только кто из нас – отражение, а кто – подлинник, нам будет трудно договориться.

НАШ ВЕЧНЫЙ СТАРТ

Когда Горбачев начинал перестройку и с высокой, как тогда говорили, трибуны сказал (цитирую):

“Мы с вами в начале большого пути”

(конец цитаты), я аж подпрыгнул.

Это как это?

тысячу лет как крестились,
семьсот лет как самоопределились,
пятьсот лет назад началось наше великое расширение,
четыреста лет порядок наводили,
триста лет в Европу окно рубили,
двести лет немца били,
семьдесят лет коммунизм возводили,
шестьдесят лет капитализм топтали,
пятьдесят лет в атеизме крепчали,
сорок лет культ преодолевали,
тридцать лет социализмом гордились,
двадцать лет оказывали братскую помощь,
десять десяти лет из застоя выходили,
татаромонгольщину одолели,
столыпинщину перелопатили,
бухаринщину искоренили,
опричнину поддержали,
коллективизацию пережили,
семибоярщину отметили,
индустриализацию выдержали,
бироновщину разоблачили,
космополитщину изобличили,
царьбатьковщину свергли
белых победили,
изменников расстреляли,
друзей реабилитировали,
уничтожили социальные корни алкоголизма,
кулаков выслали,
целину подняли –

и опять в начале пути???????

А потом кирнул и подумал: Господи, да разве может быть лучшее доказательство нашей Божественной Ипостаси, чем способность в любую минуту начать с нуля? (!) Древние египтяне – те откровенно начинали отсчет времени заново с восшествия на трон каждого нового фараона; и ничего: худо-бедно, три тысячи лет продержались у пирамид. Насколько же выше гибкость нашего контингента, чем таковая у западноевропейского населения, которое вписывается в плавную смену своих правительств, как автомобиль на автостраде в мягкий поворот!

Насколько отечественный человек динамичнее гражданина Запада, очевидно из того, что нас не колышет на самых резких ухабах и не заносит на самых крутых виражах. Проходя через все на свете, мы остаемся самими собой настолько, что, если нас выбросить из времени с парашютом и приземлить у какого-нибудь сеновала, определить, в каком именно столетии оказались десантники, будет ой, как непросто! И знаете почему? Потому что наша Великая Родина человеческая. Она суть плоть от плоти мы с вами, по образу и подобию нашему. Она как ты да я. Для которых десять минут так же не за горами, как десять веков. Все наши! В любом из них мы готовы проснуться в любую минуту. И окажемся замечательно приспособленными. Без перестройки сознания. Даже никакого времени на адаптацию не понадобится: с места – и в гущу!

МЫ СУПЕР-АНГЛИЯ

*“Проникновенье наше на планете
Особенно”*

Владимир Высоцкий

Когда я сравниваю нас с Англией, гордящейся блюдением своих тысячелетних традиций, я только снисходительно улыбаюсь. Конечно, у них это есть, всякие там бракосочетания в вестминстерских аббатствах, церемонность в произношении *How do you do?* и приверженность к технологическому антиквариату. Но, побывав в английском городе Лондоне, трудно отделаться от ощущения, что всю эту приверженность старине жители Объединенного Королевства демонстрируют из последних сил, чтобы хоть чем-то напомнить миру, что были империей; смотрите, какие мы, мол: маленькие, но крутые. У нас же, россиян, верность традициям (и величие иже с ней) в крови настолько, что нам и поддерживать их незачем, наоборот - не вытравить их, врожденных, никакими бульдозерами истории. Сталин и Петр Великий – наши вечные современники, до Чингиз-хана и Ивана Сусанина рукой подать, Екатерина Великая, можно без преувеличения сказать, наша баба, а царь Иван Васильевич, ну, просто абсолютный идеал высшего руководства на все времена. Хоть сейчас в Кремль Яго’.

Так что на месте Англии я бы молчал. Им до нас даже чесать бесполезно. Такому не учатся.

НАШЕ Я

И чего это они так уцепились за цельность природы? И чего это они придумали, что если раздвоение личности – это сразу уже шизофрения? А расстройства не хочешь? А упятерения? А удвадцатшестирения – даже представить слабо?

Это для европейца проблема - стать другим человеком. Это им там надо мало-помалу себя совершенствовать или, наоборот, чтобы куда-то прийти. Для меня лично стать другим человеком не составляет никакой проблемы. Потому что *нас во мне* столько, сколько потребуется – и ни на одного меньше. Наоборот: мне надо прилагать сверхчеловеческие усилия, чтобы оставаться тем же самым собой хотя бы на месяц.

Европеец с самого принятия христианства, а может, даже с Платона, только и думает, как о цельности своей личности. Дескать, идеальный человек, эталон совершенства, Нагорная проповедь... Боже ж ты мой, какая ограниченность! В этом смысле мы устроены совершенно иначе и только с виду кажемся похожими на англичан. А если мы и миссионеры, то не с постными лицами. Человек от рождения гибок, и в нем сидит сразу столько я, что и не сосчитать. В душе европейца одно я зашибает всех остальных, как кукушонок. Потому что в русской душе все не так, как у европейцев, американцев, эфиопов и вообще кого бы то ни было. Ибо **РУССКОЕ Я — ЭТО МЫ.**

Фрейд в этом смысле сильно упрощал человека с его теорией сознания и подсознания, потому что жил в Австро-Венгрии, крутящейся в вальсе. И насчет всемогущества супер-эго и других угрызений – это он тоже – без полбанки перебрал. Если бы товарищ Зигмунд родился и вырос под Пензой, или, к примеру, на Пресне, психоанализ пошел бы по другому пути. Встать на который, ему, впрочем, не поздно. С нашей ненавязчивой помощью.

На самом деле человеческий мозг намного более гибок, чем о нем судят те исследователи, которые делают обобщения, изучая серое вещество европейца. Я, например, убежден, что душа человека древнего Рима была устроена совершенно иначе, чем наша. Вы только подумайте: одной рукой плебей ел мороженое в Коллизее, а другой -поднимал палец вниз, чтобы при этом кого-нибудь прикончили к его вящему садистскому удовлетворению. Это не отдельные отморозки, это какое-то всеобщее отморожение нации на сорокаградусной жаре. Где тут, спрашивается, супер-эго? Где мораль? Где угрызения совести? Где все это, я вас спрашиваю?

Римляне так прямо и написали чуть ли не в кодексе Юстиниана, что те, кто правят государством, должны быть выше морали этого государства. Вот проанализировал бы Фрейд душу не то что Калигулы, а самого обыкновенного консула, много бы чего пооткрывал – клянусь подкоркой.

Мы - третьи, между прочим, римляне, тоже ни на кого не похожи. И слепыми европейцев в отношении нас делает только то, что они видят нас каждый день. То, что они не могут взглянуть на нас с временного удаления. О чем втайне мечтают.

Психоаналитики утверждают, что мое сознание подчиняет подсознание. А я спрашиваю: это которого меня подчиняет? Чем сразу ставлю всех этих немцев и итальяшек в тупик и на место оптом и в розницу.

Когда мне говорят: *будь самим собой*, – я спрашиваю: *каким?* Когда мне говорят: *приди в себя*, я уточняю, *какого именно меня* имеют в виду?!

В самом деле: как объяснить испанцу или бельгийцу выражение *наш человек*? Как растолковать, что *на перроне посла Нидерландов встретили наши люди*? Бесплезно! Куда им!

Только отказавшись от европейских догматов, можно начать понимать в нас хоть что-то. Например, пресловутое русское шарахание из бездны в бездну, которое так поразило американцев, открывших Достоевского наобум, да к тому же в переводе на их «американский» английский с рублеными фразами. Да нет у нас никаких шараний! Это же так элементарно. Просто в какой-то момент вместо одного человека внутри меня начинает доминировать другой. Вот и все.

Другое дело - изучить, как этот переход от одного я внутри меня к другому происходит, как бы под микроскопом, который увеличивает не пространство, а время. Как одно я, забредя в полные дебри, падая в пропасть или упершись в стену, вдруг вспоминает об Алтер Эго. Как оно, это мое гегемонное я, село на пень в изнеможении и глядит, как растет новое я, сначала малюсенькое, едва заметное в травушке-муравушке, а потом становится выше леса, выше гор, выше облаков... Как они, мои я, какое то время вместе орудуют внутри меня. Как они снятся друг другу, причем сначала тот, Другой Я, снится первому, а потом оказывается, что уже первый я снится второму. Пока новый alter Я не становится окончательным гегемоном. В то время, как третье, четвертое, сорок восьмое я дремлют или орудуют потихоньку где-то на периферии сознанки, а я за номером «шестьдесят семь» ушло в подсознанку и не вернулось. Ей богу, такой психоанализ тянет на Нобелевскую!

Истинно, истинно говорю Вам: наше я – это мы. А наше мы - это все, кроме меня самого. Я наш – это звучит гордо. По крайней мере, в России.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАМ НЕ ГРОЗИТ

Русская земля только кажется плоской. На самом деле она намного объемнее, чем, скажем, немецкая. Немец, если повернется на пятках или сделает круг, опять видит то же самое, что и раньше. Ту же реку, то же небо, то же правительство, те же законы, тех же людей. У нас же два раза одно и то же не увидишь никогда. Это абсолютно исключено!

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Они говорят: десять заповедей. Они говорят: цельность личности. Они говорят: золотая середина. А я говорю вам: не ограничивайте себя в себе и не убивайте в себе нас. Гордитесь тем, что вы можете в любую минуту стать другим человеком и тем, что у вас всегда есть выбор. Что вы можете стать кем угодно и родиться заново – причем в любую минуту.

ИВАНОВ ПЕТРОВ СИДОРОВ

После падения Берлинской Стены патриоты предупреждали население всеми доступными способами, что отступление от идеалов Ленина-Сталина временное, что наше дело правое и мы опять победим, что спасет Россию не рынок, а Родная Партия, Компетентные Органы и Наша Армия. Пожалуй, лаконичнее всех выразил эту национальную по форме и интернациональную по содержанию мысль поэт Феликс Чуев, который закрыл исторический VII-ой съезд писателей РСФСР, впервые отделивший русских писателей от русскоязычных, такими стихами:

'У нас еще в достатке материала,
Который мы не пустим на распыл:
У нас еще Царь-Пушка не стреляла!
У нас еще Царь-Колокол не бил!'

Четко сказано – как в мраморе выбито. Ни убавить, ни прибавить. Демократы-либералы, как сейчас помню, ерничали насчет этих строк. Демократы либералы кричали: ах, это не по-европейски. И что же? Несмотря на все их потуги сбить народ с Богом избранного пути, мы ни на пядь не отступились от своих ценностей. Компетентные органы и армия ведут нас вперед, как и вели. А если бы журналистам было позволено заглянуть в личные дела политиков и министров, они бы обнаружили, что процентов девяносто девять (а может, и больше) тех, кого мы видим по телевизору, в недалеком прошлом были руководящими деятелями Коммунистической партии, правительства и силовых министерств. Другими словами: когда в России меняется все, в ней не меняется ничего. Когда жертв Чернобыля западные меценаты везли на лучшие курорты Средиземноморья для реабилитации их здоровья, это были мы: Иванов, Петров, Сидоров. Когда потребовались кандидаты для выдвижения в олигархи, мы были тут как тут: Иванов, Петров, Сидоров. Когда было решено организовать плюрализм и понадобились руководители новых партий, это были опять таки мы: Иванов, Петров, Сидоров.

Мы приватизировали Россию, открыли окно с видом на Европу и вышли на рынок в костюмах от Версаче не для того, чтобы сливки с русской демократии

снимал кто-то другой. Мы – Антеи, на родной земле с нами бороться бесполезно. В своей стране мы обречены вечно быть на плаву. Потому что как нас не меняй, не смещай и не свергай, наверх все равно всплывем мы. Мы – сублемация народных чаяний. Выразусь еще смелее: Мы – это и есть народ.

ДУРАКИ И ДОРОГИ

Говорят, дескать, в России две проблемы: дураки и дороги. Дурак тот, кто так говорит. Истинно, истинно говорю вам: и дураки и дороги – предмет нашей гордости и самобытности. Разве лихая езда по ухабам не являются неотъемлемой частью нашего национального характера? Разве Иван Дурак не является нашим национальным героем? Покажите мне такого западника, который, поразмыслив над этими риторическими вопросами, рискнет утверждать, что я не прав!

История наших дорог и наших дураков уходит корнями в глубины нашей старины. Разве русские тройки скакали по автострадам? Разве глас русского юродиевого не есть русский глас Божий?

Езда по нашим проселкам – наше национальное искусство. Борьба с нашими дураками до полной и окончательной победы над собой – наш национальный спорт. Мы – чемпионы Европы в езде по ухабам. Мы – мировые рекордсмены в преодолении трудностей, созданных нами самими.

Наши дороги предъявляют к автомобилям критерии, которые нигде в мире не предъявляются. Наши дураки – самые номенклатурные в мире.

На наших дорогах лучший автомобиль – отечественный. В борьбе с нашими дураками наверх всплывает опять же наш дурак – и ничей более. Объединяя правило трех Д, известное каждому автомобилисту, с проверенной веками народной мудростью, можно уверенно утверждать: дай дураку дорогу – он лоб расшибет. Чей? Правильный ответ: всякий кроме своего собственного. А вы, небось подумали, что Наш Дурак расшибет свой собственный лоб? Если так, то мне за вас, господа, совестно. Аж зарделся.

Только в России дурак может руководить умными без дураков. Только в России бездорожье является путем, по которому народ уверенно шагает в завтра.

В России дурак не дурак, а национальный герой. В России пыль столбом – национальный пейзаж.

Мы не похожи ни на кого. И нечего американцам загонять нас в общее европейское стойло. Я заявляю во весь голос со свойственным мне бесстрашием:

Наши дураки – больше, чем неисчерпаемый резерв. Они – наше национальное достояние.

Наша колея – больше чем средство проехать из одной точки на карте в другую. Она – наша национальная дорога и есть.

СТРАНА МЕЧТАТЕЛЕЙ

*Здравствуй, страна героев, страна мечтателей...
Цитата из песни, которую знает каждый ребенок*

Да: Россия страна мечтателей!

В которой мечтают и стар и млад, от мала до велика:

- Девки о замужестве
- Начальники – о повышении
- Мужики об опохмелке
- Бабы о счастье
- Интеллигенты о всеобщей интеллигентности
- Добры молодцы о добрых молодцах
- Бандиты о милосердии
- Судьи о справедливости
- Стражи порядка о порядке
- Артисты о роли Гамлета
- Покойники о могиле
- Министры о честности
- Курящие о перекуре

Были мы в Америке. Так там, кроме наших эмигрантов, никто не мечтает. Поэтому жить у них на редкость скучно: американцы только ставят цели и работают с утра до вечера, чтобы добиться их осуществления. И больше ничего не делают! Сплошная коммерция и никакой романтики.

Бывали мы и в Европах. Глядя по сторонам, на всю эту ухоженность клумб и такую вызывающую омерзение чистоту, что, если захочется плюнуть, то кроме урны некуда – сомневаешься, что у них много мечтателей среди коренного населения. Для этого у них там слишком уютно.

У нас все не так. Мы – Страна Мечтателей. У нас мечтают все – от президента до его охранника, от двоечника до его учителя, от нового русского до его старой жены, от браконьера до рыбнадзора. Нигде не мечтается так легко и естественно, как в нашей стране! Потому что

только в России
для того, чтобы стать счастливым,
необходимо и достаточно
закрывать
глаза.

Краткая История Цивилизации От Первого Рима до Третьего

написание коей приурочено к переходу
вышеозначенного человечества
в очередное тысячелетие

“Римляне, мира владыки, одетые в тогу.”
Виргилий

Вот Колизей. Здесь бравурно людей убивают.
Вот Капитолий. Здесь судьбы решаются мира.
Вот Палатин, на котором с Нероном пирут
Римляне, Мира Владыки, одетые в тогу.

Вот Поединок. В нем судьи - прекрасные дамы.
Вот еретик на костре. Вот толпа. Праздник духа.
Вот Византия. Вот кровь на забралах и лицах:
Рыцари, Мира Владыки, одетые в латы.

Вот Полигон. Все ракеты готовы к полету.
Вот Колыма. Здесь проходит ударная стройка.
Вот и трибуна. Пред нею бредут величаво
Русские, Мира Владыки, одетые в ватник.

Вот Человечество...

ЦАРСТВО ПРАВДЫ

RUSSKAYA PRAVDA

Воистину, нет другой страны в мире, в которой не говорили бы правду так повсеместно, как в нашей! Действительно, ПРАВДА у нас слышна на каждом шагу:

на работе и дома
в парадной и в Совете министров
в трамвае и в постели
на трибуне и на бракоразводном процессе
у рекетира и губернатора
адвоката и прокурора
бомжа и олигарха
алкоголика и наркомана
любовницы и участкового
струится по телевизору и репродуктору
из уст президента и резидента
начальника и уборщицы
партнера и собутыльника.

Никуда от нее, родимой не-скрыться-не-спрятаться - как от лучей солнца-Ярилы в чистом поле.

У западного человека, непривыкшему к такой повсеместности правды, даже в глазах рябить начинает и он, ошалев от этого изобилия, невольно спрашивает: “Gospodi, da zchem zhe vam ee stolko, rebjata??”

Но мы-то знаем зачем! Мы, с детства привыкшие к правде, можем потрепать ее и пропускать через себя, как водку – в любых количествах. Ибо наша страна – самая правдивая в мире! И это не случайно. НАША ПРАВДА – краеугольный камень нашей культуры и нашей силы. И когда мы *КЛЯНЕМСЯ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ И ТОЛЬКО ПРАВДУ* – это не пустые слова. Именно потому что ПОТРЕБНОСТЬ В ПРАВДЕ в нашей стране намного больше чем в любой другой – не только в валовом исчислении, но и на душу населения - есть у нас:

И правда жизни
и правда-матка
и правда в глаза
и чистая правда
и чистосердечная правда
и бандитская правда
и сермяжная правда
и русская правда
и московская правда
и сыктывкарская правда
и комсомольская правда

и еще множество правд, на которые в прежнее время можно было подписаться на год, на полгода и на три месяца, а также купить в ларьках Союзпечати за две копейки (блаженные были времена),

а сверх того была еще Центральная Правда, она же просто Правда, без определения, какая именно, – но зато орган Центрального Комитета КПСС.

Впрочем, узнав, что ПРАВДА может быть чьим-то органом, и даже просто обладать наклеенным на нее ярлыком профессиональной, партийной и еще чьей бы то ни было принадлежности, европеец несказанно удивится и поднимет брови. Еще бы! У них ведь в Европе языки ограниченные, непродвинутые, словарного минимума – и то не хватает. У них в языках и *правда*, и *истина* переводятся одним словом: по-английски - the truth, по-немецки - die Wahrheit, по-французски – *verite*, по-испански - *verdad*, по-итальянски - *verita* – но всегда одним единственным – ну, будто сговорились. Поэтому объяснить, им, недотепам, различие между двумя ключевыми понятиями, с которых начинается НАША ЦИВИЛИЗАЦИЯ:

Правда

и

Истина

– гуманными методами совершенно невозможно. И заставить ввести в их иностранный язык дополнительный термин для главного слова:

ПРАВДА, - чтобы они от истины ее отличать могли – ну, хотя

бы прямым переводом с русского – *Pravda* – иначе, как освободив, то есть спустившись десантом на Белый Дом и Букингемский Дворец - и мечтать не приходится: такие они лохи. Они (американцы и европейцы) в силу своей ограниченности (и вообще, и от нас) уверены, что *what is not the truth is lie* (то, что не не истина, то ложь). Что если отказаться от этого высшего (как они близоруко считают) достижения западноевропейской мысли, то, образно говоря, падут Эйфелева Башня и Биг Бен. И уж совсем невозможно объяснить европейским и американским недоумкам, что может быть много правд (truths) об одном и том же предмете. И даже такой очевидный для любого россиянина факт, что существительное truth может быть употреблено с неопределенным артиклем “a”... Ну не доросли они до понимания этого нашего краеугольного кирпича.

...Они в их Америках и Европах и в страшном сне представить не могут, что в один прекрасный день вместо “*New York Times*” раскроют “*A Washington Truth*”. Что Truth может зависеть от чьей бы то ни было воли, будь то truth воли монаршей, губернаторской, рекетирской или президентской. Что может быть *White House Truth*, *Fiths Avenue Truth* и *Republican Truth*. Им еще только намекнешь, что на Truth можно повлиять телефонным звонком, а у них уже глаза на лоб лезут: для них, догматиков, не понимающих разницы между правдой и истиной, это так же

невероятно, как если бы после телефонного разговора изменился закон всемирного тяготения. Даже само представление, что the truth (правда) может быть нашей, а стало быть, и не нашей, вызывает у европейца головокружение и близость к апокалиптической потере сознания. Да чего там: у них для правды и множественного числа-то нет!

Пора признать: Homo Russian намного свободнее, чем европейский человек. На древе эволюции мы находимся выше – а потому видим дальше. Особенно далеко мы обскакали все части света по части внутренней свободы – от чего бы то ни было. Поэтому когда мы в суде клянемся говорить правду, всю правду и только правду, то делаем это с совершенно – подчеркиваю – СОВЕРШЕННО чистой совестью. Которая, кстати сказать, у нас тоже устроена намного сложнее, чем у английской королевы.

Истинно, истинно говорю вам: русское понимание правды несравненно прогрессивнее европейского. И глядя с высоты Нашей Правды на ихние the truth, die Wahrheit, verite, verdad, verita и veritas иже с ними – которые не дают человеку ни малейшей свободы выбора, испытываешь только одно чувство: жалости к тем, кто так безнадежно от нас отстал.

НОСИТЕЛИ ПРАВДЫ

Носителями правды являются люди. Сколько людей, столько же у нее эпицентров.

Однако: мир правд, несмотря на кажущуюся стихийность, строго организован. В нем царят порядок и иерархия.

Сила правды увеличивается по вертикали. По мере приближения ее источника к вершине египетской пирамиды власти ее мощь возрастает.

Центральным эпицентром Правды является Кремль. От которого она расходится по Земле, как лучи от солнца-Ярилы.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПРАВДА

Коллективная правда не имеет ничего общего ни с индивидуальной правдой, ни с правдой как таковой. Она целиком и полностью есть производное от Воли Монаршей. Если монарх пускает коллективную правду на самотек – носить Шапку Мономаха ему осталось недолго. Это Золотое Правило Нашей Истории, из которого не было, нет и не будет ни одного исключения.

ЖЕНСКАЯ ПРАВДА

Женская правда не имеет ничего общего с мужской.

ПРАВДА ТЕЩИ, ПРАВДА СВЕКРОВИ И РАЗДВОЕНИЕ РАСТРОЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Былина

В связи с относительным характером понятия правда она может являться причиной раздвоения личности отдельного человека. Группы. И нации.

Для того, чтобы меня не обвинили в политиканстве, обратимся к бытовому примеру, о котором по секрету после второго стакана рассказала мне знакомый врач-психиатр. В прошлую среду на прием пришла женщина, у которой двое детей: дочь и сын, сыгравшие свадьбы в одном и том же ресторане в одну и ту же ночь. Так вот: эта склонная к самоанализу мамаша – как звали ее не помню, но для определенности пусть будет Нина Андреевна – так вот, эта Нина Андреевна обнаружила у себя раздвоение личности. Которое началось в то самое утро, когда она, проснувшись, обнаружила, что стала и тещей, и свекровью. И, став ими обеими, пришла в ужас. Потому что свекровь и теща – это, как всем известно, две враждующие между собой ипостаси, у которых противоположные правды, ни в чем не совпадающие друг с другом. Правды-то две, а Нина Андреевна – одна. Потому что если как свекровь, она за, как теща - неизменно против того же самого, причем категорически. К примеру: если зять выражает недовольство тем, что ее девочка не готовит ему ужин и в доме грязь, как теща - Нина Андреевна возмущена мужиком, который не может помочь бедной малютке, тянувшей ляжку на двух работах. Но когда то же самое говорит ей ее нежно любимый сын о своей доброй молоднице, свекровь в Нине Андреевне во весь голос, не выбирая выражений, возмущается

безрукой бабой, которую мать с детства не научила быть в доме полноценной хозяйкой и вообще ничему. Когда невестка после выяснения отношений с ее, Ниной Андреевны, мальчиком не пришла домой ночевать, свекровь в Нине Андреевне бушевала неделю и еще неделю была вне себя. Но когда ее нежно любимая дочка ушла на три дня жить от мужа к товарищу, любившему ее со школьной скамьи, теща внутри этой же самой Нины Андреевны сказала совершенно безапелляционно: так ему, сволочи, и надо; не стоит он ее.

- Ну, и что тут такого? – справедливо спросите вы. В чем проблема? Другая бы не заметила. Миллионы тещ и свекровей жили на свете, будучи и теми и другими – и горя не знали. Несли на себе свою паронюю, не замечая ее, как черепаха свой панцырь. Думать бабам надо меньше – и вся недолга.

Что ж? Сказав так, вы попадете в самую точку. К несчастью для нее, Нина Андреевна имела доступ к психологической литературе. И, проанализировав бурю внутри себя по всем правилам психоанализа, пришла к выводу, что лечить ее бесполезно. Ибо раздвоение ее, Нины Андреевны, личности носит, по ее мнению, необратимый характер. Оно у нее на уровне материнского и одновременно дочернего рефлекса: материнского - как женщины, дочернего - как гражданки. А не знай Нина Андреевна психоанализа, будь она проще, возрастись она ближе к сохе, никаких проблем не было бы. Ни с раздвоением расстроенной личности Нины Андреевны, ни с правдой, ни с самой Ниной Андреевной. Которая, кстати сказать, вчера стала бабушкой. Причем с обеих сторон: и как свекровь, и как теща. Так что расщепленная личность расстроенной женщины опять стала цельной, как баобаб. Ибо бабушка она и есть бабушка. С любой стороны.

Такие вот, братцы и сестренки вы мои дорогие, дела. Только пожалуйста, не воспринимайте Нину Андреевну как аллегорию чего-то политического. Она женщина материальная, ее потрогать можно. Межнациональных и международных аналогий мы вообще не касаемся. Во-первых, потому что они всем известны и на слуху, а во-вторых, критика должна быть конкретной – абстрактными, как всем известно со школьной скамьи, могут быть только благодарность и похвала.

ЭПИЦЕНТР ПРАВДЫ

Россия – цитадель Правды и ее родина. Понятия, незнакомого народам Запада и Востока. Великого всепобеждающего слова, лежащего краеугольным камнем в суперэго и словаре. Источник нашей силы и мощи, самобытности и самодостаточности, организатор и вдохновитель всех наших побед над нами. И когда мы, с высоты нашего державного МЫ взираем на народы Запада и Востока, то невольно думаем, несмотря на присущую нам скромность: как же безнадежно вы все от нас отстали! И наполняем гордостью.

Отсутствие эквивалента русского слова *Правда*, столь важного в отечественной истории и культуре, в ЗападноЕвропейских языках является знаковым. Наличие его отсутствия в них однозначно демонстрирует фундаментальное различие в понимании мира и устройстве жизни, как если бы произошли от разных обезьян.

Когда в тридцатые годы советские люди, как один человек, называли Сталина гениальным отцом всех народов, то говорили Правду. И когда те же люди спустя много лет говорили о Сталине как о величайшем преступнике, они тоже говорили правду.

Пока Петр Третий был императором, то, что он дал дворянству вольность, было правдой. После того как император внезапно скончался на руках Алексея Орлова от геморроидального припадка, то, что вольность дворянству была дадена женой его, императрицей Екатериной Алексеевной, стало такой же правдой, как и сам геморроидальный припадок.

Когда диктор центрального телевидения говорил, что на Кубе советских ракет нет, он говорил Правду. И когда на следующий день он же сообщил советскому народу, что ракеты на Кубе были, он тоже говорил Правду.

Когда Газета «Правда» писала о еврейских врачах-вредителях, она писала Правду. И когда спустя известное время тот же Орган Центрального Комитета Газета «Правда» написала, что дело врачей-вредителей было сфальсифицировано Сталиным и его палачами, она тоже вещала миру Правду.

Когда свидетель преступления свидетельствует на суде, что он узнает убийцу, он говорит Правду. Но если тот же человек на завтра заявит, что не может с полной уверенностью сказать, кто из четырех стоящих перед ним людей пытался его ограбить, он тоже говорит правду.

Вот вам еще один пример правды, на этот раз бытовой. Когда дама сообщает любовнику, что любит только его, она говорит Правду. И когда она возвращается через час к мужу и сообщает ему, на этот раз как жена, что любит только его, она тоже говорит Правду. Это как это? – спросят непонятливые иностранцы. А запросто: и то и другое может быть правдой уже по одному тому, что любовь к мужу одна, а любовь к любовнику другая, хотя обе они и обозначаются одним и тем же словом.

Попробуем объяснить смысл всемогущего слова «ПРАВДА» тем, кто никогда не говорил на русском языке и у кого от приведенных выше примеров кружится голова. А заодно и нам самим, никогда не задумывавшимся о нем в силу того, что его значение мы впитали с молоком матери и оно так же неотрывно от нас, как желудок и печень.

Отличие правды от истины очевидно. Истина – это объективная *veritas*, вечная и абсолютная, и, стало быть, если кому-то и известная, то только Богу.

Правда же – это субъективная veritas. Которая зависит не только от субъекта, ее выражающего, но и от момента времени, от места, от партийной принадлежности редактора, от мнения начальства и еще от миллиона причин. Поэтому не говорящие по-русски иностранцы, которые были убеждены, что понимали название газеты “Правда” правильно, пусть трижды подумают, прежде чем опять утверждать это.

Подведем итог. Отличие правды от истины понятно даже профессору Гарварда. Отличие же правды от лжи, как видно из приведенных выше примеров, иностранцу понять намного сложнее. Даже для такого проницательного знатока русской жизни, как ДеКюстин, это тонкая с точки зрения европейца грань осталась непознанной. Для русского же человека это так просто. **Если искренне говоришь то, что думаешь, то ты говоришь правду. Если не искренне – то врешь. Таким образом, чтобы быть правдивым, надо убедить себя в своей искренности, вот и все.**

Между прочим, я знаю парня, которого убедить мне проще всего на свете. Это я сам. Кого кого, а себя я изучил, как облупленного. Так что никаких проблем с превращением в правду чего бы то ни было у меня никогда не было, нет и не будет. И это правда.

Ложь и правда являются антиподами только в философском смысле. Как белое и черное, которые, как известно каждому физиологу, в сущности одно и то же. Так же как белое может быть превращено в черное, а черное - в белое при изменении, например, освещенности фона, так правда может быть превращена в ложь и наоборот – ложь превращена в правду – множеством способов. А также по мере необходимости.

Наличие в нашем языке слова “Правда” – одна из ключевых причин, по которым Россия непознаваема для западного человека, да и для нас самих. Не случайно такое большое значение в нашей стране придается взгляду: в случае друзей или собутыльников – взгляда в глаза, склонив для верности голову (врет или не врет? Вот в чем вопрос – истинная проблема, заботящая русского Гамлета), в случае сотрудника компетентного органа – сквозь глаза внутрь, но в любом случае - насколько правда близка к лжи, установить можно только на глазок, в лучшем случае под пыткой. В связи с этим начинаешь понимать, как могло случиться, что за всю историю Советской власти компетентные органы ни разу не ошиблись в своем приговоре и что самым распространенным вопросом в сталинском Гулаге было сакраментальное ЗА ЧТО ВАС АРЕСТОВАЛИ? – задаваемое заключенному 24 часа в сутки дней десять кряду и более.

Мы, русские, искренни, а стало быть, правдивы, как ни один народ на земле. Поэтому нам не в чем каяться. Наше прошлое свято и неприкосновенно. Мы намного сильнее немцев, которые после второй мировой войны покались, по крайней мере официально и на людях делают вид. Нам каяться не в чем, потому что все, что мы делали, мы делали искренне веря. Да, мы своими руками уложили десятки миллионов сограждан. Но как? Искренне! В полной уверенности, что делаем правое дело. И когда мы вдруг прозрели, то оказалось, что виноватых нет. Жертв навалом, куда ни ступи, а палачей нет. Унтер-офицерская вдова сама секла

высекла – и поделом. Жертвы виноваты уже тем, что пострадали! Быть пострадавшим в нашей стране и есть единственный смертный грех. Был один установленный судом истории вампир Берия (настолько кровавый, что его расстреляли, не дожидаясь суда), да и тот спустя полвека после смерти, как выяснилось, при этом ни на минуту не переставал быть советским патриотом. Палачи тоже – простые советские люди. Такие же, как все остальные ¹. Которые прозрели вместе со всеми нами – и ни минутой раньше. За что же их осуждать, спрашивается? За то что выполняли свой долг? И можно ли осуждать страну? В любой момент времени подавляющее большинство нашего населения говорило Правду и поступало в соответствии с ней. А в Правде не каются. Ею гордятся. Слагают оды. И хоронят в особых могилах ее самых стойких борцов.

Русская Правда дает тем, кто умеет ею владеть и распоряжаться по-хозяйски, гигантское преимущество при взаимодействии с Западом, который не в состоянии понять ни разницы между правдой и истиной, ни разницы между правдой и ложью. Правда – это величайшее изобретение русского духа, краеугольность которого может сравниться только с изобретением колеса, ибо оно стирает в прах старательно возводимую в течение пяти тысяч лет человеческой цивилизации стену между lie и truth – преграду, даже для считающего себя прагматичным американца неодолимую. Боже, насколько же европейская идея слабее нашей! Насколько завоеванная нами площадь больше территории, населенной любым европейским народом, насколько же дух Европы слабее Русского Духа. Это же географически очевидно!

Да, мы не похожи ни на одну страну Запада или Востока. Мы неизмеримо честнее. Потому что наша правда –
Комсомольская правда,
Ленинградская Правда,
Пионерская Правда,
Центральная Правда,
Русская Правда,
Чистая Правда,
И высшая из правд во все времена – Правда Воли Монаршей –
Будут вечно сиять на Русском Небосводе.

ОШИБКА ЕВРОПЫ

“Лгать в этой стране означает охранять общество,

---

¹ как они скромно сами о себе говорят.

*сказать же правду - значит совершить государственный переворот.”
Астольф ДеКюстин, “Россия в 1839 году”.*

Ошибка, господин ДеКюстин. Ключевая ошибка!

Вы правильно полагаете, что **verite** (verdad, verita, die Wahrheit, the truth) – это центральная колонна в фундаменте, на котором стоит европейская цивилизация. Не христианство, не вера, не культура, а именно европейская цивилизация. И что, если это главную несущую тяжесть конструкции – подпорку - подпилить, то

ВСЬ ЗАПАДНЫЙ МИР

- законы,
- демократии,
- биржи,
- курсы валют,
- небоскребы
- налоги,
- корпорации,
- технологии,
- образование,
- медицина,
- семья,
- бюджеты,
- суды
- правительства

– Р у х н е т !

- как карточный домик,
- как Вавилонская башня,
- как крыша на филистимлян, из-под которой Самсон выдернул краеугольный столп.

Я понимаю вашу озабоченность и даже, можно сказать, ваше остервенение по этому поводу, господин путешественник. Ведь последствия подрыва ключевого, и, можно даже сказать, столбового понятия: VERITAS - на каком бы языке оно не произносилось, в силу особой всемирно-исторической значимости оно для Запада эквивалентны взрыву всего нашего ядерного арсенала.

Но понять не значит простить. Надо признать: вы, барон, при всей вашей пронизательности и утонченности, жизнелюбии и либерализме злостно оклеветали нашу страну. А когда речь идет об очернении Родины, я беспощаден. В таких исключительных случаях я выношу приговор быстрее, чем сталинские тройки - един в трех лицах – и лично готов привести его в исполнение вплоть до разрыва дипломатических отношений.

Впрочем, охотно верю, что вы впали в глубокое заблуждение не из враждебных чувств к нашему народу, а в силу своей Европейской ограниченности. Что, будучи французом, вы просто не могли не ошибиться в понимании нас. Ваша ошибка той же природы, что близорукость улитки, которая всю жизнь обречена ползать по какому-нибудь метру чего-то там и не видит ничего далее, потому что бог не дал ей таких глаз, как наши, а кажется, и вообще никаких.

- К чему эти аллегории? – нетерпеливо спросите вы.

- К тому, что то, что вы в России принимали за ложь, вовсе не ложь.

- Не ложь? – удивленно переспросите вы, подняв брови и ничего более. – А что же это, если не ложь?

- Правда. Чистая правда. Чистосердечная правда. Московская Правда. Правда 47-го отделения милиции. Правда воли монаршей. Любая из множества правд, которые в нашей стране так многочисленны – выбирай на вкус любую, как пряник на ярмарке.

Тут у барона глаза на лоб полезут, как если бы они принадлежали кукле-марионетке.

- Простите, сударь, но я вас перестаю понимать. В русско-французском словаре слово «правда» переводится французским *verite*, не так ли?

- Совершенно так-с.

- И вы намекаете, что у вас в стране можно выбирать любую *verite* на вкус?

- Не только намекаю-с, но и с полной определенностью говорю-с.

- Вы, конечно, имеете в виду *verite* о разных предметах?

- Ни в коем случае: целиком и полностью об одном и том же.

- В один и тот же момент времени?

- Да-с.

- В таком случае... у меня просто кружится голова... Я не понимаю... Что же это за штука такая ваша русская *verite*, что она в точности такая, как ложь, но вы утверждаете, что она и не ложь?

- Да я же уже сказал, что она такое: Правда. И ничего, кроме правды.

- Господи, твоя воля... У нас в Европе есть поговорка: Если ты ходишь, как утка, и плаваешь, как утка, и летаешь, как утка, то ты утка. Если ваша правда похожа на ложь, совпадает с интересами того, кто ее произносит, как ложь, вводит в заблуждение, как ложь, коварна, как ложь, скрывает суть дела, как ложь, имеет второе и третье дно, как ложь, меняется день ото дня, как ложь, подвластна человеку, как ложь – то она ложь.

В ответ на это я только расхохочусь. Политически некорректно. По-русски. Прямо в глаза. Бедный барон ДеКюстин! вас можно простить, подать вам руку на презентации в Кремле, может быть, даже выпить с вами. Мне вас искренне жаль, поверьте мне. Вы не в силах понять нашей жизни, наших нравов, наших принципов и нашей души, как бы ни пыжились. Почему? Да потому, что вы европеец. И этим все сказано.

ПРАВДА ПРОТИВ ИСТИНЫ

Истина – изобретение европейское. Ее образ – нечто вечное и совершенное, сияющее в небесах. Вроде золотого изваяния под лучами жаркого солнца.

Правда – глубоко русское понятие. В отличие от вечной и неизменной истины, она человеческа. Она не сияет в неведомых высях. Она не ослепляет при взгляде на нее. Она родилась в гуще людей и живет вместе с ними.

Кто знает истину? Разве что Господь Бог. Кто знает правду? Смертные люди. Получающие информацию об окружающем мире посредством органов чувств.

Кто из людей рискует утверждать, что он говорит истину? Пастырь, цитирующий с амвона священное писание. Самодовольный невежда, погрязший в мании своего величия. Сумасшедший изобретатель. И ханжа. Кто смеет сказать, что говорит правду? Любой человек, считающий, что он ее говорит. Для того, чтобы говорить правду, не надо становиться на котурны. В отличие от истины, правда буднична, как бутерброд в рабочий полдень.

Истина вечна. Она старше Вселенной. Правда смертна. Она рождается каждое утро, как заря, или, говоря высоким слогом Гомера, как *младая с перстами пурпурными Эос*.

Истину невозможно примерить на себя, как бальное платье. А правду - можно.

Истина не имеет национальности. Правда имеет не только национальность, но и возраст, и пол.

Истина божественна. Правда суть наш образ и наше подобие.

Истина безжалостна – Правда сердобольна.

Истина мертва, или, что то же самое, вечно жива. Правда не просто живая. Она глубоко человеческая.

В этом – фундаментальное концептуальное и юридическое отличие между между Правдой и Истиной. А кто этого не понимает – что ж, это его проблемы. По крайней мере в России.

СУД АПОЛЛОНА

Чтобы усвоить фундаментальную разницу между правдой и истиной на конкретном хорошо известном примере, для доходчивости обратимся к древнегреческому свидетельству о том, как проходит Божественный Суд.

Однажды пастух Марсий, слышавший непревзойденным виртуозом в игре на свирели среди нимф, наяд и дриад, и оттого много о себе возомнивший (это, кстати сказать, и с современными музыкантами сплошь и рядом бывает), вызвал на состязание - кого бы вы думали? самого Аполлона, олимпийского бога, даже среди олимпийски спокойных олимпийцев слышавшего сангвиником. Бог-Покровитель Искусств принял вызов, и, так как ни на земле, ни на небесах не было никого, кроме него самого, кто был бы достоин чести судить игру Бога Искусства по Истине, равноудаленно как от пристрастия, так и от беспристрастия, назначил судьей в этом первом в истории конкурсе музыканов-исполнителей, за неимением другой достойной кандидатуры, себя.

Первым при небывалом стечении поклонниц со всего античного мира заиграл Марсий. Свирель любимца нимф, наяд и дриад звучала так божественно, что нимфы, наяды и триады умиленно затаили дыхание, птицы прекратили

чирикать, и даже козы перестали бляеть, каким-то нечеловеческим чутьем, и, я бы даже сказал, божественным озарением, осознав своим козьими мозгами, что это лучшее, что они могут сделать в эту минуту. Когда виртуоз кончил, буря оваций долго не утихала (о том как именно долго: десять минут или десять веков – греческая мифология умалчивает).

Но всему живому приходит конец, даже аплодисментам нимф, наяд и дриад. Настал момент, когда все в мире стихло. И тогда Бог- Покровитель Искусств взял в руки Небесную Кифару и Божественно запел под нее. Нимвы, наяды и дриады было очарованы божественным голосом и столь же божественным аккомпанементом настолько, что окаменели и перестали дышать (фотографа бы на них, фотографа!), птицы, прекратив махать крыльями (чтобы не создавать ненужного ветра), замерли в воздухе, деревья приостановили свое вечное и бесперспективное качание на ветру, и цветы на них, целиком и полностью захваченные бессмертной гармонией звуков, перестали распускаться, чтобы во время своего самороспуска не упустить чего-нибудь главного. Когда же Бог-Покровитель Искусств умолк и последняя струна кифары перестала колебаться, на земле наступила такая тишина, что стало слышно, как по облакам ходят Олимпийские Боги.

Тишину в мире прервал сам Аполлон, лично объявив, что он удаляется на совещание. После чего мгновенно объявил победителя. Первую премию и оливковую ветвь Лауреата Бог-Покровитель Искусств, судивший, естественно, не по правде (являвшейся всего-навсего человеческим изобретением) а по вечной небесной Истине (в чем и состоял смысл конкурса и иже с ним мифа) присудил себе. После чего Бог-Покровитель, равноудаленный как от пристрастия, так и от беспристрастия, причем не куда-нибудь равноудаленный, а вверх, в абсолютные небеса Гармонии, отправился на новое совещание с самим собой и огласил приговор, на этот раз не в качестве председателя жюри мирного музыкального конкурса, а в роли Грозного Божественного Судьи, Хранителя Истины: за дерзость и непонимание своего места содрать с любимца нимф, наяд и дриад пастуха Марсия кожу живьем. Дабы другим неповадно было. После чего Бог-Покровитель Искусств собственноручно привел свой собственный Божественный Приговор в исполнение. В присутствии нимф, наяд и дриад. О том, сохраняли ли девушки верность своему кумиру во время экзекуции или же бросали в греческий воздух свои, так сказать чепчики, а также хитоны, пеплосы и другую хламиду, как это было уже тогда принято во время демонстрации народу зрелищных зрелищ, греческая мифология умалчивает.

Таков миф о Божественном Суде Аполлона. Никто не может обвинить меня в том, что я передернул факты. И если после этой презентации кому-нибудь из современников третьего тысячелетия все еще непонятно отличие правды от истины, бессердечие второй и душевность первой, то мне с ними спорить не о чем.

СВЯТАЯ ЛОЖЬ И РУКОВОДЯЩАЯ ПРАВДА

Правом на Святую Ложь в России обладают врачи и должностные лица при исполнении. Ее цель: держать тех, на кого направлена, в состоянии оптимизма.

Надо отдать ей должное: в целом Святая Ложь, известная также под именем Высшей Правды, выполняет свою миссию блестяще. Откровенно говоря, я даже не представляю, как бы мы без нее жили. Благодаря Святой Лжи наши люди – от раковых больных до населения в целом – самые оптимистичные в мире. Под Святой Ложью, как под гипнозом, стране легче дышится и богаче живется.

Я требую меня правильно понять, чтобы избежать кривотолков. Наши врачи свято лгут только по мере необходимости, врать безнадежно больному не есть их главная профессиональная миссия. Для должностных лиц, напротив: Святая Ложь – она же Высшая, или Руководящая, Правда – является профессиональным долгом.

В свете сказанного становится кристально ясным загадочный факт, почему лица руководителей нашей страны независимо от их политических убеждений, отрасли, которую они возглавляют и века, в который они родились – похожи друг на друга, как если бы принадлежали особой породе живых существ. Потому что все наши начальники, как один человек, каждый день занимаются одним и тем же – свято лгут во имя блага Отчизны. Тот, кто разбалтывает народу истинное состояние его дел, не государственный муж. Тот, кто не способен доводить до сведения нижестоящих такую Руководящую Правду, которая окрыляла бы их на новые свершения, не достоин руководить ими.

ПРАВДА О ПОЛУПРАВДЕ

Совсекретно.

*За разглашение – высшая мера наказания.
Вплоть до разжалования в
лицо кавказской национальности.*

Правда – самое всепобеждающее оружие, которое выковал в своих недрах русский язык. Это Царица Слов. И не только потому, что оно шире, чем истина и, как только это необходимо и где это необходимо, включает в себя ложь, ничем, кроме соответствия прошлому и настоящему, от правды неотличимую. Но и потому, что любая, сколь угодно малая часть Правды, равна ей, родимой, целиком.

Воистину, Правда - оружие всепобеждающее. Оно в считанные десятилетия способно победить любую культуру и растоптать любую цивилизацию. Истинно, истинно говорю вам: полуправда равна четверть правде, восьмушке правды и вообще любой доле правды. Вы удивлены? Вы протестуете? Вы машете руками в негодовании? Вы готовы обвинить меня в антипатриотизме и сообщить куда следует? А вот это вы, товарищи, напрасно. Не соглашаться со мной можно только не с бодуна. Ну-ка, покумэкайте, ребята: разве правда – орган центрального комитета КПСС и полуправда - орган Центрального Комитета КПСС - чем-нибудь когда-нибудь отличались? Разве правда воли монаршей, полуправда воли монаршей и четвертьправда воли монаршей не тождественны уже по той святой причине, что любая сколь угодно малая часть воли монаршьей есмь также воля монаршья? Что же касается всех остальных правд, то они подчиняются тем же Правилам Русской Арифметики

$$1 - 1 = 1,$$
$$1 : 2 = 1$$

что и Генеральные Правды, ибо в вертикали власти стоят ниже их. В любую минуту Вышестоящая Правда может сказать нижестоящей Правде: “Кру-у-у-гом. Строевым, равнение на Власть, ша-а-а-а-гом Арш!” – и они замаршируют, эти местные правды, счастливые от оказанного доверия, колоннами и шеренгами замаршируют, сжирая глазами непосредственное и посредственное начальство и чеканя по лужам шаг.

Истинно, истинно говорю вам: того, кто не согласен с Правдой о Полуправде, надо высылать на Колыму, разжалывать из русских и бить плетьюми. В кандалы их и на лесоповал! Я бы даже круче сказал: стрелять таких мало. По крайней мере, в России.

ПРАВДА СИЛЬНЕЕ ИСТИНЫ

Не знаю, как на небесах, а на Земле правда сильнее истины. При каждом столкновении она побеждает – тому, кто в этом сомневается, советую раскрыть «Нью-Йорк Таймс» за любое число или посмотреть программу новостей ОРТ. Каждому непредубежденному человеку (а где таких взять в эпоху телекоммуникаций? Разве что в дельте Амазонки или туруханской глуши, да и то...) ясно, что будущее за правдой. Как олимпийские боги во главе с Зевсом победили Крона и его армию, так и царствие Правды неизбежно придет на смену царствию Истины. Причем повсеместно. Это не пророчество и не угроза. Сие есмь исторический факт.

ОСТРОВ ЧУВСТВ

РАЗМЫШЛЕНИЕ ИВАНА ДЕРЖАВНОГО ОБ ОТЛИЧИИ ЖЕНЩИНЫ ОТ МУЖЧИНЫ

Пожалуй, ни в чем отличие России от окружающего ее мира не проявилось так явно и вопиюще, как в отношении к женщине.

В Америке Восьмое марта не случайно не празднуют. А прежде всего потому, что согласно официальной тамошней точке зрения, женщина отличается от мужчины не больше, чем блондин от брюнета. Тот, кто думает иначе – сексист. Подобный выродок хуже расиста и антисемита, и ему не место в приличном обществе и приличной фирме.

В Соединенных Штатах женщины, которые в обществе получают удовлетворение от того, что с них, например, сняли пальто, являются тайным обществом, построенным по принципам большевистского подполья в (как пели в песнях) мрачную пору царизма. Более того: Тайное Общество Заботливых Женщин так глубоко законспирировано Американским обществом, что у женщины нет никаких шансов разоблачить себя и доказать, что она другая, что она не образец хизгицы и мертвой деловой хватки, а цитадель нежности и ласки. Потому что если она покажет, что хочет заботиться о мужчине, то вызывает еще большее подозрение в мужике: не означает ли ее хорошесть, что она, змеюка, решила ограбить его всерьез, как учат радио и телевидение, а также и бабы друг друга вкупе с ними?!

Говоря по правде, мне тамошних баб, не ущемленных мужчинами, жаль. Их с их свободой решить наутро, судить ли мужика за сексуальное оскорбление или отпустить с миром, американцы боятся, как кобр в пустыне, и для того, чтобы увидеть, насколько женщины там со своей свободой от заботы о мужчине счастливы, достаточно посмотреть на закомплексованные и запрограммированные физиологии тамошних баб.

А что же Европа? На чем свет стоит бранит Америку, идя по ее стопам! Нога в ногу, туфля в туфлю.

Ну не ясно ли, не очевидно ли, насколько мы, россияне и россиянки, разумнее и естественнее, чем так называемый цивилизованный мир?! Насколько мы естественнее в нашем здоровом консерватизме! Насколько мы ближе к природе, чем любая американская пара на берегу Гудзона или в Лос Вегасе!

Да, в отношении равенства женщины с мужчиной мы отстали от Америки больше всего. Безнадежно отстали. Может быть, даже и навсегда. И слава Богу. В этом нашем отставании мы далеко впереди. Маячим перед американскими и европейскими мужиками, как Александрийский маяк. Как райские кущи. Как флагманский дредноут. Как невидимый город Китеж, о существовании которого они сегодня уже не могут даже мечтать. Завели их в болото тамошние Иоанны Сусанины. И из этой трясины им, бедолагам, дооолго не выбраться. А может быть, даже и никогда.

ЖЕНЩИНА - ЭТО МЕРОПРИЯТИЕ

Каждая женщина – даже самая интеллигентная и безобидная – это мероприятие. Это фирма. Это бизнес из одного человека.

ПРИВЕТ ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

*Половой акт не должен часто
повторяться.*

Пятая половая заповедь пролетариата
1926 год

КАК БЫТЬ ХОРОШЕЙ

Женщина - это тот винт, вокруг которого все вертится, – сказал Великий Писатель Земли Русской. Но тогда у нас было общество, застывшее, как мазанка, и вопросом столетия было: есть ли во Вселенной сила, способная раскачать такую махину. Сто лет спустя, в мире, буквально перевернувшемся с ног на голову, ибо в нем все успевает измениться, даже не успев толком возникнуть, и в котором по этой причине перпетуум-мобиле не поражает более никого, считаю необходимым уточнить: Женщина в России - это тот болт, на котором все держится.

Все дело в том, **что русские девушки** (а русские женщины в глубине души остаются девушками до гробовой доски) **знают, что значит быть хорошими**. Они всосали это с молоком матери, включая и молоко мать-Родины. И истребить в них эту русскую хорошешть не-воз-мож-но.

Но: каждая хорошая русская женщина мечтает плюнуть на хорошешть и испытать неземное удовольствие побыть плохой – хотя бы немножечко. Смотрит она на него, мерзавца, и думает: я такая хорошая-хорошая, а ради кого, спрашивается?

И тем не менее: на знании нашими бабами, **КАК БЫТЬ ХОРОШИМИ**, стоит Земля Русская.

Перестать быть хорошей проще всего, хотя бы раз посетив Париж или Нью-Йорк. Простая мысль: *каждый из этих дворцов (или соответственно небоскребов) кому-то принадлежит, а у меня такие длинные ноги (или, за неимением оных, такая большая грудь)* – способна начать борьбу с хорошештью в самой порядочной русско- женской душе, пока одна из них не выпадет в осадок или в нокаут.

Лучше всего, пожалуй, мечту *о свободе от хорошести* выразила словами супруга одного профессора, признавшаяся со вздохом сожаления: *Мужики созданы для того, чтобы на них ездить. Но мой за эти годы таким родным стал, что это все равно, что погонять кнутом по заднице саму себя. Так что уж видно не суждено.*

Плохая русская женщина – тоже хорошая, только не в настоящем, а в прошлом и будущем. Но уж ежели наша баба решила не быть хорошей – то на всю катушку!

- Если уж сволочь – так редкая. (*Я его козла обстригаю* – стратегический подход к мужчине у женщин этой преуспевающей и быстро размножающейся категории).
- Если уж потаскуха – так вселенская (не случайно в русском женском языке понятие *быть доброй* имеет крутой сексуальный уклон).
- Если расчетливая – то разденет донага, чем бы он не предохранялся от раздевания.
- Если ленивая – то даже трусики у нее не неделька (понедельник, вторник, среда...), а годинушка (март, апрель, май...).
- Но уж если решила идти ва-банк – держись, Рокфеллер!

Если русская женщина порядочна, то один-единственный ОН будет у нее до гроба. Но уж если махнула грудью на свою хорошесть – будет трудиться день и ночь, не смыкая ног и не покладая губ.

Если русская женщина простодушна – то до абсолютной наивности. Но уж если решила стать коварной – самому Яго сто очков вперед даст, вокруг пальца обведет и без штанов оставит.

Если русская женщина верна – то можете быть уверены, вы у нее один, каким бы неказистым идиотом вы не были. Но если решила быть неверной – уже через месяц сможет кое-чему поучить авторов камасутры.

Если наша баба плохая, то это отнюдь не значит, то плохость у нее навсегда, как оспа. Вам кажется, что те, кто делают сексуальный массаж и танцуют стриптиз, – падшие? Во-первых, не надейтесь, а во-вторых, не обольщайтесь. В нашей стране поле притяжения действует не так, как в прочих странах: В России падают вверх! В одно прекрасное утро ей вдруг ударит в голову быть снова хорошей – и будет! Может, принца в окно увидала, может, с клена лист как-то особенно подзалетел, – но только легла в постель одна женщина, а встала другая.

Чаще всего наши бабы становятся плохими из мести. То есть: за то, что мерзавец он, они наказывают себя. Но уж если простит –то, как волшебная змейка, вползет в свою милую домашнюю шкурку и снова станет наивной девочкой с косой до пояса, милой и доброй, заботливой и порядочной, как учила мама.

Парадокс? Это европейское слово. То что на Западе парадокс, у нас норма. Россия выше парадоксов. Если любые противоположные утверждения у нас правильны, причем не о разных предметах, а об одном и том же, не в разных случаях, а в том же самом, и не в разные моменты времени, а одновременно, то о каких еще парадоксах можно говорить? Если меня спросят: какая разница между русским ДА и русским НЕТ – я только усмехнусь. Ведь каждому нашему человеку ясно, что никакой. А они: парадоксы, парадоксы... Если девушка говорит НЕТ – это уже парадокс. И что самое удивительное: девушек у нас больше, чем девственниц. В Европе это считалось бы парадоксом. У нас - медицинский факт.

ЖЕНСКАЯ ПРОПАСТЬ

Пропасть между русской и американской обнаруживается на наглядном примере. Русским женщинам мисс Левински, навсегда превратившая овальный кабинет в оральный, кажется исчадием ада. Для большинства американок она – воплощение американской мечты.

ВТОРОЙ ПРИВЕТ ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

*“Необходимо, чтобы коллектив
радостнее, сильнее привлекал к себе,
чем любовный партнер.”*

Половой Вопрос в Условиях Советской Общественности

1926 год

**АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
или
КТО ЧЬЕ НЕБО НЕСЕТ**

На Акрополе в Афинах стоит всемирно известный храм, в котором прекрасные каменные девы – кариатиды – как бы коллективно и честно распределив между собой поровну гигантский вес, держат на своих плечах мир. Аналогичный портик есть и в Эрмитаже: только у нас на плечах держат мир не женщины, а мускулистые мужики. Возникает вопрос: случайно ли это различие? Уверен, что нет! Образ мужчин, держащих мир, находится в вопиющем противоречии с русской жизнью, где на плечах, как всем понятно, держат Русскую Вселенную отнюдь не полупьяные и оголтелые мужики, а терпеливые и все сносящие бабы. Которых с русского пути ни крупнокалиберными орудиями, ни градом, ни пропагандой не сбить!

Вы только представьте себе, что было бы, если бы в эпицентре Российской Империи тетки держали небесный свод. Да у портика Эрмитажа каждый день митинги (в те смутные годы, когда разрешены были) собирались бы. Это был бы какой-то эпицентр нарушения общественного спокойствия. А в остальное время к ним приходили бы не влюбленные парочки, а диссиденты и диссидентки. В древней же Греции, судя по всему, половой вопрос не висел в воздухе таким топором. Фидии и Поликлеты могли позволить себе изобразить женщин, держащих свод небесный без опасения поколебать общественные устои. Не будем строго судить их за это: у бабочки свой путь, а у муравья - свой.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА КАК ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЧАСТИЦА РУССКОГО ПОЛЯ

Русская женщина столь же неделима, как электрон. Она – фундаментальная частица русского поля. Излучающая не только какое-нибудь там гравитационное или электростатическое притяжение, а нежность, заботу, ласку, тепло.

Русская женщина притягивает к себе живое вещество сильнее, чем планета средних размером. Луна не может сдвинуть мужчину ни на миллиметр даже во время полнолуния. А женщина – запросто, причем в любое время суток. Она может изменить траекторию автомобиля, танка, самолета, губернии, страны.

Скажу больше: русская женщина не только фундаментальная составная русского поля. Она русское поле и есть.

ТРЕТИЙ ПРИВЕТ ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

**“У сексуальности накопилось
слишком много интересов и желаний.
Это надо пресечь.”**

Половой Вопрос в Условиях Советской Общественности

1926 год

БОЛЬШЕ ЧЕМ ЛЮДИ

Русский народ – единственный из населяющих развитые страны народов, находящийся в естественном состоянии. Мы живем страстями. Остальные – всего лишь их усмирением.

РОССИЯ - ИМПЕРИЯ СТРАСТИ. Не потому мы идем до предела и шарахаемся из бездны в бездну, что мы такие причудливые. А потому, что это – естественное состояние человека и вообще всего живого.

Великий Гомер написал гекзаметр: *гнев в зарождении сладостней тихо текущего меда.* Он был прав. Не прав он был в другом: в том, что сладостно зарождение только одной страсти: гнева. Так уж устроена человеческая душа, что, едва родившись, любая страсть: любовь, ненависть, презрение, познание, гуляние по бабам, сексуальное влечение, сексуальное отталкивание, к коллекционированию, к картам, к домино, к прыжкам с шестом, к ловле сетью и на крючок, щедрость, скупость – самая что ни на есть любая страстишка - засасывает в себя душу, пока не захватит ее целиком. Именно поэтому, если их искусственно не подавлять, страсти растут столь стремительно. Страсть затягивает, как в черную дыру, как в бездну, и погружающийся в нее человек или становится другим человеком, или попадает в мир иной, оставаясь самим собой. Ибо каждая страсть – мир.

Мы больше чем Хомо Сапиенсы. **Мы Homo Passion.** Для Человека Страсти год не идет за три, как на подводной лодке; для него секунда длится дольше, чем жизнь человека умеренного. Посади одного из двух близнецов на поезд Берлин-Москва и возьми ему билет в один конец – в России он проживет тридцать три жизни, пока оставшийся в Германии - одну. Европа живет по Ньютону, мы – по Эйнштейну. Они - наш частный случай. И уже по одному этому очевидно, насколько западная цивилизация устроена примитивнее нашей.

НАШЕ РУСОЕ ЗОЛОТО

Многие думают, что главным нашим национальным богатством являются наши недра. Не будем спорить с этим. По сравнению с нами Саудовская Аравия сравнительно бедная страна. У них ведь там, в Аравии вообще и Саудовской, в частности, только нефть. А в наших недрах? Тут вам и газ, и алюминий, и никель, и ртуть всех цветов нашей радуги, и еще всего черта в ступе.

Однако! Наряду с нефтью, газом, никелем и примкнувшим к ним алюминием нашим национальным богатством, ни в чем не уступающим им не только в валовом исчислении, но и на душу населения, является наша женщина. Не мужчина, а именно женщина. Потому что, как это ни обидно для нас, мужиков, 99 % (девяносто девять процентов) сексуального богатства России заключено в россиянках. Ведь мировая цена на нее, нашу золотую и бриллиантовую, в твердой валюте растет быстрее, чем на сырую нефть. Ее авторитет во всем мире бесспорен. Русская женщина – НАШЕ РУСОЕ ЗОЛОТО – является самой твердой валютой в мире – тверже доллара.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА – НАШ ЗОЛОТОЙ ГЕНОФОНД

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что русская женщина является экспортным товаром, удовлетворяющим самым строгим международным критериям. Она – наше Сексуальное Достояние. К тому же, русская женщина и только Русская Женщина – наш золотой генофонд. Во много раз превосходящий золотой запас Российской Федерации. Чтобы убедиться в этом противоречащем воззрениям светил генетики и рядовых мужиков феномене, достаточно пройти по любой российской улице, а еще лучше остановиться в любом ее месте на пару минут и оглядеться по сторонам.

ДВАЖДЫ ЕСТЕСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ

Истинно, истинно говорю вам: Половой вопрос в России снят с повестки дня. Отсутствие полового ответа — вот проблема, волнующая сердца миллионов.

ДВА КОАНА НИ К СЕЛУ НИ К ГОРОДУ

Григорий Горин как-то среди прочего вспомнил, что, когда на премьере его пьесы министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева зашла в туалет, остальных женщин из него выгнали.

А моя старая (хотя все еще не по годам молодая) приятельница, балерина Кировского Театра (ибо балерины, как олимпийские чемпионы, бывшими не бывают) поведала мне (навсегда находясь под сильным и свежим впечатлением от происшедшего), что, когда Леонид Ильич Брежнев присутствовал на концерте после торжественного заседания, на котором давали сцену, если мне память не изменяет, из Лебединого, в уборную кардебалета зашел человек в штатском, сел на стул, по-хозяйски широко расставив перед ним ноги, и приказал тихим голосом: *Можете переодеваться, девочки. Я не мужчина, я при исполнении...*

ЧЕТВЕРЬЙ ПРИВЕТ ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

**“Ненужных половых желаний
истинный гражданин революции
не должен иметь.”**

Половой Вопрос в Условиях Советской Общественности

1926 год

двух разных Ев, которые по причине удаленности во времени были ошибочно приняты за одну.

Французы гордятся тем, что создали француженку. Русскую женщину не создавал никто. Она воссоздается сама по себе в русском поле, как элементарные частицы из вакуума, как Ева Родена из руки Бога, в каждом поколении меняясь до неузнаваемости и в то же время оставаясь самой собой.

Сила русской бабы очевидна вовсе не из того сомнительного факта, что она в чистом поле останавливает на скаку коня, а в том несомненном, что на улице останавливает любого железного скакуна мощностью сто лошадиных сил, как только захочет этого. Однажды некая красавица с косой вокруг головы самоуверенно заявила, что может остановить все.

- Бульдозер? – спросил я.
- Запросто.
- Бронетранспортер?
- Элементарно.
- Танк?
- Меня пару раз на Т-54 до дому подбрасывали.
- Самолет?
- Задержать вылет? Ну, это вообще раз плюнуть.
- Спутник?
- Вот со спутниками у меня пока романов не было, – огорчилась Марина. – Надо будет попробовать.

Русская женщина не понимает, как можно не заботиться о мужчине.

Американка не понимает, чего ради о нем заботиться. Ей этого не втолковать. Лучше всего выразила феминистическое американское кредо некая заокеанская леди, решившая выйти замуж за русского господина: *Васили хочет, чтобы я стирала ему рубашки*, – пожаловалась она сидевшей рядом со мной хозяйке дома. – *Это так странно, так ни на что не похоже... Объясните мне, ради бога, почему я должна что-то делать для чьего-то удобства? Почему?*

И вопросительно уставилась на русскую. А та - на американку. Так они и глядели друг на друга, как Мальвина и Чебурашка. И найти общий язык этим с виду похожим инопланетянкам было совершенно невозможно.

Мечтательность русских женщин легко объяснима. Как мы уже говорили, в России смотреть широко раскрытыми глазками не на что. Лучше всего наша страна выглядит:

- 1) издалека
- 2) в мечтах и
- 3) если закрыть глаза.

Но коль скоро женщина закрывает глаза, то это уже прелюдия. Отсюда эротический воздух, какого нет нигде в мире. По части эротики Москва и даже Сыктывкар дадут Парижу ладью форы. Если ихние в миттельшпиле – перворазрядницы, то наши – гроссмейстерши, можете мне поверить.

Еще никто не изобрел медали с одной стороны. Обратной стороной нашего эротического рая, а также нашего национального характера, который в состоянии покоя чувствует себя неустойчиво и наоборот, является то, что среди русских женщин много таких сук и дряней, каких редко найдешь в чужих краях. Но

даже последнюю простигосподи из вокзального буфета можно понять: в конце концов наступает момент, когда самой тургеневской девушке захочется начать жить жизнь, а не только мечтать о ней. Особенно, если ты молода и красива. Хочется, черт побери, раскрыв глаза, видеть хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее то, что является в мечтах, когда очи закрыты. А если этот контрапункт продолжается год, пять, десять, то некоторые наиболее ретивые лошадки начинают закусывать губы и бить копытами. И, о чудо, – на глазах кроткая и целомудренная превращается в кобылицу, которой палец в рот и другие части тела класть решительно не советую.

Ни в чем не проявилась сила русской женщины более ярко, чем в том общеизвестном и уникальном в мировой истории факте, что в восемнадцатом веке, она, выйдя из терема, на целых сто лет взошла на престол – прецедент, не знающий аналогов. И что характерно: русский женский характер тем тверже, чем сама женщина мягче. Она и пожалеет, и обогреет, и разденет, и приголубит, но если попробуешь ее тронуть, – кремень.

Итак, о чем это я? О том, что давайте встанем. Наполним бокалы. И выпьем заздравницу за самую народную здравицу из всех заздравниц:

**Да здравствует Русская Женщина –
организатор и вдохновитель всех наших побед
над ней
!**

ТРИ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ

Воскресный сон Ивана Державного.

Три девицы под окном – прекрасные, как три грации, хоть хоровод води! ¹ - сидели на лавочке и думали о своих мужьях².

Первая – Алешкина, вся из себя дородная, кровь с молоком, чтобы не сказать молоко с кровью, Рубенса бы на нее – он бы точно не прошел мимо – увековечил бы, не удержался, да и Пикассо тоже, только не голубой и не розовый, а посткубистический, руку бы тоже приложил, не без этого; о такой царь-женщине нельзя говорить, как бы разглядывая ее в лупу, вроде – «родинка на плечике» или изысками типа «вуаль невесомой улыбки скользнула по краешку алых губок прелестницы», нет! описывать неотразимую привлекательность фемины столь мощно влекущего типа, мимо которого проход мужчине запрещен природой, можно только крупными мазками: щеки, колени, ноги, живот, правая грудь, левая ягодица, чаши, формы ... Всем хороша красавица-женщина Алешкина, и станом, и грудью высокой, и голосом низким, и коленок ее богатырских на двоих хватит (то есть двоих с одной стороны и двоих с другой) – а сидит скромно, икры целомудренно сдвинула, хотя они и без того ситцевым платьем прикрыты, и вяжет, вяжет...

Вторая мать-девица, Ильюшина, стройная, тонкая, тихая, насквозь просвечивает и изнутри светится – откуда что берется? Кажется, дунь – взлетит; одним словом, возьмите любую картину Серебряковой – она! Сидит, набираясь от лавочки, как муж ее от мать-земли сил, и вглядывается в вышитые ею узоры, как в живые.

А третья, Добрынина, босоногая, высокогрудая и златокудрая, как весна Ботичелли, из той породы женщин, которых словно вытянули вверх, как гуттаперчевых. Эх, ее бы на Елисейские поля минуты на две забросить каким-нибудь парашютным десантом – и больше ничего не надо для обустройства судьбы. А тут, конечно, другое: закат... Петухи поют... Косогор. Тут тебе не Лос Вегас – на тысячу лет вперед от тишины дух захватывает. Тут другое. Тут бездна...

Прошло минут пять. А может, пять тысяча лет – кто знает? Петухи кукарекают, соловушки заливаются, солнышко садится... Тишина, благодать... Вечная благодать!

- Мой Ильюша такой могучий, такой мощный, – молвила Ильюшина вдруг, как умеют говорить только русские женщины, вписываясь голосом в тишину. – Я с ним, как пылинка. Такая счастливая-счастливая пылиночка на его могучем плече.
- Твой Ильюша – это царь-мужчина, – согласилась Алешкина. – Но зато мой Алешенька такой шепутной, такой залетный! Смотришь в его серо-буро-зеленые глаза – и ныряешь в них, как в прорубь. А что самое мизерабельное –

¹ Кстати замечали ли вы, что хороводы трех русских девиц в сарафанах и трех греческих граций ни в чем – похожи, как близнецы? Если конечно, первых раздеть или вторых одеть, а в остальном: лицом, телом, статью, станом, павностью, плавностью – один в один!

² Если вы спросите меня, как это девицы могут быть замужем, я удивлюсь вашему удивлению. Грань между девушкой и женщиной давно стерлась так же, как между начальником и мужем, а также между любовницей и женой. А вы не знали? Это вам не девятнадцатый век, это бери выше!

не знаешь, где вынырнешь, когда вынырнешь и вынырнешь ли вообще. Такая вот круговерть.

- А мой Никитич – это вообще бездна, – прошептала Добрынина. И смолкла.
- А еще что? – спросила Алешина глубоким контральто, так что, казалось, эхо отвечало ей из ее собственной груди, а не из-за бурелом-леса.
- Да куда уж глубже? – удивилась Добрынина, отвечая чему-то своему. – Бездна она бездна и есть.

И опять замолчала, о чем-то вспоминая и мягко улыбаясь воспоминанию.

Прошло еще три минуты. А может три тысячи лет – кто знает? Петухи кукарекают, воробушки чирикают, солнышко идет на закат...

- Мой Ильюша такой хороший, такой хороший, – вдруг молвит Ильюшина, не прерывая тишину. – Вчера пришел домой: трезвый, чистый и спать лег. Сам разделся и – лег! А сапоги в угол поставил. Рядком, аккуратненько. Такой зайчик! Так бы и расцеловала.

И смолкла – словно бы и не говорила. Словно круги по воздуху от слов разошлись, как от стрекозы, севшей на воду.

- А мой Никитич вчера посуду помыл, – сказала Добрынина. – Сам, без подсказки. А потом вернулся в горницу и пол подмел. А все окурки, что они с вашими за сутки без малого выкурили, собрал и в бочку выбросил. И все бутылки и все стаканы. Представляете? Сам помыл. И чего это на него вдруг нашло? А? Так бы и расцеловала. Одно слово: Никитич...
- А мой Ильюшенька вчера дров нарубил, – сказала сами понимаете, чья -Ильюшина. Сидел, сидел, весь из себя такой мрачный. Я аж сжалась, аж дух захватило! Ну думаю, сейчас начнется... А потом вдруг встал резко, на двор вышел и вижу – работает, работает. Я бездельничаю, а он работает вовсю. И колет, и колет...

Прошла еще пара веков. А может, пара секунд – кто знает? Воробушки чирикают, козочки блеют, соловушки заливаются наперебой... Лепота!... Сидят три красавицы-девицы. В Голливуд бы их или, к примеру, на пятую Авеню – такая бы круговерть началась, будьте-нате! А тут конечно, другое. Тут тишь. Вечность. Покой. Пруд. Лес. Дол. Сидят три красных девицы-бабы. И вдруг видят: о, чудо! мужья идут. Как три прекрасных древнегреческих грация. То есть я хотел, конечно, сказать, как три богатыря эпохи расцвета расщепления атома и Интернета. А может, как три маленьких лебедя из «Лебединого»? Потому что все больше бочком, бочком, ногами перебирая, – но, несмотря на это, не позволяя им зацепляться друг за дружку (или друг за подружку? А кто их разберет, ноги они и есть ноги) и ни на секунду не теряя наружного равнения. Бредут, как ожившая скала. Как три каменных гостя сразу. Неотвратно идут. И горделиво – в смысле, в обнимку. Качаются, конечно, как тополи. А похожи – ну будто тройняшки! Только у Никитича, что правый край держит, бутылка из кармана торчит, у Алеши, что на левом фланге колена выкаблучивает (ну, прямо второй Пеле, а еще лучше сказать – Пеле по сравнению с финтами-кренделями нашего левого форварда – второй Алешка); так вот, у Алеши из кармана ничего не торчит; вывернуты – и все. А у центрального, могучего Ильюши, вообще карманов нет, в одной рубахе идет, которая к тому же на добрую половину пуговиц расстегнута, тогда как другая, еще более добрая, открывает молодецкую грудь миру – на все четыре ветра. Конечно, без

сивок-бурок вещей каурок, палиц и прочих кольчуг образы богатырские не враз признаешь. И с мечами-кладенцами они бы побылинней смотрелись, это как дважды два. Спорить не о чем: кладенец есть кладенец. Но и без амуниции богатырской картина величественная, словно они в родное село возвращаются после баталии с половцами. У Алеши под глазом синяк. У Ильюши - на лбу – по центру горит, как звезда путеводная. Добрыня же без синяков идет, целый-невредимый, только бутылка из кармана сверкает. Да что говорить: удалцы, как на подбор. Косая сажень в глазах и кровь с молоком!

- Слушайте, бабаньки, – говорит вдруг Добрынина, словно проснувшись, потому что перед этим зажмурилась и помотала головой, словно хотела выбросить из нее наваждение (Эх, феллини бы какого-нибудь спрятать в стоге напротив в эту минуту, он бы увековечил это божественное движение королевы баб. А так – было как не было. Словно стрекоза на воду села и улетела) – А что хорошего в наших мужиках, бабоньки? Да вы поглядите на них! Как только таких земля носит!
- То есть как это что в них хорошего? – обиделись за своих супругов подруги. – Как это что в них хорошего? Да все в них хорошее, в наших мужчинах. Куда в них ни ткни, все хорошее.
- Это я и сама знаю. Но все-таки: что конкретно?
- Ну, ты и спросишь! Да хоть конкретно, хоть в общем: каждая родинка на моем Алешке хорошая, – сказала Алешина. А третья (чья – сами вычислите) кивнула и торопливо добавила:
- И на моем Ильюшеньке тоже. Родные-преродные. Так бы каждую и расцеловала.
Добрынина с сомнением покачала головой.
- Родинки они, конечно, родные. По ним не то, что ночью узнаешь, а и в морге труп опознаешь. Родинки на теле - точки полезные, кто б спорил. А окромя родинок? Чего в наших мужиках хорошего то? Вона – идут! Гярои!
Тут красны девицы-бабы переглянулись и призадумались. Такое что-то невесть откуда взявшееся на них снизошло, как тень на плетень с ясного неба. Дунуло, на лоб упало и по лицу пробежало.
- Чего в моем Алешке хорошего, спрашиваешь? – переспросила Алешина вызывающе. – Все в нем хорошее. Он как глянет, да как зыркнет – таким огнем из глаз полыхнет – страшно делается, хоть жмурься. А потом как поманит, как потянет, как завертит – ооой!
- Чего в моем Ильюше хорошего? – переспросила Ильюшина. – Да все в нем хорошее. Куда в него ни ткни – все дорогое и хорошее. Он как скажет, да как слово молвит – внутри все аж переворачивается. А ежели еще и ногой топнет, да глазом мигнет – ооой! Такой, скажу я вам, бабоньки, – первобытная медовуха! И улетаешь, улетаешь...
- А третья замужня девица, Добрынина, раскрасавица писаная, ничего не сказала.
А ты чего молчишь-то? Будто не знаешь, чего в твоём мужике хорошего, – набросились на нее бабы-подруги.
- Ой, девоньки-бабы, а, правда, чего в нем хорошего? Пьянь пьянью.
Еще помолчали.

- Это ты точно сказала, – задумчиво произнесла Ильюшина. – Как припечатала. Пьянь – она пьянь и ничего, кроме пьяни. А все-таки: что-то же в наших мужиках должно быть хорошего? Иначе – как жить? А?
- Ну-ка, Добрынина, – произнесла могучая девушка-баба Алешина, уперев руки в боки, которые были монументальнее, чем две другие замужние молодницы, взятые остальные. – Ну-ка быстро говори: что в твоём Никитиче хорошего? Говори, не мучь!
- Решительно так сказала, словно могучими своими ручками за грудь грациозную Добрынину подняла на воздух и потрясла маленько, чтоб в чувство привести. Добрынина заморгала так растерянно, что голова ее закачалась на длинной шее, как подсолнух.
- Да сама не знаю, что в моем мужике хорошего, бабоньки. Вроде все в нем хорошее, а как подумаешь, конкретно и сказать нечего. Пьянь пьяню... Еще помолчали. Петух прокукарекал. Собачка прогавкала. Ветерок провеял. Солнышко закатилось.
- Наступила русская тишина, не прерываемая ничем, кроме естественных звуков. Как вдруг и без того прекрасное лицо красной девицы Добрыниной стало еще несравненно краснее и озарилось невесть откуда осветившим ее изнутри светом.
- Что в моем Никитиче хорошего? Вы спрашиваете, что в моем Никитиче хорошего? Люблю я его – вот что в нем хорошего. Понимаете? Любуюлюблюю. Три девицы под окном поздно вечерком. Россия. Третье тысячелетие. Закат.

АФРОДИТЫ, РОЖДЕННЫЕ ИЗ МАКАРОН

В России-2000 миллионы красавиц выросли из отвратительной пищи, котрую они ели в 80-ых и 90-ых: каких-то сосисок, каких-то грубых макарон, какой-то перловой кашицы... Если кому-то требовалось окончательное доказательство того, что Русь Святая, то более наглядно-ненаглядного чуда, чем то, которое ходит по каждой улице, стоит в каждом троллейбусе, сидит в каждой приемной и моется в каждой бане, и при этом создано (в буквальном смысле!) из ну совершенно неудобоваримого материала, просто не может быть в природе.

Я РУСОФИЛ

Я Русофил и не боюсь в этом признаться. Я люблю женщин с русыми волосами.

Не все разделяют мой вкус. Особенно бурно его не разделяют брюнетки. Красавица парижанка Таня, специалистка, кстати сказать по сравнительной филологии и, стало быть, дама высокообразованная ¹, с горечью поведала мне, что француженки рассказывают анекдоты о блондинках с точно такими же сюжетами, как россияне о чукчах, и тоже бесконечными сериями а ля мыльная опера – ну просто один в один!

- Ты представляешь, как тяжело жить во Франции русской женщине, - говорит чуть не плача. - Парижанки считают, что, если ты блондинка, то уже идиотка. Услышав слово “блондинка” – они уже смеются, независимо от контекста. Хоть крася!

Дождавшись, пока крик души утих, я развил перед русоволосой красавицей целую теорию, дескать, обаяние есть то, что нельзя сфотографировать, а всякая красота статична по своей природе и поэтому, чтобы стать обаятельной и вписаться в почетный легион французских женщин, совершенной красавице с лицом, параметры которого удовлетворяет канону Поликлета, как у нее, надо свою красоту не лелеять, а преодолевать. Но, полистав в аэропорту Орли от нечего делать перед отлетом на родину «ПлейБой» в французском варианте, в котором все дамы поголовно были блондинками, я бросился к телефону и набрал номер Тани.

- Забудь все, что я тебе наболтал о красоте и обаянии, девочка. Француженки просто завидуют блондинкам. Вот и все!

ЗАГАДКА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Русские женщины всегда были и остаются для меня загадкой. Почему? Да, вот хотя бы:

Есть у меня знакомая. Двадцать лет назад она была на четыре года старше меня. А сейчас я на девять лет старше ее.

Нужны ли еще примеры или и без них уже все неясно?

ПОЛИГОНЫ ЛЮБВИ

Улица в России – это эротический полигон. Ведь русский индивидуализм не предполагает отталкивания людей друг от друга наподобие бильярдных шаров. Это, скорее, бульон пра-жизни, в котором частицы непрерывно двигаются и взаимодействуют, сцепляясь друг с другом и расплетаясь, образуя архипелаги и коралловые рифы, ячейки и семьи. В России всем есть до всех дело. Пространство вокруг человека, которое принадлежит индивидууму, у нас не существует,

---

¹ Согласно свидетельству писателя начала двадцатого века, в его время в домах терпимости необразованная баба стояла четыре крейцера, а образованная два крейцера, потому что – цитирую: ОТ НЕОБРАЗОВАННОЙ БАБЫ УДОВОЛЬСТВИЯ БОЛЬШЕ. Я категорически не согласен с такой оценкой, ибо от нее попахивает... как бы это сказать... не сексизмом конечно. Не национализмом. И не шовинизмом. Антиинтеллектуализмом, что ли?

наоборот, пройдут сквозь тебя - и не заметят, что это уже не его, а твое тело. Поэтому и много еще почему, Русская Улица – бесконечная игра в знакомства. Которая никогда не кончается. По ней гуляют отечественные Шекспиров и Гамлеты, Дон Жуаны и Байроны. На каждом перекрестке и на каждом углу, в любом автобусе и трамвае каждый день разыгрываются драмы, комедии, фарсы и бытовые драмы с такими закрученными сюжетами, что, если бы Софоклу вкратце рассказали любой из них, он стал бы Аристофаном.

Когда до американских и европейских мужчин дойдет, что русское пространство – полигон любви, они ринутся к нам миллионными толпами. И не произошло этого пока только потому, что до них доходит, как до жирафов. Почему в отелях на Тверской и на Невском проспекте есть свободные места? Почему на рейсы Берлин-Петербург и Мюнхен-Москва билеты на пять лет вперед все еще не раскуплены? С ужасом и надеждой думаю о том дне, когда наши эротические поля станут такими же популярными, как Елисейские. С ужасом, потому что представляю себе, как быстро пойдут вверх наши акции. С надеждой, потому что надеюсь, что я до этого счастливого дня не доживу.

ПЯТЫЙ ПРИВЕТ ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

*“Половое влечение к классово враждебному,
морально противному, бесчестному
объекту
является таким же извращением,
как и половое влечение человека
к крокодилу,
к орангутангу.”*

Половой Вопрос в Условиях Советской Общественности

1926 год

Насколько русская женщина душевнее, чем американка, настолько же русский мужчина духовнее, чем какой бы то ни было. Когда иностранцы просят меня объяснить, что же такое духовность и чем она отличается от душевности, я только снисходительно улыбаюсь. Господи! Каким же надо быть неизлечимым европейцем, чтобы не понимать этого!

**ПОМОГИТЕ МНЕ ПОНЯТЬ,
ПОЧЕМУ ОНА НЕ МОЖЕТ?
ПОЧЕМУ ОНА НЕ МОЖЕТ? -
ПОМОГИТЕ МНЕ ПОНЯТЬ.**

На заре моей безответственной юности (была и такая), когда американцы в Москве являлись такой же диковинкой, как Мерседесы, я оказался в шумной компании в доме одного внезапно прославившегося композитора. И была там среди именитых орлов, быстрокрылых ласточек и других отечественных птиц высокого полета белая ворона – американский профессор. Молодой ¹. Высоченный. Косая сажень, где ей и полагается быть – то есть в плечевом поясе. И – американец. Который (ко всеобщему удивлению) жаловался на то, что в СССР ему не удалось сблизиться ни с одной женщиной. То есть не в политическом смысле слова сблизиться – этих саммитов и брифингов у него было хоть залейся, а в аполитичном, самом ни на есть половом.

Если послушать профессора, странная и пугающая рисовалась картина. В Америке, по его словам, то самое, что никак не получается в России, у него с завидной регулярностью – как авиарейсы. В Европе – элементарно. В Азии – без проблем. Об Африке, сославшись на политическую корректность, именитый гость говорить отказался, но намекнул, что и в без того плодородные джунгли он определенно внес свою весомую лепту. И только в России полный абзац. Нонсенс и ничего более. Никак не даются в его американские руки наши чуткие птички. Несмотря ни на какие усилия. И получается, что в самом деле мы какая-то не такая страна, как все остальные. И это вроде бы экспериментально установленный им факт.

Собравшиеся посмеялись, высказывая насчет патриотизма в отечественных перстях нечто гордое и насмешливое. Но, узнав, что профессор наутро улетает на тот свет, так и не узнав Россию по-настоящему, сжалились; среди ночи растолкали Ксюху (обладавшую такой добротой, что шла со всеми, кто клал на нее глаз – и дарила себя этому каждому щедро, без оглядки, аполитически грамотно и политически безграмотно); объяснили девушке, в чем состоит ее патриотическая миссия; призвали не ударить лицом в грязь, защищая честь Советского Союза (от чего не помню); после этого наскоро познакомили с профессором из мира, где все продается и покупается в магазинах, и уединили молодых в спальне, по такому случаю спешно освобожденной от отечественного контингента.

---

¹ То есть не просто молодой, а как профессор молодой – а это большая разница. Потому что молодым профессор у нас считается лет до сорока, молодой членкор до пятидесяти, молодой академик до шестидесяти пяти, а нобелевские лауреаты и генеральные секретари как бы вечно молоды, сколько бы им ни стучало на арифмометре.

Через час выходит. Кто бы вы думали? Профессор? Черта с два. Ксюха выходит. Лицом унылая, телом понурая. Представляете? Позор- то какой! Народ, конечно, к ней: неужели наша Ксения сдалась? Неужели ее, голубку, так сказать затра... да да, это самое, что вы подумали, затравили?

А она в себя прийти не может. И сама не своя говорит следующее:

- Не могу, – говорит, ребята. Пыталась через себя переступить, как через труп – но не-мо-гу.

Тут публика еще более оживилась. Расспрашивать стала, чего и как. Сочувствовать опять же. Может, голубой мужик? Может, наоборот – извращенец? Может, вообще трансвестит и пол его не установлен, как личность трупа? А может, он просто функционально (на этом слове народ многозначительно подмигнул) неспособен на подвиги?

- Да вроде нет, - нахмурила Ксюха лобок, зримо пытаюсь выразить переполнявшие ее чувства словами. – Нормальный вроде мужик. Все, что полагается, на подъеме. Даже мышцы. И запахом каким-то, возбуждающим аппетит, от него разит. А все равно не могу. Хоть убейте. Хотела бы, и даже скажу более: честно хотела, а не могу. А почему не могу – сама не знаю.

Услышав это, народ, конечно, совсем воспрял. И начал проявлять самую повышенную заинтересованность. Это почему это: со всеми нами наша Ксюха может, а с американцем не может?

- С любым из вас с удовольствием. – подтверждает. – Ну, почти с любым, все-таки я же не прости-господи какая-то, я по чувству, как по камертону, живу. А с ним не могу, с этим вашей америкашкой. Не могу и все. Лучше в петлю.
- Да почему же? – допытывался народ. – Ты подумай, покопайся внутри себя, Ксюшенька. Может, научное открытие сделаем. Тут же и статейку тиснем, благо член правления Союза писателей на кухне Нинку Смелчакову охмуряет.

Ксюша задумалась.

- Потому что вы - свои ребята, потому с вами и могу. А с ним не могу. По той же самой причине. Потому как не свой он.
- Да какой же именно не свой-то ? Американец? Извращенец? Заокеанец? Ну-ка, подумай.

Ксюха обиделась.

- Если бы только заокеанец или извращенец, разве бы я из его постели выскочила, как из проруби? Другое существо он. Кардинально другое. Вот в чем проблема.
- Да какое же именно другое, Ксения? – обалдел народ. – Что у него там не так? Не с той планеты прилетел? Орган не оттуда торчит? Или, как в известном рассказе, приписываемом Шоу, о женщине, напугавшей фотографа: у него впереди вместо одного два аппарата болтаются, что ли?

Ксюха старалась отчитаться. Оправдать свое вынужденное бессилие перед лицом человека из ненашего мира. Но так и не смогла. Так и осталось это вечной загадкой, отгадки которой я не знаю до сих пор.

Хотя, с другой стороны: этот поставленный жизнью эксперимент наглядно иллюстрирует тот факт, что мы не такие, как все. А в чем именно не такие – лучше не вдаваться. Давайте, как говорится, не будем. Потому что это проблема совсем другого калибри.

ИМПЕРИЯ ЧУВСТВ

Бескрайнее пространство России является гигантским храмом Афродиты. То есть там, где встречается только медведь с медведем или енот с енотом, а человека от человека отделяют сотни и сотни верст, русская земля отличается от прочих стран только своими размерами. Но как только на русской земле встречаются два человека разного пола, особенно, если одна из этих особей молода а другой - неважно – между ними возникает любовная игра, которая не знает себе равных в истории. Храмы Вавилона? Не тот масштаб храмов. Франция Рококо? Не тот масштаб девушек. Гарем турецкого султана? Султан был один, а в России каждый второй мужчина чувствует себя султаном. А может быть, и каждый первый. Как это может быть? Загадка. Коан. О ком? О Нашей Женщине. Которая, как птица феникс, каждое утро рождается как бы ре-девушкой, сколько бы мужчин у нее не перебивало.

Прелесть нашей девушки типа «женщина» напоминает рассвет после снегопада, когда все кругом белым- бело и чисто-пречисто, каким бы оно ни было накануне.

Длинноногих красавиц с голубыми глазами в России великое множество – так и кажется, что не страна у нас, а вечный и бесконечный конкурс красоты. Улицы российских городов подобны подиумам домов моделей. Иностранцы поражаются: казалось бы, небогатая страна в расчете на душу населения, а одеты женщины в каком-нибудь Нарьян-Маре почище, чем на Елисейских полях. А когда задаешься вопросом: ведь казалось бы, в двадцатом веке перебили и извели под корень всех мало-мальски стоящих мужиков: в первую мировую, в гражданскую, в красный террор, в коллективизацию, в ежовщину, в Великую Отечественную ... Откуда же вы опять вылупились, родненькие вы мои, длинноноженькие? От смешения кровей братской семьи советских народов, не иначе. И уже за одно это хочется выразить глубокую благодарность партии и правительству. За то, что их мудрая миролюбивая сексуальная политика помогла воссоздать наш золотой генофонд – притом в рекордно короткие сроки. Недаром, ох, недаром, в домах отдыха в семидесятые годы висели стандартные лозунги, напечатанные чуть ни не миллионными тиражами: **ДОМ ОТДЫХА – ЭТО ВАША ВТОРАЯ СЕМЬЯ!**

Русская эротика не похожа ни на какую другую. Она горяча даже в лютый мороз, когда из покрасневшегося ротика между покрасневшихся щечек идет пар. Она томна, когда падают осенние листья. Она мечтательна летом и бурлит в день весеннего равноденствия.

Полигоны русской любви бескрайни и бесконечны, пылки и горячи. Поклоняющихся Богу Страсти на душу населения в единицу времени помноженных на территорию в России больше, чем где бы то ни было.

Истинно, истинно говорю вам: МЫ - Империя Чувств, равной которой нет в мире, контролируемом Богом. Это видно уже из того несомненного факта, что в других странах женщины мечтают о сексе; в России же – о любви.

МЫ – РЕНЕССАНСНЫЙ НАРОД

НАШ ВЗГЛЯД ШИРОК, ВОИСТИНУ ШИРОК

Говорят, мы евразияты. Враки! Другие уверены, что мы евроамериканцы. Дудки! Мы ни на кого не похожи. Ни на Европу, ни на Азию, ни на Америку. Дай азиату камень – он будет вглядываться в него все глубже и глубже, пока перестанет что-либо понимать. Дай европейцу тот же камень – он будет изучать его форму и свойства, крутить в руках так и этак, пока не одуреет. Дай американцу камень – он постарается сделать из него конфетку, которую можно продать за максимальную цену. Но дай то же самый камень русскому – он только мельком взглянет на него, после чего размахнется и запуляет куда подальше, чтобы освободить руки и начать пытливо оглядываться по сторонам. И правильно сделает: чего он там забыл, в этой каменюке?

Нам по душе смотреть на большие массы: удовлетворенно обводить взором наш горизонт, по-хозяйски обозревать бескрайнюю степь, пытливо шарить глазами по синему небу...

Наш подход к проблемам широк, как наше образование. Дай нам любую ширь, как бы широка она ни была, мы сделаем ее еще шире. Валерий Чкалов на одноименном памятнике, из-под руки устремивший радостный взгляд в небо – символ нашего подхода ко всему на свете на все времена.

Мы родились с широким взглядом.

Уставясь в предмет, как в точку, можно в лучшем случае понять, как он устроен,

Взором, широким, как панорамный снимок, есть надежда как минимум понять мир.

Мы не такие, как все. Шире, чем мы, на земле никого нет. Но зато и непобедимей, чем мы, тоже немного.

НАРОД ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Когда я был в Америке, я обнаружил, что рядовые американцы не умеют ни прочистить карбюратор, ни сменить прокладку в капающем кране, ни даже заштопать дырку в носке. Чтобы припаять штеккер к кабелю, эти безрукие яйцеголовые либо вызывают мастера, либо бегут покупать новый телевизор. Бедолаги! Остается только удивляться непригодности западного человека к жизни и тому, как им все еще удается выживать. У меня лично неумехи, не умеющие делать ничего, кроме своей работы, вызывают глубокое сострадание. Что будет с западной цивилизацией, если у них отключат электричество на неделю, или замерзнет паровое отопление, или заглохнет двигатель на проселке, от которого до ближайшего телефона сто верст, страшно даже вообразить.

СТРАНА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖИЗНИ

Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

Козьма Прутков

Во время матчей сборной СССР с канадскими профессионалами, доставлявшими советскому народу народу радость, сравнимую разве только с полетом Гагарина, радиокomentатор (Николай Озеров), по совместительству, кстати сказать, народный артист и актер МХАТа, произносил слово ПРОФЕССИОНАЛЫ с презрением. То есть настолько презрительно, насколько ему позволяла система Станиславского. С тех пор презрительная интонация, связанная со словом ПРОФЕССИОНАЛ, стоит в ушах у целого поколения:

Наши (восторг) ребята победили канадских (беспредельное презрение) профессионалов!

Молодец он, этот наш народный комментатор! Как тонко сумел одной интонацией, безотносительно к тексту, отразить одно из наших фундаментальнейших чувств. Разве не само собой разумеется, что быть любителем выше, чем профессионалом. Мастер на все руки неизмеримо выше узкого специалиста, который умеет делать только одно, например, только собирать микросхемы или синтезировать только аскорбиновую кислоту. Это же очевидно! А кто думает обратное, тот – я не боюсь этого обвинения - не наш человек.

Даже наши враги не могут не признать, что в русском подходе к жизни есть сильное аристократическое начало. Быть любителем - наша профессия. И если у английских лордов любительство наигранно и идет от безделья, у нас оно врожденно и извергается на поверхность, как лава, из глубочайших недр нашей отечественной души.

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ РАБОТОЙ

Истинно русский человек воспринимает любое конкретное дело как ограничение свободы своей личности. К этому ограничению свободы мы куда более чувствительны, чем, например, к ограничению свободы слова или заключению под стражу. Мы считаем свободу от дела, которым занимаемся, первичным правом, данным нам Господом. И не откажемся от этого нашего завоевания ни под каким дулом.

Все знакомые мне российские предприниматели как один человек отмечают нелояльность нанятых ими работников фирме, в которой они работают. Они говорят, что все работающие у них россияне – от менеджера до уборщицы – убеждены, даже если сами не осознают этого, что они не должны отдавать себя за деньги целиком, а наоборот – имеют полное право брать от работодателя все, что можно и что нельзя, причем то, что нельзя, в первую очередь. Эта наша особенность совершенно не зависит ни от рода деятельности, ни от размеров

зарплаты, и, стало быть, сие есмь наша национальная черта, которая по этой причине не должна вызывать в душе никаких других чувств кроме гордости.

ГОРДАЯ СДАЧА В ПЛЕН

Устраиваясь на работу, наш человек не в силах преодолеть ощущения, что идет сдаваться. Да, да именно сдаваться, как в плен врагу. Прожив на земле с мое и пройдя ее из края в край – и не один раз (если исчислять пройденный путь, как годовой план, в валовом исчислении), я пришел к мысли, верность которой готов защищать где угодно, когда угодно и перед кем угодно:

**ИСТИННО РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК
ШИРЕ, ЧЕМ ЛЮБАЯ ПРОФЕССИЯ**

Спорить не рекомендую. Тот, кто не со мной – тот против нас. Ныне, присно и во веки веков.

МЫ – РЕНЕССАНСНЫЕ ЛЮДИ

Говорят, Италия - родина Ренессанса. Говорят: ах! Тициан, ах! Тинторетто! Всякие там триченто-квадрачено-квинченто, Челлини-Данте-Алигьери, Бокаччо-Беатриче-Рафаэль. Что ж! Может быть, Италия и была родиной Ренессанса. Гениальный естествоиспытатель Галилей, может, и впрямь пел неаполитанские песни в гондоле, а великий Леонардо да Винчи занимался живописью в свободное от изобретения подводной лодки, парашюта, фортификации и прочих естествоиспытаний время. Но скажите в таком случае на милость: почему в ту же самую эпоху, в которую Микельанжело расписывал потолок Секстинской капеллы, Иван Грозный вел нашу страну, так сказать, в противоположном направлении? В смысле, долой новгородское вече и вперед к опричнине?!

Глупо утверждать, что Ренессанс начался с Малюты Скуратова. И что Бекбулатович и был нашим Лоренцо Великолепным. Настаивать на этом было бы перегибом. Но то, что истинным продолжателем дела итальянского Ренессанса является Россия и что стратегическое направление Ивана Грозного не так уж противоположно тому, по которому шел Ренессанс, как может показаться на первый взгляд, сомнений не вызывает.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

Для тех, кто думает, что Ренессанс - это только художники и эстеты, приведем авторитетное мнение. Вот что пишет Алексей Федорович Лосев в своей блестящей книге «ЭСТЕТИКА ВОЗРОЖДЕНИЯ» в главе «Обратная Сторона

Титанизма», прочесть кою (если не всю книгу, то хотя бы эту главу) настоятельно рекомендую каждому, кто хочет убедиться в том, что ни Флоренции, ни Венеции, ни Риму мы не уступаем ни в чем:

“В Риме в 1490г. насчитывалось 6800 проституток, а в Венеции в 1509 году их было 11 тысяч... Если верить автору одной хроники, бывали времена, когда институт куртизанок приходилось специально поощрять, поскольку уж слишком распространен был “гнусный грех”... Внутренние раздоры и борьба партий в различных итальянских городах, не прекращавшаяся всю эпоху Возрождения и выдвигавшая сильных личностей, которые утверждали в той или иной форме свою неограниченную власть, отличалась беспощадной жестокостью и какой-то неистовой яростью. Вся история Флоренции XIII-XIV веков заполнена этой дикой и беспощадной борьбой. Казни, убийства, изгнания, погромы, пытки, заговоры, поджоги, грабежи непрерывно следуют друг за другом. Победители расправляются с побежденными с тем чтобы через несколько лет самим стать жертвой новых победителей.

Уже с XIII в. В Италии появились кондотьеры, предводители наемных отрядов, за деньги служившие тем или иным городам. Эти наемные шайки вмешивались в междоусобные раздоры и отличались особой наглой и зверской жестокостью. Многие такие кондотьеры захватывают себе города и становятся родоначальниками итальянских династий. Так в Милане уже с конца XIII в. воцаряется род Висконти, прославившийся убийствами и всякого рода жестокостями и насилиями. Бернарбо Висконти выстроил особый дворец, в котором в роскоши жило 500 громадных псов и, кроме того, несколько сот псов было роздано на содержание жителям Милана, обязанным регулярно представлять отчет в особое собачье ведомство. В случае смерти собаки гражданин, на содержании которого она находилась, отправлялся на эшафот...

Неаполитанский король Ферранте, неутомимый работник, умный и смелый политик, внушал ужас всем своим современникам. Он сажал своих врагов в клетки, издевался над ними, откармливал их, а затем отрубал им головы и приказывал засаливать их тела. Он одевал мумии в самые дорогие наряды, рассаживал их вдоль стен погребов, устраивая у себя во дворце целую галерею, которую и посещал в добрые минуты...

Едва ли все это, весь этот безграничный разгул страстей, пороков и преступлений, можно целиком отрывать от стихийного индивидуализма и от прославленного титанизма всего Ренессанса.”

Убедились? Это не о стране Черномырдина, это о стране Рафаэля. И не кто-нибудь, а сам Лосев! Истинно, истинно говорю вам: если какая-нибудь страна в мире в двадцатом веке похожа на Итальянское Возрождение, то это Россия. В чем-то эпоха Рафаэля впереди нашей с вами, в чем-то мы опередили ее. Бандиты, рекетеры, жулики, авантюристы, а также дамы легкого, полулегкого и даже наилегчайшего поведения являются обратной стороной Нашего Российского Титанизма так же, как и Флорентийского. Наши губернаторы ни в чем не уступают миланским герцогам, а руководители наших администраций – дожам Венеции. А тому, у кого язык повернется сказать, что русская мафия не даст сто очков вперед любой иностранной, включая и итальянскую, я просто плюну в глаза. К тому же: всем известно, что наша литература и живопись являются передовыми.

Достоевский ни в чем уступает Данте, а Чайковский – Перголези, не так ли? И в Италии, и в России искусство удовлетворяет самым высшим критериям, это бесспорно. Прошу также обратить особое внимание на то, что общим для наших двух ренессансов является широта взглядов. В Лондоне и Амстердаме узкий специалист является рабом своих знаний. При подходе к каждой новой проблеме у него велик соблазн использовать то, что он знает, а не то, что естественно. Мы же, русские, как и флорентийцы, наоборот, убеждены, что непредсказуемая траектория, по которой разум свободно, как бабочка, покоряет пространство, и есть личность. Что нельзя ограничивать образованием вольный полет ума. Что за дело надо браться не с одной стороны, а со всех сразу. Пробовать его на зуб и так и этак, до тех пор, пока оно не сдастся на нашу милость.

Разумется, если приходится чинить поломанную телефонную станцию, предпочтительно, чтобы телефонных дел мастер в своем деле был западником. Но если надо сделать что-то фундаментально новое, например, перейти с угля на жидкое или ядерное топливо в условиях внезапного обледенения, или построить компьютер голыми руками в тунгусской тайге – Русская Ренессансность даст европейскости сто очков вперед.

Мы – ренессансные люди. Утверждая это, я не только оглашаю бессмертную истину, но и пытаюсь вдохнуть в себя веру в нее.

ЕЩЕ ОДИН ОТПОР ЗАКОРЕНЕЛОМУ ЗАПАДНИКУ

Я не удивлюсь, если даже выслушав все эти неотразимые доводы, западник спросит:

-- Допустим, все это так, но, господи помилуй, где же этот ура-патриотик Державный отыскал Ренессанс в Российской Федерации? Пусть покажет мне этот квадратный сантиметр на политической карте нашей страны! И -- Когда же он был-то, по его патриотическому мнению, Наш Отечественный Ренессанс?

- При Ельцине, когда страну грабили губерниями, линкорами и эшелонами?
- При Брежневле, когда жизнь проходила в переходах из одной очереди в другую?
- При Сталине, когда полстраны кирками махала в лагерях, а вторая - на воле?
- При Ленине, который гражданскую войну своему народу объявил?
- При Николае Втором, который запретил собираться больше чем по трое, а как высочайше позволил, наутро революция разразилась да так более и не останавливалась?
- При Николае Первом, который Пушкина провожать в последний путь запретил?
- При Екатерине, которая вместо законов ввела в юриспруденцию принцип ДВОРЯНИН ВСЕГДА ПРАВ?
- При Петре, коего народ антихристом почитал?
- При Грозном?
- При Калите?
- При Владимире Красно Солнышко?

Назовите мне хоть одно счастливое поколение на Руси, по которому Родина-Мать не прошла бы плугом, и я стану в ваши ряды! - скажет мне интеллигент-западник.

В ответ я только усмехнусь в бороду и ничего не скажу. Потому что в этом вопросе правы мы оба. Западник скажет: так не бывает, а я отпарирую, что в России, дорогой мой соотечественник, бывает все.

После чего он, конечно, умолкнет, не имея более доводов. И тогда начну говорить я.

В том то и дело, дорогие мои сограждане, в том-то и чудо России, в том-то ее парадокс, что ренессанса на Руси никогда не было, а ренессансные люди были всегда. Те самые, о которых сказал поэт:
землю попашет, напишет стихи.

У нас ведь:

- Что ни сторож – то поэт.
- Что ни поэт – то участковый.
- Что ни участковый – то артист.
- Что ни сантехник – то философ.
- Что ни музыкант – то программист.
- Что ни генерал, то гуманитарий.
- Что ни президент – то дирижер.
- Что ни ассанизатор – то бард.
- Что ни министр – то академик.

В том-то и величие нашей страны, в том и ее очарование, которому невозможно противиться, что

МЫ – РЕНЕССАНСНЫЕ ЛЮДИ!

Что каждый из нас больше и шире, чем профессионал в какой бы то ни было профессии. Что

МЫ – СТРАНА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖИЗНИ

Осмысление всеобъемлемости этого лозунга мы предоставляем читателю.

Умному достаточно. Неумному тоже.

РЕНЕССАНСНЫЙ НАРОД

Панегирик

Эпиграфы:

“Он и так может, он и так может...”

Классические Слова Героини
Советского Суперфильма.

“ Землю попишет – напишет стихи...”

Вл. Вл. Маяковский

*“ ...понемногу
Чему-нибудь...”*

А.С. Пушкин

А теперь текст.

**В небеса многогранностью движимы:
Ренессансности нас не лишить!
Нас забрось на Сатурн – мы выживем.
И пороть мы умеем, и шить.**

**На Земле равных нет нашим лекарям
За штурвалом и на посевной.
Лучше всех лечат грипп наши пекари.
Лучше всех примет роды - любой.**

**Мы готовы в холопы и в кесари.
В Белый Дом. И в забой. И в запой.
Плотник может работать за слесаря.
Микельанжело – каждый второй!**

**В экстремальных условиях боги мы.
Всякий в деле чужом виртуоз.
Каждый мастер на руки на многие.
Даже киллер душевен до слез!!**

**Шире мы, чем любая профессия.
Узость нам, ренессансным, странна.
Ко всему все готовы, как мессии!
Мы – Любителей Жизни страна.**

**Спору нет: мы народ возрождения:
Кто из нас не титан – тот герой!
Как рванет - мы без тени сомнения
Амбразуры закроем собой.**

О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОМЫСЛИЯ В РОССИИ

(Панегирик на стосорокалетний Юбилей Создания Оного Опуса)

Гриф: Для внутреннего российского потребления

Починю сим имею честь низжайше предварить одно из величайших творений Отечественного Гения Политического.

Иные могут счесть оного опуса краткость черзмерной. Вздор! пространность речей, равно как и живость в чем бы то ни было, принижает облаченного властью на фоне управляемых им масс. Плох драматург, кой не ведает, что царям надлежит передвигаться малоподвижно в сравнении с боярами, а тем - в сравнении с опекаемым ими народом, кой един на сцене – включая в сие собирательное обозначение и жизнь - мельтешить предназначен! То же и принцы в балетах в сравнении с эльфами, сифилидами и прочими лебедями. По мере продвижения вверх по лестнице управления, времени надлежит замедляться, а воздуху - наполняться торжественностью. Многословие противно величию. Речениям власти верховной следует изливаться по каплям, аки лекарство сердечное. Предназначение населения – ловить ушами, как если бы они были локаторами, каждое вышестоящее слово, дабы остальное и прочее в соответствии с флюидами колебания атмосферы, исходящими от первоисточника жизни в державе, верноподданнейше домыслить.

Другие сочтут цитируемый трактат несерьезным, обманувшись фамилией, проставленной по-над текстом. Вопиющая недалекость! Ребячество. Западничество в конце концов. Своевременно создан сто сорок три года назад ¹ в качестве верноподданного маяка естественного развития: минута в минуту, год в год. Однако: то ли по причине чуждой отечественному патриоту скромности автора, то ли волею Провидения – труд сей не достиг своевременно царственных глаз. А ведь, если б достиг своевременно, мог повести Российской Империи Историю по иному пути. Да! Совершенно иному-с – мог и еще раз мог. Был же он обнародован (и, несомненно, достиг августейшего ока) лишь четыре года спустя. К тому времени место высочайшего утеса нашей истории Николая Петровича Романова занял сын его Александр, как теперь окончательно очевидно, свернувший страну с генеральной исторической магистрали. Будучи ведомым им по пути расхлябанности и вольнодумства, наш дружный народ забрел не в ту степь, за что царь-либерал (чтобы не сказать недотепа) и был ею, историей, наказан практически

---

¹ а я, будучи еще патриотом-любителем, мальчишкой в шапке-ушанке, впервые заметил, что, как только потребность в Путеводном Писателе появляется, он тотчас рождается где нибудь на просторах нашей необъятной страны и сочинять соответственно с генеральной потребностью начинает

незамедлительно, в результате коего акта наше национальное ополчение надолго вернулось на генеральную колею.

Нельзя не признать: трактат сей исполнил свое Высокое Предназначение. Бесспорным доказательством чего является тот неоспоримый факт, что сей беспримерный Опус – до последней буквы, до знака препинания, до запятой над *и-кратким!* – воплощен в явь! Да, господа-с, воплощен-с! Единственный из всех политических прожектов за нашу более чем тысячелетнюю историю!! Что заслуженно ставит Автора Оног Опуса выше всех прочих отечественных прожектеров, как то: Сперанский, Витте, Никита Хрущев, Глеб Павловский, не побоюсь поставить с ними в одну линию Столыпина, Горбачева Михаила Сергеевича, князя Алексашку Меншикова, Бухарина, без сомнения Егора Гайдара, Григория Распутина, Жириновского Владимира Вольфовича, Суслова, Екатерину Великую, Малюту Скуратова, Явлинского, князя Потемкина, Андрея Жданова и императора Павла иже с ними. Даже в сравнении с начертаниями Петра Алесеевича (Первого) трактат сей не меркнет, ибо верноподданнически утверждать, что всякий помысел великого преобразователя реализован, или что хотя бы реализовано их арифметическое большинство, было бы большою натяжкой и перегибом, в то время как претворимость в явь данного промысла стопроцентная и более того: все линии – как генеральные, так и едва обозначенные стежками – усугублены и разработаны будущими поколениями до полной утрамбованности в тракт.

Да! автор трактата скромн. Он не прейтендует на славу. Коя к нему заслуженно не пришла по его собственному пожеланию. А обласкала сия капризная девственница сам трактат. Доказательством чему является не знающий аналогии факт: он был опубликован при жизни товарища Сталина, во всех прочих случаях не склонного давать жизнь чему-либо подверженному трактовке. Супротив того: в наше время, наполненное свободой, как сифон газом, трактат сей начал опять погружаться в беспмятство, несомненно по причине его полной и окончательности воплощенности. К моему вящему изумлению, сумел отыскать я канонический текст сего манускрипта лишь после многомесячных безуспешных исканий по книжным прилавкам – и где же? в собраниях сочинений означенного небезыизвестного автора полувековой давности. Оказалось, что из решительно всех переизданий после крушения коммунизма он исключен, повидимому, как неспособствующий преумножению тиража. Что означает: положения оног Трактата ноне до того очевидны, каждый из нас до такой степени впитал их в свою плоть и кровь, так сказать, с молоком Матери-Родины, что кажется, и читать то его не за чем, ибо он всего лишь отражает то, что видно каждому невооруженному глазу оглядывающемуся по сторонам. Но нет! не должны мы забывать первоисточников нашей политической мысли, наших Ликургов, Солон и Монтесье, ибо оные есмь национальный Барометр. Ныне, присно и на все времена.

Но не пора ли переходить к самому трактату от его описания – скажут иные? Решительно соглашусь! Предварение не должно превышать пространностью предваряемое, как проект преобразования не должен превышать размерами его самое. Считаю необходимым однако, прежде чем уступить рупор первоисточнику, представить на рассмотрение высшего руководства проект всенародного

празднования стосорокалетия Обнародования Величайшего Трактата в нашей истории, с тем чтобы отметить сей знатный юбилей наравне с Днем Независимости России на Красной Площади, а от нее распространить означенное ликование на всю нашу бескрайнюю подконтрольную Землю.

Козьма Прутков

**ПРОЕКТ:
О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОМЫСЛИЯ В РОССИИ**

Этот черновой вариант, написанный Козьмою Прутковым в 1859 г., был напечатан в журнале “Современник” лишь по смерти К.Пруткова, в 1863 г., кн. IV. В подлиннике, вверху его, находится надпись: “Подать в один из торжественных дней, на усмотрение”.

П Р И С Т У П: Наставить публику. Занеслась. Молодость; науки; незрелость!.. Вздор!..Убеждения. Неважение мнения старших. Безначалие. “Собственное” мнение! Да разве может быть *собственное* у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? На чем основано? Если бы писатели знали что –либо, их призвали бы к службе. Кто не служит, значит, недостоин; стало быть, и слушать его нечего. С этой стороны еще никто не колебал авторитета наших писателей: я первый. (Напереть на то, что я – *первый*. Это может помочь карьере. Далее развить то же, но в других выражениях, сильнее и подробнее.)

Т р а к т а т: Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. “Аще царство на ся разделится” и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желание не ошибаться; но, чтоб удовлетворить это желание, надо иметь материал для мнения. Где ж этот материал? Единственным материалом может быть только мнение начальства. Иначе нет ручательства, что мнение безошибочно. Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! Нет! Это неправда!.. Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко достигает результата рядом косвенных мер, которые могут, по-видимому, противоречить одна другой, будто бы не иметь связи между собою. Но это лишь кажется! Они всегда взаимно соединены секретными шолнерами единой государственной идеи, единого государственного плана; и план этот поразил бы ум своею громадностью и своими последствиями! Он открывается в неотвратимых результатах истории. Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история? Как ему обсуждать правительственные мероприятия, не владея ключом их взаимной связи? – “Не по частям водочерпательницы, но по совокупности ее частей суди об ее достоинствах”. Это я сказал еще в 1842 г. и доселе верю в справедливость этого замечания. Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения,

разные виды с одной стороны и усмотрения с другой?! Никогда не понять ему их, если само правительство не даст ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно. Вот почему иные люди, даже вполне благонамеренные, сбиваются иногда злонамеренными толкованиями; у них нет сведений: какое мнение справедливо? Они не знают: какого мнения надо держаться? *Не могу пройти молчанием...* Какое славное выражение! Надо чаще употреблять его; оно как бы доказывает обдуманность и даже что-то вроде великодушия.) Не могу пройти молчанием, что многие признаны злонамеренными единственно потому, что им не было известно: какое мнение угодно высшему начальству? Положение этих людей невыразимо тягостное, даже смело скажу: невыносимое!

Заключение: На основании всего вышеизложенного и принимая во внимание: с одной стороны: необходимость, особенно в нашем просторном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства; с другой же стороны – невозможность достижения сей цели без дарования подданным надежного руководства к составлению мнений – не скрою (опять отличное выражение! Непременно буду употреблять почаще) – не скрою, что целесообразнейшим для сего средством было бы учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным. Полицейским и административным, содействием властей, был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою, маяком, вехою. Пагубная склонность человеческого разума обсудать все происходящее на земном круге была бы обуздана и направлена к исключительному служению указанным целям и видам. Установилось бы одно *господствующее* мнение по всем событиям и вопросам. Можно бы даже проиводействовать развивающейся склонности возбуждать “вопросы” по делам общественной и государственной жизни; ибо к чему они ведут? Истинный патриот должен быть враг все так называемых “*вопросов*”!

С учреждением такого руководительного правительственного издания даже злонамеренные люди, если б они дерзнули быть иногда несогласными с указанным “господствующим” мнением, естественно, будут остерегаться противоречить оному, дабы не подпасть подозрению и наказанию. Можно даже ручаться, что каждый, желая спокойствия своим детям и родственникам, будет и им внушать уважение к “господствующему” мнению; и, таким образом, благодетельные послдества предлагаемой меры отразятся не только на современниках, но даже на самом отдаленном потомстве.

Зная сердце человеческое и коренные свойства русской народности, могу с полным основанием поручиться за справедливость всех моих выводов. Но самым важным условием успеха будет выбор редактора для такого правительственного органа. Редактором должен был человек, достойный во всех отношениях, известный своим усердием и своею преданностью, пользующийся славою литератора, несмотря на свое нахождение на правительственной службе, и готовый, для пользы правительства, пренебречь общественным мнением и уважением, вследствие твердого убеждения в их

полнейшей несостоятельности. Конечно, подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение, и награды чинами и орденовыми отличиями. Не смею предлагать себя для такой должности по свойственной мне скромности. Но я готов жертвовать собою до последнего издыхания для бескорыстной службы нашему общему престол-отечеству, если только это будет согласно с предначертаниями высшего начальства. Долговременная и беспорочная служба моя по министерству финансов, в Пробирной Палатке, дала бы мне, между прочим, возможность благоприятно разъяснить и разные финансовые вопросы, согласно с видами правительства. Разъяснения же эти бывают часто почти необходимы ввиду стеснительно положения финансов нашего дорогого отечества.

Повергая сей недостойный труд мой на снисходительное усмотрение высшего начальства, дерзаю льстить себя надеждою, что он не поставится мне в вину, служа несомненным выражением усердного желания преданного человека: принести посильную услугу столько высоко уважаемой им благонамеренности.

1859 года (annus, i)

Примечание: В числе разных заметок на полях этого пректа находятся следующие, которые Козьма Прутков, вероятно, желал развить в особых проектах. 1) “Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, дозволяя себе только их повторение и развитие” и 2) “вменить в обязанность всем начальникам отдельных частей управления: неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное учреждение списки всех лиц, служащих под их ведомством, с обозначением противу каждого: какие получает журналы и газеты. И не получающих официального органка, как не сочувствующих благодетельным указаниям начальства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины и не удостоивать ни наград, ни командировок”.

Вообще в портфелях Козьмы Пруткова, на которых отпечатано золотыми буквами: “Сборник неоконченного (d'inachevê)” содержится весьма много любопытных документов, относящихся к его литературной и государственной деятельности. Может быть, из них еще будет что-либо извлечено для печати.

Комментарии и трактования

Воистину, каждая строчка и почти что каждое слово трактата о Введении Единомыслия в нашем соборном Отечестве трактований заслуживает, подобных тем, какими трактованы священные писания, за кои почитаю Библию и Коран. То же и с комментариями. Жизнь настойчиво ждет отечественного Фому Аквинского.

P.S. Во избежание подозрений в недостатке смирения прошу не считать мои соображения мыслями. На звание предтечи также не претендую.

***

Итак:

ПРОЕКТ: О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОМЫСЛИЯ В РОССИИ

Шапка беспримерно удачна. Единомыслие само по себе, неважно на какой предмет обращаемо, наша генеральная национальная идея и есть.

**В подлиннике, вверху его, находится надпись:
“Подать в один из торжественных дней, на
усмотрение”.**

Какая животрепещущая директива! Какая национальная, и в то же время какая народная по сути своей! После этого открытия Пруткова, которое я назвал бы ТЕОРЕМОЮ О НЕОДНОРОДНОСТИ РУССКОГО ВРЕМЕНИ, за которое ее автору не была вручена Нобелевская премия лишь потому, что она не была в то время учреждена, становится кристально ясно что праздничное время не такое как будничное. Что есмь праздник? – спрашиваю я себя. И отвечаю, следуя учению Пруткова Козьмы: праздник – это время представления на высочайшее рассмотрение праздничных бумаг! Правитель вправе ожидать от нижестоящих вельмож, что на ознакомление его будут предъявляться бумаги в соответствии с моментом, с таким расчетом, чтобы праздники никак не омрачались несовершенством реалий.

Рискну высказать догадку, что именно последовательное следование автора Труда сего содержанию оно помешало Проекту спасти отечество от наступившего с кончиной государя императора Николая Первого Павловича либерализма. Трактату не суждено было предстать пред высочайшие очи своевременно, ибо, как мне начинает все яснее мерещиться, начиная с 1859 года и до конца дней у сего Высокочтимого Императора просто не оказалось ни единого часа, праздничностью достойного вручения ему сего Опуса.

Наставить публику. Занеслась.

О! Как лаконично. И как побуждает на комментарии! Как много сказано этими тремя словами!

Да! народ должен быть публикой наполняющей залы собою. И допускают его к присутствию в оном присутствии вовсе не для волеизъявления, как некоторые самонадеянно думают, а для благоговейного лицезрения и получения наставлений.

Наставить публику. Занеслась.

Каждый власть имущий должен быть прежде всего наставником. Постановка на место каждого занесшегося куда либо гражданина – наша миссионерская миссия.

Молодость; науки; незрелость!.. Вздор!.. Убеждения.

О, могучие знаки препинания нашего! О, законченность точки опрокидываемая расплывчатостью запятой! Наличие убеждений – верный признак незрелости. Человек с убеждениями совершенно неспособен служить: его заносит на каждом историческом повороте.

Неуважение мнения старших. Безначалие.

Вот это то и есть главный бич наш. Непонимание, что старший по званию старше чем подчиненный независимо от возраста.

Безначалие

Провиденческая антитеза! синоним европейской расхлябанности, коей история наша с упорной настойчиво отстранялась, находя сему отстранению разные – нет не формы, наименования: самодержавная монархия, демократический централизм, единоначалие, властная вертикаль...

**“Собственное” мнение! Да разве может быть *собственное* у людей, не удостоенных доверием начальства?!
Откуда оно возьмется?
На чем основано?**

Да его у нас и не было никогда, общественного мнения, только опасения что оно возникнет, бывало, а как таковое – нет! Даже в те мимолетные промежутки, когда словоизъявление позволялось (например, в хрущевскую оттепель, или в екатерининскую трехдневную – шутейную разумеется, данную понарошки, но данную! – свободу слова, когда Радищев в силу не то природной бесшабашности не то природной наивности опубликовал пародию на послания апостола Павла, за что и поплатился незамедлительно по завершению означенного карнавала) мнения эти служили только их выявлению начальством и никогда ничего не решали.

Собственного мнения у народа не только нет, но и быть не может. Эта максима стала пророческой до такой степени, что набила оскомину.

**Если бы писатели знали что –либо, их призвали бы к службе. Кто не служит, значит, не достоин;
стало быть, и слушать его нечего.**

Это ли не прямое пророчество о создании Союза Писателей?! Равно как и артелей (известных под именем творческих союзов) лиц прочих “свободных профессий”, находящихся под почетным присмотром правительства?! Полноте, господа дисиденты! да может ли профессия быть свободной от служения Родине?

Припомните: их ведь, творческие союзы, так прямо и называли у нас: литературный полк. Или еще говорили: актерского полку прибыло... Помню незабываемую картину: двадцать первый съезд Партии. И голос диктора, оповестивший после завершения выступления юных ленинцев раскатистым голосом: “А сейчас нас пришли приветствовать Писатели и Композиторы!” И те вышли. Маститые из маститых, отборные из отборных. И встали в ряд. И стали приветствовать по очереди, кажется, даже в стихах. Точь точь, как юные пионеры. Только брюки длиннее и юбки окладистее. Величавое зрелище было! Такое не забывается.

О, до чего же пророк он, наш Прутков! Да он очки вперед даст Илие, Исайте и Даниилу, ибо наш отечественный Илия, Даниил и Исая дотошен в своих пророчествах. Он открывает читателю колосса будущего по его главным чертам, а не по очертаниям оногo, распознаваемым пытливым оком в тумане.

Кто не служит, значит, недостоин; стало быть, и слушать его нечего.

О, пророк Козьма! Склоняю пред твоим величием брeнную главу. С тех пор, как ты властно предрек это, исключение из рядов стало равносильно смертному приговору. Кто не помнит такового сакраментального отрешения, учиненного над Ахматовой и Зощенко, Прокофьевым и Шестаковичем, Пастернаком и Львом Толстым? Только чистосердечное литературное (музыкальное, архитектурное) раскаяние может облегчить участь. На колени перед Козьмой-пророком! Шапки долой и лбы оземь!!

Кто не служит, значит, недостоин

Вон он во всем блеске и чистоте словесного выражения, принцип примата службы

**Кто не служит, значит, недостоин; стало быть, и слушать его нечего.
С этой стороны еще никто не колебал авторитета наших писателей:
я первый.**

Пророк тот, кто знает будущее граждан заранее, не занимая никакой должности, в отличие от начальства, которое знает наше будущее, потому что держит его в своих руках.

Т р а к т а т: Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях.

Сей второй трактат за подписью г. Пруткова – увы! - так и остался неопубликованным и текст его не дошел до потомков, то есть до нас с вами, ребята. Возможно даже, что он никогда не был написан. Однако ж название его – одно название! – как путеводящая звезда, вдохновило тысячи и тысячи патриотов на его подетальную разработку и претворение в явь, не в букве а в духе, такое дотошное,

что, оглядевшись по сторонам, лучшего соответствия помыслу и желать нельзя. История ведь пишется не только словами но и деяниями, истекающими из слов. Засим не следует удивляться, что в начале Русского мира тоже было слово.

Вред несогласия во мнениях

О! как это верно!! Как правильно!! Однако ж: при всей очевидной вредности разнобоя, наличие Запада заставляет нас поощрять видимость неполного единения, контролируемого однако же свыше. Эта организованная самодеятельность у иных восторженных демократов рождает иллюзии. Близорукие насекомые! Нет лучшего доказательства нашего единства взглядов, чем их нарочитое расхождение, нарочито транслируемое на весь мир.

Вред несогласия

Развивая идею Пруткова, я бы со своей стороны предложил высшему руководству, в случае принятия решения об учреждении им демократии, собирать руководителей партий на какой нибудь даче для коллективных внушений, после чего развозил бы в ставки возглавляемых ими партий полимузинно ¹. Я бы присваивал депутатам очередные воинские звания независимо от возраста, временами даже публично, ибо патриоты бывшими не бывают ². Я бы устраивал для министров собрания воинские и селил бы на несколько дней в году в походных палатках, где доверенный представитель центрального руководства им мозги бы чистил, так сказать, головной щеткой, дабы соборного характера нашей выборности не забывали ³. Я бы приказал им всем на закрытые заседания парламента поголовно являться в форме и при погонах, и только перед публичными заседаниями переодеваться в гражданское платье сшитое на общественный счет ⁴. Да много еще чего может сделать патриотический ум для того, чтобы устроить иллюзию независимости голов в действительности произрастающих из общего туловища!

Вред несогласия

Непревзойденным режиссером массовых демократических представлений был разумеется, Иосиф Виссарионович Сталин, верный ученик не столько Ленина, сколько Пруткова Козьмы, великого предтечи их обоих. Мастер стирания грани между театром и жизнью, Великий Вождь и Учитель на процессах врагов народа обманул даже такого ворошиловского стрелка литературы, как Леон Фейхтвангер, сидевшего в первом ряду и взиравшего на происходящее в упор. А единогласные тайные голосования – еще одно великое изобретение – в духе Козьмы-пророка! Не зря было сказано Поэтом: “Сталин выше гор, выше облаков, он Учитель Вселенной!” По заслугам и честь.

¹ Пророчество сбылось. И даже без моего верноподданического участия.

² Пророчество сбылось. И даже без моего верноподданического участия.

³ Пророчество сбылось. И даже без моего верноподданического участия.

⁴ Пророчество пока не сбылось. Но ему несомненно еще предстоит это

Превзойти Вождя Народов в режисуре жизни невозможно, как невозможно превзойти Бога. Но стремиться надо. И мы будем. Вечно будем.

Всякому русскому дворянину свойственно желание не ошибаться; но, чтоб удовлетворить это желание, надо иметь материал для мнения. Где ж этот материал? Единственным материалом может быть только мнение начальства. Иначе нет речительства, что мнение безошибочно.

Пророческая точка зрения! Основопологающая и провиденческая. Она торжествует даже после своего торжества. И после малейшего послабления вновь ввысь взмывает на недюжинную высоту. Истинно, истинно говорю вам: начальство как источник всякой мысли – это и есть наше национальное кредо, за которое мы отдадим все на свете включая и начальство как таковое.

Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства.

Да вот недавно совсем услышал я из высоких уст приближенных к Боровицким Воротам визиря: “От Власти должна исходить тайна.” А тайна, как известно, рождает что? Правильно, благоговение. Однако ж Козьма-пророк (в миру, кстати сказать, носивший брэнное имя брата Жемчужникова) упредил нынешних государственников в этой неумирающей мысли на целый век. Что есмь цитируемые полторы строки? Пророчество для служебного пользования. Генеральная лепота.

Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история? Никогда не понять ему их, если само правительство не даст ему благодетельных указаний.

Но оно непременно дает их, и доносит до самого последнего закоулка не только по радио и по телевизору, но и в виде летучек, политинформаций и прочих назидательных мероприятий. Скажу более: во времена Нерона и даже Ивана Грозного не было иного пути донесения руководящих видений, подлежащих воплощению в явь, до нижестоящего населения иначе как опосредованно, через назначенных высочайшей властью начальников, кои августейшее мнение трактовали. Изобретение газет изменило это положение к лучшему, однако же не до такой степени, чтобы сделаться окончательно эффективным. Так небезизвестно, что при государе-императоре Павле Петровиче (пример ставший классическим) гонец скакал до отдаленных уголков нашей державы годами, за которые несомое им повеление могло измениться на противоположное – и даже вместе с августейшим источником этого повеления. То есть: скорость распространения власти измерялась

скоростью лошади. С приходом в дома радиоволн положение решительно изменилось к несравненному лучшему: уже в тридцатых годах двадцатого века каждый гражданин, где бы он ни жил, имел полную возможность, задрвав башку, слушать речь товарища Сталина, доносившуюся из репродуктора. Ноне наличие каналов телевидения позволило еще более усугубить процесс прямого монолога верховной власти направленного на народ и распространить его на глаза. Однако же и местное начальство не окончательно отмерло и его роль не окончательно аннигилировалась. Причиной этого парадокса является неизбежная по сути своей всеобщность верховных указаний, которые требуют на местах уточнения сообразно с особенностями местными, дабы контингенту, на кои высочайшие приказы всемилословнейше нацелены, полностью и окончательно не помереть. Однако ж: наличие расхождения мнений на телевизионных и прочих кнопках является вредным ребячеством и должно быть устранено. Наше разнообразие кажущееся, пора навечно зарубить себе это.

Вот почему иные люди, даже вполне благонамеренные, сбиваются иногда злонамеренными толкованиями; у них нет сведений: какое мнение справедливо? Они не знают: какого мнения надо держаться?

Устарело. Доработано. Устовершено. Мнение начальства по всем ключевым вопросам не просто доходит до каждого, а многократно и поминутно доходит. А ежели то или иное мнение по какой то высочайшей причине осталось недонесенным, нюх и чутье граждан верноподданнейше восполняют его.

Не могу пройти молчанием... Какое славное выражение! Надо чаще употреблять его; оно как бы доказывает обдуманность и даже что-то вроде великодушия.)

У меня нет слов, но я не могу молчать! – вот перевод этого судьбоносного изречения с русского на российский язык.

Не могу пройти молчанием, что многие признаны злонамеренными единственно потому, что им не было известно: какое мнение угодно высшему начальству?

А вот это устарело, господин Прутков. Но почему устарело? И в чем? Есть два вида устаревания: первое – устаревание по причине вступления на грань полного исчезновения с лица земного, и второе – устаревание по причине появления несравненно более изощренных продуктов. Да будет вам известно, что, в силу технического прогресса и повсеместного распространения радио и телевидения, злонамеренность по причине неведения мнения руководства в третьем тысячелетии

совершенно исключена. Через всего какойнибудь век после вашей кончины технический прогресс позволил главенствующему лицу обходиться совершенно без посредничества наместников, приходя голосом и обликом непосредственно в жилые дома. Дозволенность гражданам при этом высочайшем явлении в не вставать в стойку смиренно, а, скажем, предаваться еде, дремоте и другим появлениям, есть высшее проявление либерализма властных структур, на которое может претендовать человек.

Принимая во внимание: с одной стороны: необходимость, особенно в нашем просторном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства; с другой же стороны – невозможность достижения сей цели без дарования подданным надежного руководства к составлению мнений – не скрою, что целесообразнейшим для сего средством было бы учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным, полицейским и административным, содействием властей, был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою, маяком, вехою.

Господи! Да что же это? Неужели пророчества бывают такими дотошными? Это вам не пророк Захарий, и не даже Иезекииль, это покруче! Да, я верю в пророков: Илию, Даниила, Исаяю – и в их провидение. Но такого скупулезного пророчества, как цитируемое – сгустившегося в явь вплоть до мельчайших деталей! - свет не видывал, это я вам ответственно заявляю! Не откажу себе в удовольствии вслед за пророком Козьмой повторить: *“Принимая во внимание: с одной стороны: необходимость, особенно в нашем просторном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства; с другой же стороны – невозможность достижения сей цели без дарования подданным надежного руководства к составлению мнений – не скрою, что целесообразнейшим для сего средством было бы учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет.”* Господи твоя воля... Да это же о газете Правда написано! с такой точностью, как будто сам Козьма-пророк ее и основал, будучи чем то вроде апостола Петра важнейшей институции нашей. Точнее не скажешь! Более того: сей абзац есть не менее как руководство ко всей системе престольной печати советской. Славный день которой, кстати сказать, по сию пору отмечается повсеместно. Ведь так и было начертано на первой странице оногo высочайшего издания: орган (!) центрального комитета коммунистической партии. Который, в точности с предписанием господина Пруткова, раскрывал взгляд облагодетельствуемому населению на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан не просто достаточным, а полнейшим до такой степени, что полней не бывает! -

полицейским и административным содействием властей, был (и остается!) для миллионов наших сограждан необходимою и надежною звездою, маяком, вехою.

Трудно усомниться в том, что структура советской массовой информации была создана в соответствии с предначертанием, очерченным данным абзацем. А вот являются ли оные написанные Прутковым слова результатом божественного откровения или же напротив – анализа коммунистическими властителями сего трактата в качестве поминутного наставления вместо упраздненного ими Завета Божьего – должно быть изучено грядущими специалистами.

Этот правительственный орган ... был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою...

Вот оно, величайшее открытие со времен Гутенберга, а может быть, и изобретения слова вообще. С самого появления газет повсеместно считалось что они дают информацию о событиях, а не порождают эти события. Никому не приходило в голову, что они, газеты, могут являться источником событий на местах, коллективным организатором их возникновения, иными словами, локальным Богом. Прутков первый понял и открыл это. По сравнению с сиим начертанием любые ограничения свободы печати, будь их источником сам Наполеон Бонапарт, следует признать ребяческими. Ибо они процесса донесения до народа потоков информации о происходящем вспять не обращают.

Пагубная склонность человеческого разума обсудать все происходящее на земном круге была бы обуздана

Она и была обуздана! Причем самым божественным образом: на уровне формирования самой склонности.

Пагубная склонность человеческого разума обсудать все происходящее на земном круге была бы обуздана и направлена к исключительному служению указанным целям и видам. Установилось бы одно *господствующее* мнение по всем событиям и вопросам

Что есть отрывок сей? Пророчество о наступлении Эры Всегобего Единообразия! – и не менее сего. Единообразная красота всего на свете, а не только солдат на параде – вечная конечная цель! Единство взглядов, стирающее различие между добром и злом. Единообразие чувств и их выражений Мысли подстриженные как деревья – вот высшая мораль человечества и одновременно его наивысший цивилизационный предел.

Можно бы даже противодействовать развивающейся наклонности возбуждать “вопросы” по делам общественной и государственной жизни; ибо к чему они ведут?

К расхлябанности масс, разумеется. В нашей стране первичным является ответ. Вопросы вторичны и существуют исключительно для того, чтобы указанный властью ответ засиял во всем блеске своей ослепительности. Эта семантика взаимодействия начальника и человека отличает нас от всех прочих смертных.

**Истинный патриот должен быть враг всех так называемых “вопросов”
!**

“Истинный гражданин пролетарской революции половых желаний не должен иметь.” – было написано в 1926 году.

“Вопрос снят” – говорили на партийных собраниях во все времена.

С учреждением такого руководительного правительственного издания даже злонамеренные люди, если б они дерзнули быть иногда несогласными с указанным “господствующим” мнением, естественно, будут остерегаться противоречить оному, дабы не подпасть подозрению и наказанию. Можно даже ручаться, что каждый, желая спокойствия своим детям и родственникам, будет и им внушать уважение к “господствующему” мнению; и, таким образом, благодетельные послдетствия предлагаемой меры отразятся не только на современниках, но даже на самом отдаленном потомстве.

Воплощ

Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, позволяя себе только их повторение и развитие” и 2) “вменить в обязанность всем начальникам отдельных частей управления: неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное учреждение списки всех лиц, служащих под их ведомством, с обозначением противу каждого: какие получает журналы и газеты. И не получающих официального органа, как не соответствующих благодетельным указаниям начальства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины и не удостоивать ни наград, ни командировок”.

Ну так оно и есть, разумеется, в точности. Хотя, конечно, нельзя отказать нашей истории в прогрессе, особенно в пункте за номером 2). Ну просто диву даешься насколько несовершенна и наивна была неусыпность при государе императоре Николае Павловиче. Насколько третье отделение безнадежно отстало от нашего времени в отношении блюдения безопасности государства. А Бенкендорф в своем надзоре за Пушкиным по сравнению например с Берией был ну просто ребенок. О, насколько же грандиозен прогресс на стезе осведомленности начальства! Нынешнее супротив тогдашнего все равно что мерседес в сравнении с санками. Или компьютер супротив счет конторских. Воистину, самосознание этого не может не наполнять современного налогоплательщика патриотической гордостью за пройденный путь.

Самым важным условием успеха будет выбор редактора для такого правительственного органа. Редактором должен быть человек, достойный во всех отношениях, известный своим усердием и своею преданностью, пользующийся славою литератора, несмотря на свое нахождение на правительственной службе, и готовый, для пользы правительства, пренебречь общественным мнением и уважением, вследствие твердого убеждения в их полнейшей несостоятельности. Конечно, подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение, и награды чинами и орденскими отличиями.

Докладываю и напоминаю: редактор газеты Правда обязан был быть членом центрального комитета партии (ясно какой) – в точности с наставлением Пруткова Козьмы. Остальные редактора, освещающие жизнь вверенного им населения деталями, видимыми с меньших высот, так сказать, как бы не с московских космических, а: с заоблачных, с перистых облаков, туч, туманов, и далее планомерно снижаясь вплоть до заводских многотиражек, взирающих на сослуживцев не выше как с потолка. Однако же все эти редактора как один человек (которым, как уже было упомянуто выше, был Главный Редактор Страны Советов) находились, разумеется, на службе правительственной, нередко даже и при погонах; они обнародывали не информацию о явлениях, а сообщали населению, каковы будут эти явления. А также указывали населению его место в этих грядущих оптимистических катаклизмах. Не всякий враз поймет величие и

фундаментальность отличия – при видимом сходстве с так называемой свободной прессой.

Готов жертвовать собою до последнего издыхания для бескорыстной службы нашему общему престол-отечеству, если только это будет согласно с предначертаниями высшего начальства.

Готов готов и еще раз готов! – наша поголовная клятва: от юного пионера до космонавта во цвете лет. Наша готовность ко всему на свете является отличительной особенностью внутренности наших границ. Будьте готовы – всегда готовы. Более того – дружно готовы.

Повергая сей недостойный труд мой на снисходительное усмотрение высшего начальства, дерзаю льстить себя надеждою, что он не поставится мне в вину, служа несомненным выражением усердного желания преданного человека: принести посильную услугу столько высоко уважаемой им благонамеренности.

Достойная точка, не знающая себе равных в нашей истории. Непреложный факт: за истекшие сто сорок лет не было на нашей земле ни одного дня, когда бы трактат сей не вызывал одобрения верховной власти в нашей стране, независимо от характера этой власти и направления “ВПЕРЕД” - является абсолютно беспрецедентным феноменом. Казалось бы: что общего между Хрущевым, Сталиным, Николаем Вторым, Брежневым, Лениным и Александром Третьим? Ответ очевиден: полное одобрение содержания данного трактата!

Рискую выразиться еще решительнее: трактат сей есть величайшее руководство к действию, когда либо написанным на кириллице. И вапрямь: ежели все другие политические прожекты в нашей стране остались на бумаге или затерялись в закоулках Истории, а этот проект переустройства Отечества Нашего – один из тысяч и миллионов - претворен в явь до последней буквы и точки над и кратким – это не может не наводить на и не погружать в.

Единодушие. Дружная готовность к прозрению и ослеплению. Триумф коллективного энтузиазма. Вселенская эвхаристичность. Эйкуменистическая лепота!...

НАША ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ

СЕКРЕТ ВЕЧНОГО ВПЕРЕДИ

“МЫ – МОЛОДОЙ НАРОД.”
Андрей Битов

“МЫ С ВАМИ В НАЧАЛЕ БОЛЬШОГО ПУТИ!!”
Владимир Путин
Борис Ельцин
Михаил Горбачев
Андропов
Брежнев
Хрущев
Сталин
Ленин
Александр Второй
Николай Первый
Екатерина Великая
Петр Великий
Иван Грозный
Иван Калита
Владимир Красно Солнышко
Князь Игорь

Выступая в Ленинграде, писатель Андрей Битов на все вопросы из зала, почему у нас плохо то и плохо это, отвечал одинаково: *Мы молодой народ. Нам всего тысяча лет.*

И всякий раз произносил этот рефрен с одной и той же интонацией, за которой мне слышался вечный русский ветер. *Буря мглою небо кроет... Ветер, ветер на всем белом свете...*

Господи – не понимал я, вихрастый мальчишка из одиннадцатого ряда, вертя в голове и так и эдак самоопределение, данное Мудрецом – Ничего себе: Тысяча лет! неужели мало? И ведь вроде никто нас не завоевывал, никто с своей самобытной дороги сбить был не в силах, даже если бы и попытался; наоборот: пятьсот лет подряд никого не боялись, сами всех били и побеждали. Неужели же за это немеренное время нельзя было образумиться и стать взрослыми? Неужели нам пяти столетий непрерывного роста мало?

... А потом, лет этак через пятнадцать, я услышал от Михаила Сергеевича Горбачева, начинавшего перестройку, не то призыв к советскому народу, не то утверждение:

Причем ска
во второй раз в жи
пионерского галст
мглою...

**Товарищи.
Мы с вами в начале
большого пути.**

розы. И в этот момент
тому времени из
глом свете... Буря

- То есть как это? – чуть не подпрыгул я у своего телевизора:
-

Революцию прошли.
Продразверстку.
Коллективизацию.
В Гражданскую миллионов десять своих укокошили.
В Коллективизацию еще столько же голодом уморили.
В борьбе с врагами народа расстреляли больше русских людей, чем было
выпорото за предыдущие четыреста.
Народы переселяли.
Шестую часть суши заселили.
Пережили Временные Трудности.
Борьбу с космополитами.
Менделистами-морганистами.
Троцкистами, рыковцами, зиновьевцами, бухаринцами, уклонистами,
антипартийной группой, разгильдяйством, пьянством и алкоголизмом,
низкопоклонниками перед Западом.
Индустриализацию.
Подъем целины.
Братскую помощь танками и автоматами Калашникова половине мира
оказывали через «не хочу».
Гегемонами мирового коммунистического стойко держались.
И опять в начале пути?
?????
.....

И тогда меня Озарило. Прямо у телевизора на меня нашло просветление. И я, как сейчас помню, расплылся в улыбке – хоть будду с меня вайй (но не индийского будду, не китайского и не монгольского, а русского, самобытного Будду, с крестиком на шее и партбилетом в кармане – и никакого другого).

Не прав был Битов! Он думал, что называя Нас (с большой буквы) вечно молодыми, он делал Нам (с еще более большой буквы) комплимент и вселял в Нас, победоносных, надежду. Тогда как на самом деле, МЫ (со всех больших букв сразу) еще неизмеримо выше. Да да, Наш Народ выше даже вечной молодости, о которой мечтали лучшие люди планеты – от Гомера и Гете до Битова и Гумилева.

Мы более, чем вечное лето – бери выше!

МЫ – ВЕЧНО ЮНЫ!

Да, да, именно вечно.
Ибо для нас Становление выше совершенства.

Мы Вечная Весна человечества!
Мы вечное рождение и бесконечное развитие!
Мы вечный первобытный бульон, который вечно бурлит!
Мы большой взрыв Русской вселенной, который никогда не кончается.
Мы вечно готовы начать с вечного нуля.
Вечно в долгу у матери-Родины и в вечном ответе перед ней.
Вечно в Коротких Пионерских Штанишках – и одновременно
Вечно бегаем по миру с голой СамизнаетеЧем без стеснения.
Вечно стреляем из рогатки – по окнам и материкам.
Вечно готовы учить грамматику и четыре правила арифметики.
Вечно готовы взять материнскую грудь и соску.
И, наконец: мы вечно Готовы вообще.
Всегда и везде все на свете у нас было, есть и будет Впереди –
и Только Впереди.
Как у жизни. Не жизни отдельной особи, обезьяны и дикообраза, слона и
инфузории-туфельки, а жизни вообще!
Не в настоящем или хотя бы в прошлом, как у других народов – а в
Впереди!
О, Наше Вечное и Бесконечное
Впереди! призывно манящее в сизую
сизую
даль...

ИМПЕРИЯ РАДОСТИ

Посмотрите на фотографии тридцатых годов. Белозубым улыбкам наших бабушек-молодушек и дедушек-крепьшей и сегодня позавидует Голливуд. Секрет ликования прост. В России критика конкретна, а восторг – всеобъемлющ. Наши достижения всемирны, как Гоголевская Шинель, недостатки же только отдельные, как заплатки на этой шинели.

Радость по поводу открытия песочницы на детской площадке или бутылки лимонада должна распространяться на всю Галактику. Критика по поводу взрыва на Чернобыльской электростанции или обвала рубля обязана быть локальной.

Мы – империя Радости. Тот, кто не ликует вместе с правительством, – враг народа. Место которому совсем в другом месте.

МЫ ВЫШЕ МОЛОДОСТИ

Нет, мы не молоды. Мы выше даже вечной молодости, о которой мечтали лучшие люди Европы – от древних Греков до Фауста – но никогда, заметьте – никогда! – не мечтал русский человек, то есть ни в одной песне и ни в одной сказке. И знаете почему? Потому что молодость – это стационарное состояние. Находиться в котором, нам скучно. Как вечно молодые боги Греции со скуки не померли, я,

русский человек, удивляюсь. Это ж с ума сойти можно – и через сто лет быть богом торговли, или, к примеру, покровителем искусств, и через миллиард. Хуже обреченности на любую вечность, даже если это вечное величие, я ничего представить себе не могу. Не то что вечность, а даже неделю кряду. Мы не способны делать одно и то же изо дня в день. Для нас быть в одном и том же состоянии так же противоестественно, как для грудного младенца перестать расти.

Художники Возрождения ставили красоту материнства выше красоты девственности и грудь, давшую жизнь, выше девичьей. Мы тоже – только наоборот: почитаем юность выше молодости. Единственное, что есть в нашей жизни постоянного – так это ее вечная переменчивость. Мы вечно бурлим, вечно в начале, вечно рождаем жизнь на всех уровнях. Россия, это первобытный бульон, который в других странах давным-давно выпит. Мы, русский Народ, образуем Океан Жизни. В котором каждый из нас в отдельности непрерывно рождается заново.

В России вечно зарождается жизнь. В любой момент мы готовы стать зародышем нового – если, конечно, разрешат, а еще лучше - прикажут. Именно поэтому вопрос ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ В РОССИИ? – не праздный. Выбор ответов:

- 1 В России жизнь есть
- 2 В России жизни нет
- 3 И да и нет
- 4 Пока нет, но скоро появится

Какой из них правильный? Ответ: все. Потому что наша страна слишком велика, чтобы существовал один ответ на какой бы то ни было вопрос, касающийся ее. Спрашивать русского человека, ожидая услышать что-то определенное, так же нелепо, как ожидать ответа на вопрос: *Какая в России погода?*

Мы слишком большие. Поэтому в нашей стране погоды не существует. Как и многих других понятий.

Наша жизнь противоположна нашим анекдотам. И когда американец, уже после первых ста грамм, спрашивает: как вы думаете, я отстал от вас лет на пять? Мы только снисходительно улыбаемся. Потому что знаем, что они отстали от нас навсегда. Ибо команду КРУГОМ! у нас могут подать в любой момент, в результате чего последние оказываются первыми. Как после Страшного суда. Из чего видно, что наша земля – это уже почти небеса.

Французы эпохи галантных празднеств, всяких там рококо и барококо, притворялись вечно молодыми. Тогда и столетние старухи, и пятилетние девочки одевались одинаково (поглядите хотя бы на картину Веласкеса Менины, чтобы оценить это). Сим непрерывным маскарадом, в котором килоты и кринолины были униформой на все возрасты и размеры, Европа добилась только того, что стала вечной занудой. Мы неизмеримо глубже и выше. Вечная весна у нас в душе. В любую секунду мы готовы все бросить и стать кем угодно!

Мы ни на кого не похожи. Другого такого народа не было и не будет. Египтяне начинали летоисчисление с восшествия на трон каждого нового фараона. То есть у них новая эра начиналась с новым правителем. Это было прогрессивное и утраченное в новое время достижение древнеегипетской мысли. Но и тут мы неизмеримо впереди всех на свете, потому что готовы все бросить и начать жить с

самого начала не только с приходом в Кремль нового человека, но буквально в любую минуту.

Мы выше всех, потому что стоим на плечах пигмеев.

ВЕЧНО ЮНЫЕ МЫ

Россия – страна вечно юных. Это очевидно уже из того всем известного факта, что подавляющее большинство нашего населения – независимо от возраста и года, в который проводится наблюдение, – не живет, а мечтает начать жить.

ПРАЗДНИК ПЕРВЫХ ШТАНОВ

Величайшим достижением отечественной традиции является то, что у нас не просто нет посвящения во взрослость, как у прочих народов – а мы гордимся этим отсутствием взросления, ибо расплывчатость перехода во взрослое состояние дает нам счастливую возможность чувствовать себя юными до глубокой старости! То, что во времена язычества называлось иннициацией, у нас происходит намного раньше: у нас важнейшим переходом из одного возраста в другой является оный из детства в юность. Грубо говоря, это переход с коротких штанишек на длинные – у мальчиков, и с платица, под которым у девочки видны трусики, на платице, которое не закрывает только коленки. Иннициация юности условно называется у нас ПРАЗДНИКОМ ПЕРВЫХ ШТАНОВ. Мы гордимся нашей мечтательностью, она же безответственность и беззаботность. Мы выработали особый взгляд, который позволяет нам видеть не то что есть, а то что будет (даже если, скорее всего, то, что мы как бы видим, не произойдет никогда). Мы гордимся тем, что девушка (у которой все впереди и которая как бы чиста) в нашем сознании более уважаема, чем лишившаяся невинности мать семейства. Только у нас женщину называют девушкой, даже если она бабушка девятерых внуков, и девушка рада этому. То, что у нас в России зрелые сорокалетние мужики, как мальчики, не имеют ответственности ни за что – ни за семью, если они мужья, ни за страну, если они министры – ключ к ларцу с нашей Вечной Юностью. Наши девочки вечно как бы с бантиком, а наши государственные мужи как бы вечно вечные киндер-сюрпризы в пионерском галстуке или без него: *Будьте готовы-всегда готовы. На что? На что прикажут, на то и готовы.* Мы никогда не упираемся не только в зрелость, но даже в молодость, как при подъеме по стремянке из погреба упираются головой в пол. Мечта у нас вечно выше реальности, ученый (имеющий дело с вечными истинами) выше инженера (имеющего дело с истинами преходящими и устаревающими), актер и писатель выше механика и глазного врача, будущее важнее настоящего и идеолог главнее председателя совета министров. Мы единственные среди народов Запада и Востока?, юга и севера – единственные, заметьте! – у которых все вечно впереди!

НАША НЕРУШИМАЯ ДЕВСТВЕННОСТЬ

Боги Греции были вечно молоды. Ничего лучше этого скорые на выдумку греки и вообразить не могли. О том, чтобы кто-нибудь был вечно юн, то есть с каждой секундой, день ото дня, столетие за столетием все взрослел и взрослел, они

не могли даже мечтать. Был правда, Эрот, вечный мальчуган. Но это другое. Юность – это непрекращающийся рост, а Эрот как бы застыл в своем мальчишестве, на которое вечно рано трусы надевать. Он не юность и не детство, а как бы окаменевшая зрелость – ибо со временем не меняется. Если бы вы встретили друга детства, с которым ходили в детсад в коротких штанишках (или без оных), и он через двадцать лет оставался бы таким же карапузом, вы бы, наверно, не только удивились, но и испугались: ребенок, застывший в детскости – это противно природе, это вопреки ей. Так же противна природе человека и вечная неизменная молодость – смотри «Портрет Дориана Грея». Тем более не только греки, но и более близкие нам народы, не могли мечтать о вечной юности, характерной чертой которой является то, что она находится в непрерывном развитии. То есть в возрасте, когда сказать девушке – *Ты совсем не изменилась за то время, что мы не виделись* – значит, не нахамить ей, а произнести комплимент.

Они даже в самой дерзновенной фантазии и представить себе не могли вечную юность, эти древние греки. У них для этого было слишком мало воображения. На фоне этих исторических и мифологических экскурсов самобытным и уникальным особняком стоит наша страна. За одно это нас уже можно считать чудом света, на которое надо любоваться, помещать нас в кунсткамеры и сдувать с нас пылинки.

Мы больше, чем молоды. И даже больше, чем вечно молоды. Мы вечно юны. Молодость у нас вечно впереди.

Мы никогда не достигнем стационарного состояния – потому что созданы для того, чтобы вечно расти! Мы всегда распускаемся, но никогда не достигаем расцвета – потому что находимся в вечном становлении и роспуске!

Истинно, истинно говорю вам: Россия – это Вечная Весна Человечества. Которая никогда не превращается в лето. Наша страна до состояния зрелости и неподвижности в чем бы то ни было не опускается. Мы одни в целом мире умудряемся вечно быть выше молодости и расцвета! Ибо молодость по сравнению с юностью – все равно что фотография по сравнению с кинофильмом.

В ответ на вопрос как бы ошарашенного европейца: Когда же наконец мы созреем до того, чтобы стать молодыми? – **МЫ**, уверенные, как никто в мире, в завтрашнем дне от ощущения искрящихся и наполняющих нас до краев

Соков,
Потоков,
Порывов,
Призывов,
Вихрей,
Потенциалов,
Желаний,

Бицепсов,
Трицепсов,
Метаний,
Мечтаний
И Прочих
Народных
Сил,

с Гордостью отвечаем:

Ни-ко-гда.

Разговор по Душам

Ивана Державного, мыслителя и литератора,
с Михаилом Евграфьевичем Салтыковым-Щедриным

Из цикла “Разговоры с покойниками”

Митрофан на все способен, потому что на все готов.
Михаил Евграфьевич Салтыков-Щедрин

Будь готов! – Всегда Готов!!
Из пионерской присяги

Важна не сама готовность, а изъяснение готовности.
Михаил Евграфьевич Салтыков-Щедрин

Готов выполнить любое задание партии и правительства.
**Ключевые слова рапорта Советских Космонавтов
после каждого успешного возвращения из Космоса на Родину**

Когда я получил приглашение явиться на встречу с вице губернатором Михаилом Евграфьевичем Салтыковым Щедриным (бумажка была скорее похожа на повестку в военкомат, чем на приглашение на ужин: куда явиться, к кому, номер комнаты, час, дата, год) я не был уверен что встреча состоится. И, как оказалось, напрасно. Точно в назначенное им время великий сатирик материализовался. А может наоборот: я явился ему? Во всяком случае то, что мы встретились можно утверждать с абсолютной и несомненной достоверностью. Сели за круглый стол. От предложенной мне рюмки водки я отказываться не стал. Мы выпили за знакомство, закусили огурчиками, и Михаил Евграфьевич начал.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: “В рассказах Глинки (композитора) занесен следующий факт. Однажды покойный литератор Кукольник, без приготовлений, «необыкновенно ясно и дельно» изложил перед Глинкой историю Литвы, и когда последний, не подозревая за автором «Торквато Тассо» столь разнообразных познаний, выразил свое удивление по этому поводу, то Кукольник отвечал: «Прикажут – завтра же буду акушером»¹.

---

¹ Слова Салтыкова Щедрина, произнесенные им в разговоре со мной, дотошный читатель может отыскать в собрании сочинений писателя, где они числятся под названием “Предисловие к роману Господа Ташкентцы”, сочинению, если говорить откровенно, довольно таки занудному и совершенно не соответствующему масштабу и уровню “Предисловия” к нему. Возможно именно из- за странного соседства текст указанного “Предисловия” неизвестен широкому читателю. Я пытался навести справки, каким образом одно из самых поразительных произведений, когда либо написанных о России, оказалось в столько странном месте и функции. Среди литературоведов ходят слухи, что помещены они были туда составителями указанного полного собрания с целью пройти цензуру и дать

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Стоп. Остановитесь, пожалуйста на секундочку, Михаил Евграфьевич! Какое потрясающее арпеджио! В самую точку попали. В десятку! Господи, да какой же вы гений! Более того: патриот. Вот она, квинтэссенция всех наших прошлых и залог будущих побед: широта наша. Да, мы широки не только географически: нам равно свойственны и широта взглядов и широта щедрости, и широта поступи и широта сердца. О, до чего же широк русский народ. Широкий, широкий, воистину широкий! Да будет вам известно, Михаил Евграфьевич, что широта – это и есть то место, которое Россия занимает в мировой цивилизации. Это я вам как человек из будущего сообщаю. По широте наших повадок в третьем тысячелетии, так же как и в предшествовавшем ему, нас узнают во всем мире еще до того, как мы предьявили визитную карточку. Мы еще только вошли в гостиницу или вагон-ресторан, еще только заказ сделали, еще к раскрытию широты по настоящему не приступили, еще даже не достали толком бумажник, а всем уже ясно: русские пришли. Выразусь еще сильнее: широта – это русская идея и есть. Впрочем, простите, что прервал величавое течение Вашей мысли. Продолжайте, пожалуйста.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Ответ этот драгоценен ибо дает меру талантливости русского человека.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Простите что опять перебиваю. Но уж больно четко замечено. Именно, именно мера нашей талантливости. Я бы даже выразился еще сильнее: широта русского человека есть мера талантливости всех вещей. Японец, например, обречен вечно вглядываться во всякую мелочь. Француз – на копание вглубь. Немец запрограммирован на дотошность. Мы же – единственные во всем мире, заметьте – последовательно и принципиально широки. Читай – созидательны. Когда русский взор всматривается во внутренность электропилы, или в микроба, или в нутро бронетранспортера, или себе подобного человека разумного - нашему взору представляются не оне, а то, что мы можем сотворить с ними со всеми. Во что их можно преобразить. К чему-нибудь новому приспособить. Использовать по еще какому-нибудь назначению. Наконец, что можно из них смастерить. И происходит это – заметьте – совершенно рефлекторно. На уровне русского самосознания. Вот почему предложенная Вами мера немеренности нашей талантливости – тезис исключительно драгоценный.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Но он еще более драгоценен в том смысле, что раскрывает некоторую тайну, свидетельствующую, что упомянутая выше талантливость находится в теснейшей зависимости от приказания. Ежели мы не изобрели похора, то это значит, что нам не было это приказано.

им возможность хотя бы раз быть напечатанными вообще. Хотя доказательств этому нет, доказательств противного я также найти не смог.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Доподлинно так: подтверждаю как будущий человек. Приказано было сделать атомную бомбу – и сделали. Приказано было полететь в космос – и полетели. И порох бы изобрели первыми, если бы князь Игорь отдал соответствующее приказание своевременно. А кто б сомневался! Потому что, согласитесь: запустить в космос Гагарина – это покруче чем порох изобрести даже вкупе с остальными великими китайскими изобретениями: фарфором, чаем и бумагой впридачу, потому что прежде, чем первый космонавт землю облетел, нам надо было сделать не меньше миллиона изобретений, открытий и рационализаторских предложений, потом состыковать их всех, нестыкуемых, друг с другом, после чего все до единого воплотить в явь. А не будь приказания – мы бы и пальцем не пошевелили. И в самом деле: ну подумайте сами: на фига нам космос? Чего мы там забыли? А поступило приказание – и полетели.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это означает, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: То есть как это мы не опередили Европу на поприще общественном и политическом? Глядя из будущего это как-то даже, знаете ли, ошарашивает: неужели в самом деле всего за пару десятилетий до великого скачка, в результате которого мы политически и социально – да да, не в чем то третьестепенном, а именно политически и социально! - обогнали всех на свете, не было ни малейшего намека на такой рывок? Да будет вам известно, Михаил Евграфьевич, что не менее семьдесят лет – начиная с 1917 года – социально мы были прогрессивнее всех. Да и сегодня в первых рядах стран-знаменосцев маячим. И именно потому, что получили жесткий приказ. Где бы мы были сегодня, кабы не он?

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Мы не виноваты. Прикажут – и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут – и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Как это сильно, как пророчески сказано. Воистину, просвещение у нас рассредоточено по всей стране. Так что белых пятен на идеологических картах нашей Великой Родины практически нет.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Куда угодно, когда угодно и все, что угодно. Литераторы ждут мания, чтоб сделаться акушерами; повивальные бабки стоят во всеоружии, чтоб по первому знаку положить начало родовспомогательной литературе. Все начеку, все готово устремиться, куда глаза глядят.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Да, да и еще раз да! Каждый из нас взаимозаменяем дабы с уходом любого на новое место, в корпусе общего судна, на котором плывем вперед, на старом месте не образовалось пробоины. Врач готов в любую минуту сделаться

слесарем, а учитель занять место водопроводчика, ассенизатора или водителя вагонетки. Наша готовность есть производное от нашей же широты и наоборот. Это своего рода – говоря языком теории функций - *е в степени х*. Вы, Михаил Евграфьевич, не дожили до того времени, когда технологии начали расти, как грибы. А знаете ли Вы, что в геноме человека девяносто процентов отдано генам регулирующим взаимоотношения между клетками и только десять процентов занимаются производством конкретных молекул? Таковы и мы с вами. Дай русскому в руки сенокосилку, телевизор и средство против комаров, он придумает десять, сто, тысячу вещей соединяющих в себе воедино указанные ипостаси. Таким образом, наша готовность есть залог технологического лидерства России в третьем тысячелетии. Это бесспорно.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Повидимому, такая всеобщая готовность должна бы произвести в обществе суматоху и толкотню. Однако ж ничего подобного не усматривается. Везде порядки, везде твердое сознание, что толкаться не велено. Но прикажите – и мы изумим мир дерзостными поступками.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Ох, Михаил Евграфович, ну вы и даете! Помню, как читая эти ваши слова впервые в 19-каком то году, будучи еще юношей я изумился: господи, о какой готовности он говорит, этот великий однофамилец? Где она привидилась ему? Да нет ее, если когда и была, сгинула в гуще наших всемирно-исторических будней и борьбы с ними. И в этот момент – в этот самый момент! я услышал – вот этими моими ушами! - сказанные кем-то слова: *“Готов выполнить любое задание партии и правительства!”* Вздрогнув и подняв очи (а кто бы не вздогнул на моем месте?) узрел я что бы вы думали? репортаж об очередном успешном возвращении нашего космического аппарата на землю. И рапорт на трибуне Мавзолея руководителям нашей Родины знаменитого космонавта – не будем тревожить его вечное имя всуе – произносившего именно в это мгновение именно эту национальную клятву.

И я понял, что это неспроста. Что то, что именно этот текст явлен именно мне именно в эту минуту есть знак свыше. И тотчас пронеслись в мозгу брошенные туда кем-то слова пионерской песни: *“Будь готов всегда во всем, будь готов ты и ночью и днем, чем скорее идем к нашей цели, тем скорее к победе придем.”* Такая вот космическая фантазмагория в одной, отдельно взятой голове. Что? Кто такой пионер? Это ребенок будущего, Михаил Евграфович. Объединенный во всесоюзную организацию. Что-что? Что такое всесоюзная организация недорослей? Ну, как вам это попроще объяснить? Примерно то же самое, что всеимперская. Вроде армии. Но состоящей из несовершеннолетних. Которые готовятся вступить в армию коммунистов, но, в отличие от регулярного контингента вместо мундира шеи повязаны красным пратком. Так ясно? И мне тоже яснее ясного. К чему же именно должен был быть готов объединенный юный гражданин? (да да, Вы это верно подметили: то, что для меня время прошедшее, для вас будущее, но мне кажется, что в сущности это одно и то же. И что наше прошлое и наше будущее смыкаются в космосе, в каких нибудь тридевятых небесах). К чему же именно – повторяю я – должен быть готов наш вечно юный

человек? Не к чему-то конкретному готов, а именно ко всему. Потому что рвануть и долбануть у нас может все что угодно в любую минуту и в любом месте, это же очевидно.

Тогда я, тогдашний, стройный и молодежавый, посмотрел в зеркало и что же увидел в нем? Сияющий на груди отраженного меня значек ГТО. Что в переводе на русский язык с современного российского означает: *готов к труду и обороне*. К какому труду? Неважно. Вообще к труду. К обороне от чего и от кого? Ответ: к обороне вообще, от всего на свете и всех на свете. И тотчас явилось мне воспоминание детства: Ванятку Державного принимают в юные ленинцы. Не гденибудь, а в музее. И не в какойнибудь Третьяковской Галерее или этнографическом, а музее самого Владимира Ильича Ленина. Мы стоим, поставленные квадратно гнезovým способом на расстоянии двух метров друг от друга – хоть стой хоть падай. И после после произнесения принимающим парад детей формулы пионерской присяги:

“Юные пионеры. К Борьбе за дело коммунистической партии будьте готовы! – Всегда готовы” – хором ответил я концовку патриотического заклинания – и потерял сознание от торжественности... К чем же именно готовыми быть призывало нас руководство Родины Матери? К полету на Марс? К открытию новых атомов? К солнечному затмению? Ни в коем случае. Мы должны быть готовы не к чему то конкретному, а ко всему сразу. Потому что в вселенскости нашей готовности сокрыта необыкновенная сверхдержавная мощь.

А может быть, дело обстоит еще шире? И наша готовность является платой за нечто еще более ценное, чем она? – помню подумал я...

Да, мы готовы. Более того: вечно готовы. К чему? А ко всему. И в этом есть одна из наших краеугольных добродетелей. Выразусь еще сильнее: готовность русского человека, гениально и прозорливо подмеченная вами, является неотъемлемой частью нашей национальной идеи.

Дорогой Михаил Евграфьевич. Смею заверить нас, что за прошедшие полтора века готовности у нас не убавилось. Мы можем даже экспортировать ее в другие страны наравне с древесиной, нефтью и местами для парковок автомобилей.

Рад доложить, что изъявление готовности и по сей день является неотъемлемой частью нашего бытия. Оно победоносно пронеслось над всеми передрыгами, в которые попадала наша великая страна, пережила дом Романовых, Ульяновых-Другашвили, коллективизацию, перестройку, построение капитализма, социализма, развитого социализма и снова капитализма...

Факт остается фактом: от момента моего первого знакомления с пророчеством Вашим до его воплощения не прошло и мгновения. В чем таится разгадка сего эйкуменистического феномена? В его ли безусловной и повсеместной распространенности на каждом отдельно взяком квадратном сантиметре земли нашей в каждую отдельно взятую микросекунду? В моей богоизбранности? Или же сие сакраментальное совпадение является прямым доказательством того, что Русь и вправду святая в том смысле что все мы постоянно находимся под наблюдением свыше, являясь своего рода полигоном для изучения пределов возможного?

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Уверенность в нашей талантливости так велика, что для нас не полагается даже никакой профессионально подготовки.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: О, как это верно! Как правильно!! Хотя высшая партийная школа, например, или краткие курсы молодого борца ни одному поводырю масс никогда не мешали. Впрочем, это не образование. Это другое.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Всякая профессия доступна нам, ибо ко всякой профессии мы от рождения вкус получили.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: И немудрено: готовность и широта позволяют нам смело браться за любое дело. И выжить.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Свобода от наук не только не мешает, но служит рекомендацией, потому что сообщает человеку будет «свежести».

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Именно так! О, как же милы нам свежие люди!! Они вроде запасного игрока, вышедшего во втором тайме, который начинает носиться по полю, как заведенный, тогда как остальные, которые уже набегались, только диву даются и завистливо удивляются, откуда в нем столько неисчерпанных сил. Воистину: свежие люди как свежие девушки с румяными щечками: одно загляденье, так бы и расцеловал в обе!

И как это вы провиденчески выразились: “букет свежести”. При приеме в театральные институты, например, профессора так и говорят абитуриентам: нам нужен чистый лист. То есть буквально цитируя вас. Им – как и нам - нужен материал совершенно девственный, над актерским мастерством которого еще никто не работал, и чем свежее тем лучше. Хотя может ли быть нечто еще более девственное, чем целомудрие, вопрос спорный. О чем это говорит? О том, что девственная незапятнанность попрежнему является для нас высшей мерой. И эта установка далеко выходит за рамки мужчины и женщины. Не случайно покорение целинных земель – при том, что распаханной земли и без того навалом – неизменно вызывало в нашей стране особый восторг.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: «Свежесть» в свою очередь, дает талантливости характер неудержимой и ни перед чем не останавливающейся похотливости.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Я тоже не раз обращал внимание на несомненную связь между талантливостью и сексуальностью. Но вы меня опередили и в этом наблюдении. Что не огорчает: значит, полтора века назад я уже был прав.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Человек, постоянно готовый и постоянно вождедеющий – это своего рода нерушимая стена.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Да; мы – стена. Более того: крепость. Нас не пробить даже если лупить из пушек прямой наводкой. Чем больше нас атакуют, тем мы крепче крепчаем.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Это развязный малый, перед которым всякая специальность немедленно сдается на капитуляцию.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Только истинный пророк мог прочувствовать будущее настолько дотошно, как Вы, Михаил Евграфьевич. Вы просто движение по овладению смежной профессией, охватившее сверхдержаву в середине прошлого века, обрисовали одним крупным мазком мастера, ни больше ни меньше. Да: у нас все со всем граничит. И все профессии смежные. Все до единой!

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Назовите рядом с «свежим человеком» какогонибудь «умника» - и всякий сразу поймет, сколько горечи и презрения слышится в этом последнем названии. «Умник!» - ведь это засоренная голова! Это человек, изнемогающий под бременем собственного бессилия! Это опасный мечтатель, способный только разрушать, а не созидать!

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Что верно то верно: никто в нашей стране не любит умников, или, говоря современным языком, узких специалистов, которые не понимают ни в чем, кроме того, в чем они разбираются. Специалист подобен флюсу – это сказал не я. Это немцы пусть узкими будут. И америкашки яйцеголовые. И японцы в синих и белых воротничках. А мы люди широкие. Наш талант состоит в умении соединять все и вся, а не уходить вглубь чего-то одного, откуда ни во что другое вовек не выбраться. Почему мы ни с кем не стыкуемся? По этой самой кардинальной причине. Мы производим исконно русские товары, которые предназначены только нашему человеку, потому что только наш человек способен их починить. Мотоцикл, который никогда не ломается, так же чужд нашей природе, как клумба, на которой даже прилечь негде.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: А мы именно хотим только созидать, и потому блюдем нашу «свежесть» паче зеницы ока.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Заверяю вас. Михаил Евграфьевич от имени будущего, что мы и по сей день свято блюдем оставленное нам наследие, благодаря которому все создаваемое в нашей стране неповторимо и уникально. В отличие, например, от сходящих с конвейеров мерседесов или тойот, неотличимых, как близнецы.

Вы хотите что то добавить? Или добавим вместе?

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Мы твердо помним, что от нас ожидается какое-то «новое слово», а для того, чтоб оно сказалось, мы не полагаем никаких других условий, кроме чистоты сердца и не вполне поврежденного ума.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Уже по одному по этому говорить и вообще общаться с русским человеком куда интереснее, чем с каким нибудь швейцарцем: от нашего никогда не знаешь, чего выдаст.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Это условие потому хорошо, что оно общедоступно, а сверх того, благодаря ему все профессии делаются безразличными. Человек, видевший в шкафу свод законов, считает себя юристом.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: И правильно делает. Мало не покажется – принцип, на котором вечно стоит российская юриспруденция. Законы нужны России только как уступка Европе. Например, отсутствие смертной казни. Вредный в наших условиях либерализм. Для террористов, например, пожизненное заключение совершенно недостаточная мера. Выход? Уничтожить на месте до сдачи в плен. Вот вам прекрасный пример творческого применения буквы закона. Россия вообще жила без законов сто пятьдесят лет (кстати, сможете догадаться какие именно сто пятьдесят? Даю три попытки) от Алексея Михайловича чуть ли не до года вашего рождения указами управляясь. И что же? Погибла? Наоборот – расширялась со скоростью Голландия в год. Вывод? Нам не нужны законы, потому что мы выше их соблюдения.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Человек, усмотревший нагую женщину, изъявляет желание быть акушером.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Истинно так. Самозванных акушеров и геникологов у нас всегда было выше крыши. Помнится, в Петербурге при закрытии указом Екатерины Великой общих бань, где мужчины и женщины мылись вместе, было сделано исключение для художников, коим посещение женских бань высочайше продолжило дозволяться. И что же? Художники тотчас сыскались в изобилии, невиданном в Санкт Петербурге ни после, ни ранее.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Все эти люди, не обремененные знаниями, которые в «свежести» почерпнут решимость для исполнения каких угодно приказаний, а в практике отыщут и средства для их осуществления.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: В нашей стране каждый готов стать Галилеем. Нам только дай точку опоры – и мы сдвинем любую землю.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Практика – это тоже своего рода божество, которое выведет их из умственного оцепенения и даст смысл их невнятному бормотанию.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Таков процесс нашего национального созидания: вроде бормочет невнятно, вроде ничего не соображает, вроде сидит на меже дурак

дураком – а придет час - встанет, расправит плечи, засучит рукава и смастерит звездолет или починит комбайн.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Там, в этой насыщенной азбучными испарениями атмосфере, среди недомолвок, справок, противоречий и колебаний, они, кроха по крохе, соберут себе сокровище гораздо более прочное, нежели то, которое могла бы дать наука. Там, на боках Петров и Иванов юрист уяснит себе понятие о мере наказаний; там финансист воочию убедится, что кредитные билеты сами хорошо знают карманы, в которых им быть надлежит. И не утратят они при этом ни единой капли «свежести», ибо при конце профессионального поприща пребудут столь же свободны от наук, как и при начале оно.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Да да, именно друг из друга а не из книг черпаем мы неисчерпаемую сокровищницу нашего хозяйствования. Именно свежесть взгляда на все на свете позволяла нашей стране всякий раз возрождаться, как Феникс, и выходить из любых наших побед живой. Ибо наши главные победы были одержаны, одерживаются и будут одерживаться над нами же.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: И надо сказать правду, еще очень недалеко то время, когда вера в силу прирожденной талантливости действительно делала чудеса. Приходил человек совершенно свежий и начинал орудовать.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: О, как это верно, как правильно. Приходил. Приходит. И приходиться будет, доколе стоит Земля Русская.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Писал законы, устанавливал порядки, и даже доводил «вверенную часть» до идеального совершенства... Где тайна этого волшебства? Очевидно, ее следует искать или в неизреченной наглости «свежих людей», или же в том, что самые «вверенные» части столь уже просты, что расступаются даже перед людьми, совсем не поврежденными науками.

Первое предположение, очевидно, не выдерживает никакой критики. Наглость, выступающая вперед только по приказанию – вещь, конечно, очень любопытная, но не настолько естественная, чтобы служить объяснением для жизненных явлений.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: А вот в этом вы, Михаил Евграфьевич, ошибаетесь. Ваша ошибка в том, что, будучи человеком девятнадцатого века, вы недооцениваете возможности наглости. Известная под именем решительности, а также удалой молодецкой, она продолжает творить волшебства ежедневно и ежечасно. Дело в том, что наша прирожденная талантливость и вера в нее одно и то же. Алексей Орлов например, ни разу в жизни не выходил в море – не только в качестве командующего флотом а кажется даже и пассажиром – и что же? – смело взял командование на себя и побил турок! Потемкин Таврический руководивший

победоносной армией присодинившей к нам Крым, никогда не указывая времени на своих приказах, такой самобытный! “*Такому то подразделению выйти туда то и соединиться с этим то, полку такому-то назначен смотр.*” Но когда? Ни слова об этом. Философ... Ибо знал, что мы, русские, выше времени. Пять минут сюда, двадцать лет туда невелика разница, все равно победим! Генералиссимус Алексашка Меньшиков, главнокомандующий победоносной российской армией, сколько помню, тоже военных академиев не кончал. Простота задач? Отдача приказаний вообще повидимому штука значительно более простая, чем исполнение оных. Богатым быть проще чем бедным, генералом – проще чем старшиной, а президентом – проще, чем рядовым гражданином. По крайней мере в России. Как человек из далекого будущего (... а может из недалекого будущего? Что для нашей истории сто пятьдесят лет? Миг! ОК, согласен внести правку и признать наше будущее недалеким. Тем более что в российской истории будущее и прошлое встречаются запросто; переплетаются, как волосы заплетенные в косу, а лучше сказать, как снятая с бабины магнитофонная лента. Хотя... вы ведь паче чаяния не знаете, что такое магнитофон? Так и быть, выражусь общедоступнее: рукопожатие через века нам с Вами совершить легче, чем сей момент через стол, или из кресла в кресло: теперь, надеюсь, понятнее? Русское время гибко, как розги; на веревке нашего времени можно повесить белье и повеситься, вести за собой народы и стада овец; а оказавшись на перепутье наших дорог, они же и бездорожья, не враз поймешь, в прошлом отмена крепостного права или в грядущем, отцарствовал уже свое Иосиф Виссарионович Грозный или еще только грясти собирается...) ... Так вот, повторяю я: Для принимающего решения решительность важнее знаний. По крайней мере в России.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Один знатный иностранец, посещавший Россию во времена Петра Великого, (представляю любителям отечественной старины догадаться, кто этот путешественник) рассказывает следующее: «Несмотря на совершенные сим государем преобразования, процесс, посредством коего управляется здешний народ, столь прост, что не требует со стороны администратора ни высокого ума, ни познаний. Я, по крайней мере, лично знал, одного наместника, который был до такой степени простодушен, что однажды откусил свой собственный палец, но и за всем тем оказывался вполне вполне удовлетворительным для выполнения тех задач, которые ему предстояли. Каждый день перед ним клали известную порцию бумаг, и ежели эта порция случайно уменьшалась, то он приметно начинал беспокоиться упрекал подчиненных в нерадении и требовал усугубленного рвения. С течением времени он до того вошел в свою роль, что сделался даже прихотливым. Заметил, что ему подают только коротенькие бумаги, и стал требовать длинных; потом и сим не удовлетворился, но велел сочинить статистику, которую, по изготовлении, подписал и отправил. Таким образом, с помощью одного очень простого приема, называемого по-здешнему подтягиванием, этот плохой и даже глупый человек прожил несколько лет и умер в звании наместника естественною смертию ».

Поверить этому рассказу очень возможно...Каким образом могли действовать эти чистосердечные люди? Каким образом могло случиться, что только естественная смерть освобождала их от тягостей лежавшего на них бремени? Что означает этот факт?

По моему мнению он может означать одно: простоту задач.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Господи, да это же прямое пророчество о Номерклатуре. Которая, как известно может только воспарять по общественной лестнице, и на землю, по которой ходит народ, на опускается вплоть до момента перемещения души на тот свет. Наше начальство вроде сказочных птиц, которым даже для выведений птенцов спускаться на землю не обязательно, потому что снесенные ими яйца летают в воздухе. Так и парят в поднебесье на гордость народу.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: От чего мы отбояриваемся, что защищаем? Очевидно, мы защищаем то вымороченное пространство, которое после приказа Петра Великого: быть всем россиянам европейцами – так и осталось невыполненным.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Потому что это было все равно что приказать жаворонку превратиться в ворону. Скорее Европа станет частью России, чем Россия частью Европы. Русский человек никогда не преобразуется в европейца. Мы слишком близки к небу для этого.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: И вот, недалеко от нас глухая стена. Сапожник начинает смутно понимать, что сколько есть на свете ног, столько же должно быть и сапогов.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: То есть как это? А массовое производство? А конвейеры? Саламадра, например, точит туфли на миллионы ног по одному шаблону и они, туфли эти, ко всем без исключения ступням очень даже недурно подходят. В двадцать первом веке дело обстоит с точностью до наоборот по отношению к тому положению, которое вызывало в вас, человеке века предшествующему технологическому, восторг: высшее мастерство состоит именно в производстве такого ботинка, который бы подходил на все ноги. А это именно и есть русский подход к делу еще со времен Юрия Долгорукого. Тем более, что никакая глобализация экономики нам не грозит. Возьми две штуки любого товара сошедшего с одного конвейера в нашей стране – каждый из них окажется неповторимым и уникальным.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Администратор, судья, финансист догадываются, что сзади их профессий есть нечто, что движется и заявляет о своей конкретности, что требует, чтоб к нему, а не его примеривали.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Как человек будущего, позволю себе вас поправить: профессии существуют для того, чтобы подстраивать их к потребностям человека, а

не наоборот. Мы самые гибкие люди на земле. Но уж если тверды в чем то, так именно в гибкости.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: В хаосе безразличия начинают выясняться отдельные образы, которые с изумлением смотрят на стену, воздвигнутую вековой русской готовностью. И вспоминается нам многострадальная история этой готовности. Вспоминается, как они, бия себя в перси, на целый мир возглашали: мы люди серые, привычные! Нас хоть на куски режь, хоть огнем пали, мы на все готовы! Вспоминается, как они суетились, разоряли, громили, жгли – и все это без ненависти, без злобы, даже без мысли. Единственно ради похотливого желания доказать, сколь талантлив может быть человек, когда знает, что его за эту талантливость не подвергнут телесному наказанию.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Что правда то правда. Ради всеобщего счастья мы готовы вечно страдать.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Эта стена, однако ж, не с неба свалилась и не из земли выросла. Мы имели свою интеллигенцию, но она заявляла лишь о готовности следовать приказаниям. Мы имели так наываемую меньшую братию, но и она тоже заявляла о готовности следовать приказаниям. Никто не предвидел, что наступит момент, когда каждому придется жить за собственный счет. И когда этот момент наступил, никто не верит глазам своим; всякий ощупывает себя словно с перепоя и, не находя ничего в запасе, кроме талантливости, кричит: «Измена! Бунт!»

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Никогда нельзя терять бдительности. А то враги и либералы такого наворотят!

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Есть три способа избавиться от глухой стены. Первый заключается в том, чтобы признать прихотливыми все требования жизни, которые почему-нибудь нам не по нутру. Эта задача очень трудная (едва ли можно отыскать человека, который дал бы уверить себя, что ощущаемые им потребности прихотливы). Другой способ (тоже не весьма надежный) заключается в том, чтобы уверить общество, что положение у глухой стены есть самое выгодное для него положение. Этот тезис еще труднее, но и его защитить не невозможно, если есть знание объекта беседы и подготовленность к принятию возражений. Опять таки знание и ум. Наконец, третий способ представляется в откровенном признании законности вновь народившихся потребностей и в приискании для них правильного исхода. Этот способ самый надежный, но тут уж просто-напросто требуется ума палата.

Какой бы из этих трех путей ни был избран, во всяком случае, талантливость играет здесь роль далеко не первостепенную. Ни предложить чтонибудь прочное, ни даже помочь обмануть – ничего она собственно силою не может. Везде на первом плане требуется знание, пример, навык. Они одни

могут дать содержание талантливости. И в некоторых случаях даже обуздать ее стремительность.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Ну, насчет того, что талантливость не может помочь обмануть, это вы, Михаил Евграфьевич, конечно же заблуждаетесь. Я бы сказал даже, что чем выше уровень цивилизации, тем шире поле для свежего человека. Время, в которое я имею честь пребывать, просто неисчерпаемый полигон для людей вертких. Шустри – не хочу! Вертись и лукавь, ловчи и радуйся. Совсем недавно присутствовал я при разговоре одного инженера с одним членом совета директоров, во время которого последний сказал с твердым ощущением своего подавляющего профессионального превосходства: «Ты умеешь только создать. А я умею продать!!!» Так что насчет того, *везде на первом плане требуется знание, пример, навык*, и только на втором или семьдесят третьем талантливость тех, кто знать не знает, что и как производится, то я бы не спешил с такими революционными заявлениями; это далеко не так, причем не только в России а во всем мире: хотим мы этого или не хотим, одобряем или не одобряем – сие есть незыблемый факт. Что же касается обуздания нашей стремительности, то, как показала История, это совершенно бесполезно, даже и пытаться не стоит.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Человек, который на одной талантливости созидает здание своего будущего благополучия, - это человек, у которого есть пламенное сердце, но в этом сердце нет ничего, кроме погадки готовности. С этой погадкой ему предстоит одно из двух: или удивить мир прелерзостью, или наполнить вселенную зловонием.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Одно без другого не бывает, Михаил Евграфович. В стране, в которой каждый второй в любую наугад выбранную минуту вглядывается в сизую даль и синие небеса, главная трудность – не вступить во время этого величественного обзора во что нибудь неподобающее эпохальности момента под ногами.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Ни измена, ни бунты, по нашему извечному обычаю, не требуют определений. Оба эти слова для каждого ясны сами по себе, то есть ясны именно в том смысле, какой тот или другой талантливый субъект желает им сообщить. С произнесением краткого и вто же время совершенно неопределенного звука приобретается и исходный пункт, и материал для наполнения всей последующей карьеры. Затем уже следуют обуздания.

А что же кроме обузданий произвела на свет наша талантливость за все время ее векового и притом вполне беспрепятственного существования?

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Эх, Михаил Евграфьевич, сразу видно что вы не деревенский человек. Если б вас хоть раз послали на уборку картофеля, и то вы б знали что, чтобы на поле выросла пшеница, надо постоянно обуздывать сорняки. На одной степной вольнице, при которой стихийно происходит произрастание

всего на свете, далеко в цивилизацию не ускачешь. Мы же не Чингиз Ханы какие нибудь, мы спутники запускаем.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Представьте себе такой случай: директор департамента призывает к себе столоначальника и говорит ему: «Любезный друг! Я желал бы, чтоб вы открыли Америку».

Я не берусь утверждать, чтоб столоначальник осмелился возразить, но он все-таки поймет, что открытие Америки совсем не его ума дело. Поэтому, всего вероятнее, он поступит так: разошлет во все места запросы, и затем постарается кончить это дело измором.

Но пускай тот же директор тому же столоначальнику скажет: «Любезный друг! Я желал бы, чтоб вы всех этих Колумбов привели к одному знаменателю!»

Вы не успеете оглянуться, как Колумбы подлинно будут обузданы, а Америка так и останетя неоткрытою.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: В том то и дело, в том то и сила нашей культуры, что призывы к открытию Америк у нас чередуются с призывами привести к общему знаменателю Колумбов. И что же? Как доказала История, производительность наших Колумбов нигде не была так высока, как в концентрационных лагерях!

Разговариворился я тут кстати как то с одним греческим бизнесменом, который хотел купить на корню пару десятков российских программистов и спрашивал у меня совета почем они. Но вслед за этим встал следующий логичный вопрос: Где их разместить? В Москве нельзя – во первых недешево, во вторых разболтаются, да и раскрадут сделанные ими задания в силу нерушимого принципа нелояльности россиянина к месту, в котором он получает зарплату. В Афинах? Ни в коем случае – говорит греческий бизнесмен. – Будут работать, как наши, греческие – толку мало от них будет, особенно летом, когда девушки приезжают и загарают.

- На остров их! – предложил я. – На Наксос какой нибудь. Или, на худой конец, Санторини.

- Хорошая идея – согласился грек. – Но только на зиму. Летому туда опять таки приезжают туристки толпами и работы не будет. Больно климат хороший.

- Ну так пусть это будет необитаемый остров.

- Очень хорошая идея. Но как изолировать место работы от моря? Уж больно климат хорош. Работы не будет. Да и со связью проблема. Разве оградить пляжи колючей проволокой, тогда да. А так – нет и еще раз нет.

- Послушайте! – воскликнул я после раздумья. И рассказал об опыте Иосифа Виссарионовича, создавшего научно исследовательские шарашки за колючей проволокой. У бизнесмена загорелись глаза. Но быстро потухли.

- Это было бы идеально – сказал он с воодушевлением. – Но в условиях современной Греции нереально. Демократия...

Ничто не способствует открытию Америк более чем обуздание Колумбов, Михаил Евграфьевич – это я вам со знанием дела заявляю.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Митрофаны не изменились. Как и во времена Фонфизина, они не хотят знать арифметики, потому что приход и расход сосчитает за них приказчик; они презирают географию потому что кучер довезет их куда будет приказано: они небрегут историей, потому что старая няжка всякий истории на сон грядущий расскажет. Одно право они упорно отстаивают – это право обуздывать, право свободно простирать руками вперед.

Митрофан на все способен, потому что на все готов.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Да да, именно на все. Это вы тонко подметили. Почему думаете, мы сокрушаемся о выезде из страны лучших умов? Не потому что хотим предложить им лучшую работу или лучшую жизнь – это было бы социально неэтично по отношению к рядовому народу – а потому, что каждый россиянин является достоянием всех остальных россиян. Выразусь еще яснее: Митрофан это народ. Интеллигент – это тупик. Да, да, Михаил Евграфьевич, мы с вами исторические тупики, как ни обидно сознавать это. Митрофан поддерживает любую традицию. А интеллигенты только и могут, что создавать новые, и как правило тщетно. Интеллигент это бесконечная цепь мутаций, тогда как народ – генетическая наследственность. Когда из рук Митрофана утекает народное добро, каковым является все остальные, он приходит в неистовство. Это понятно и закономерно.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Дайте «выжиге» рубль серебра, он заложит душу черту; дайте пять рублей – он сам сделается чертом. Ему и это сделать легко, потому что он один в целом мире знает, где найти черта и что у него просить.

Это ходячий кошмар, который прокрадывается во все закоулки жизни и умеет до такой степени прочно внедриться всюду, что, несмотря на свою безазбучность, успевает сделаться необходимым человеком и подлинным мужем совета.

И все благодаря лишь тому, что простота задач продолжает привлекать все сердца.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Да вы просто описываете элиту российского общества следующего за вашим столетия, Михаил Евграфович. Или, говоря еще более высоким штилем, слуг народа. Класса, сермяжная простота которого очевидна при первом же взгляде на физию любого его представителя. В одном категорически не согласен: что те кто сверху - наш ходячий кошмар. Они наша ходячая гордость. Чтобы убедиться в этом, достаточно включить программу новостей на любом телевизионном канале и проанализировать то, чем душа наполнится за десять минут.

МИХАИЛ ЕВГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Нам еще чудится, что надо нечто разорить, чему-то положить предел, что-то стереть с лица земли. Не полезное что-нибудь сделать, а именно только разорить. Ежели признаться по совести, то это собственно мы и разумеем, говоря о процессе созидания.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Созидание обуздательно по природе своей. Возьмите все живое. Если живые клетки готовы до умопомрачения размножаться, то головной мозг обуздывает и контролирует их. Кто более ответственен за возникновение человека: безответственно размножающееся ДНК или обуздывающий эту свободу организм? Правильный ответ: оба! Но обуздание более.

Ваше пророчество о созидательном разорении воплотилось в нашей истории в явь так дотошно, что о большем и мечтать нельзя. Да пожалуй, и некому, паки из тех, по кому это вополощение прокатилось, в живых единицы остались.

Наши отечественные обуздания созидательные. Поэтому обуздыватели в России неизменно живут лучше и дольше обуздываемых.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Митрофаны не унывают. Они продолжают думать, что карьера их только что началась и что вселенная есть ни что иное, как выморочное пространство, которое им еще долго придется наполнять своими подвигами. Каким образом могли зародиться все эти смелые надежды? где их отправный пункт? Увы! Уследить за этим не только трудно, но даже совсем невозможно.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Считаю уместным отрапортовать: мы продолжаем наполнять пространство подвигами, не успокаиваясь на достигнутых ни на минуту. Уследить же за каждым из нас действительно невозможно, не смотря на неоднократно принимаемые попытки. Не только вследствие нашей неискренности, но и как результат нашей неудержимости.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: В XVIII веке Митрофан впервые выступил на дорогу деятельности во всем блеске своей талантливости. В эту достопамятную эпоху со всех сторон сыпались на него стрелы просвещения, а он с какою-то ребяческой отвагой подставлял им свое рыхлое тело. Но в действительности он облюбывал только одну из них, а именно ту, которая называется табелью о рангах, и в ней замкнул весь смысл своего существования. Все, что стояло рядом с этой табелью, все математики, химии, механики, фортификации и проч., о насаждении которых, с железом в руках, хлопотал Петр Великий, - все это только внешним образом окатило Митрофана, оставив в его теле лишь легкий озноб. Но табель о рангах внедрилась, вошла в плоть и кровь. С этой табелью в руках, хмельной от приливов талантливости, он рыскал по долам и горам. Внося в самые глухие закоулки смелую проповедь о чиновничестве и заражая самые убогие хижины своею просветительною деятельностью. Перед немеркнущим блеском табели о рангах тускло, почти презренно светились прочие вопросы жизни, то есть все то, что составляет действительную силу страны. Жизнь осталась, охваченная со всех сторон безнадежнейшим эмпиризмом; источники воочию иссякали под игом расточительности и хищничества; стихии бесконтрольно господствовали над трудом и жизнью человека, а Митрофан ничего не замечал ни перед чем не останавливался и упорно отстаивал убеждение, что табель о рангах даст все: и славу, и богатство, и решительный голос в деле устройства судеб человечества.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Смею заверить вас: в деле развития рангов и табелей за последние сто пятьдесят лет произошли преобразования воистину революционные. Так например, если в ваше время наместником Бога на земле был Государь, то ныне им является монолит, состоящий из миллионов и миллионов ему подобных.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Известно, что ничто так не окрыляет фантазию, как отсутствие фактов.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Как это правильно сказано! Не могу не прервать Вас, чтобы подчеркнуть согласие с этой путеводной директивой.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Нет фактов – значит, есть пустое пространство, не ограниченное никакими межевыми привидениями. Поэтому, как только Митрофан вступает на почву упований, он делается смел до дерзости, необуздан до самозабвения.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: И это легко объяснимо: ведь молодецкая удаль – одна из коренных добродетелей, начертанных на скрижали завета Народа Нашего.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Никто, конечно, не спорит, что политические и общественные формы, выработанные Западной Европой, далеко не совершенны. Но здесь важна не та или другая степень несовершенства, а то, что Европа не примирилась с этим несовершенством, не покончила с процессом создания и не сложила рук, в чаянии, что счастье само свалится когда нибудь с неба. Митрофан же смотрит на это дело совершенно иначе. Заявляя о неудовлетворительности упомянутых форм, и в особенности напирая на то, что у нас они (являясь в виде заношенного чужого белья) всегда претерпевали полнейшее фиаско, он в то же время завиняет и самый процесс творчества, называет его бесплодным метанием из угла в угол, анархией, бунтом. По обыкновению, больше всего достается тут Франции, которая, как известно, выдумала две вещи: ширину взглядов и канкан. Из того числа: канкан принят Митрофаном с благодарностью, от ширины взглядов он отплеывается и доднесь со всею страстностью своей восприимчивой натуры.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Должен сознаться, что по обоим пунктам достигнутый за отчетные полтора века прогресс совершенно беспрецедентен. Ширина взглядов сегодня у нас такая, что включает в себя как минимум два противоположных ответа на всякий вопрос. Что же до восхищения канканом, то это, извините, просто инфантильность, свойственная вашему отсталому времени. По части полового вопроса мир так далеко вперед учесал, что вам и представить немислимо. Ну можете ли вы хотя бы вообразить секс по интернету или любовь с помощью телефонного кабеля? Конструктивное предложение: избрать для следующей стыковки Вас и меня какой нибудь элитный клуб. Заодно и попаримся.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: И за все тем нас ждет еще «новое слово»... но, боже мой! Сколько же есть прекрасный и вполне испытанных старых слов, которых мы даже не пытались произнести, как уже хвастливо выступаем вперед с чем-то новым, которое мы, однако ж, не можем даже определить! Есть ли расчет предпочесть неизвестное известному? и честно ли, наконец, угрожать вселенной «новым словом», когда нам самим незезызывственно, что материал для этого «нового слова» состоит исключительно из «кратких начатков» да из первых четырех правил арифметики?

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Насчет угрозы это вы верно отметили. Угроза исходит от россиян, как жар от солнца, даже тогда, когда мы по-братски целуем кого либо. Полагаю, что в наших объятьях европеец чувствует себя примерно так же, как если бы его лобызал бенгальский тигр или сжимал сибирский удав. Причем испуг этот реффлекторен и происходит совершенно независимо от наших телодвижений и слов, которыми они сопровождаются. Отчетливо помню, как еще в советские времена сидевший рядом со мной на митинге солидарности с кем-то австралиец услышав слова: КОММУНИЗМ НЕИЗБЕЖЕН всякий раз испуганно вздрагивал.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Где ж элемент будущего, вот вопрос.

У нас есть опыты крестьянского самоуправления... погодите! еще время не ушло!

- Погодите, не торопитесь! Куда спешить! – в один голос вопиют все Митрофаны, и вопиют так громко, что посторонний человек останавливается в каком-то странном недоумении. С одной стороны, судя по непрерывности предостерегающих криков, ему кажется, что в сей пространной веси происходит либеральное столпотворение; с другой стороны, он видит, ясно видит, что вся поспешность здесь заключается в том, чтобы не спешить.

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Вот именно: мы поспешаем неспешно, елико нам спешить некуда. Да и неоткуда.

МИХАИЛ ЕВРГРАФЬЕВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: Молчание – вот единственный ясный результат, который покуда выработала наша так называемая талантливость. Затем, в ожидании того таинственного «нового слова», которому предстоит обновить мир, все-таки остается во всей своей неприкосновенности очень серьезный вопрос:

Где ж элементы будущего?

ИВАН ДЕРЖАВНЫЙ: Как где? Да вот оно. Я например. Зримый пример будущего. Можете даже потрогать, чтобы убедиться воочию. Хотя я так до конца и не понял, кто из нас сегодня явился: вы мне или я вам?

Где элементы будущего, спрашиваете? Да все вышперечисленное и является нашим будущим. И не элементом, не атомом, не элементарной частицей, и

даже не водородом из которого состоит подавляющее большинство вселенной, а будущим во всей его полноте. Наша готовность неистребима. Наша стремительность неукротима. Наше мгновение вечно. Наша талантливость всеобъемлюща.

Постойте. Куда же вы?

Михаил Евграфьевич смотрел на меня и одновременно сквозь меня – и вдруг начал исчезать. Удаляться в какое то бесконечное далеко, не двигаясь с места. И только блеск его глаз, его незабываемых синих глаз продолжал сверкать в воздухе даже после их полного исчезновения.

ИМПЕРИЯ СМЕЛОСТИ

Хочу быть храбрым! хочу быть смелым!
Константин Бальмонт

Где ж ты, удал молодецкая?
Богатырский клич

НЕБЫТИЕ И СОЗНАНИЕ

Говоря, что бытие определяет сознание, классики ошибались.

СОЗНАНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ НЕБЫТИЕ

По крайней мере в России.

Примат идеи над материей, слова над делом, небытия над бытием и компетентных органов над органами чувств в нашей суперстране очевиден на каждом шагу, куда ни ткни, ни глянь и ни вступи. Мертвые души поражали воображение современников Гоголя – но не нас, осчастлививших третье тысячелетие своим присутствием в нем, ибо души эти расплодились в каждом учреждении, как привидения. Каждый россиянин входит в состояние андерсоновской Тени и выходит из него не реже чем раз в месяц – причем без малейшего затруднения. Поручики Кижы, существующие только на бумаге, давно объединились в полки и дивизии и победоносно проходят по полям сражений и трудовых полигонов, держа равнение на грудь четвертого человека и чеканя несуществующий шаг. Зато и наоборот: если тебе положено не существовать – то доказать, что ты есмь, превыше сил человеческих.

Истинно, истинно говорю вам: небытие определяет сознание. Мы, которым доверено контролировать превращение небытия в бытие и обратно, сидя на командных пунктах и держа палец на красных кнопках – Боги Земли Нашей.

НЕНАВИСТЬ К СЛОВАМ

Если бы какой-нибудь докучливый европеец попросил меня объяснить ему различие между Европейской и Русской культурами, стоя на одной ноге, то есть не более чем за десять секунд, как некогда попросили в той же неустойчивой позиции объяснить содержание Библии одного мудреца (и он, как известно, ответил: *не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтобы сделали тебе*, с двойным, кстати сказать отрицанием, которое в России тоже далеко не то же, что на Западе, ибо на прежнем месте утверждение не возвращает) то я бы сказал (и честное пионерское, встал на одну ножку, как при игре в классики; а вы засекайте время):

В России начиная с 37 года и по сей день в разное время самыми ненавистными (перечисляю в порядке приближения во времени):

Милосердие
Идеализм
Демократ
Либерал

- были именно те слова, которые в Европе больше всего ценят и за которые готовы сражаться на баррикадах.

Можете останавливать секундомер. Ну, как? В норматив уложился?

Как видите, мы умеем быть лаконичными. А если какому-нибудь оголтелому европейцу непонятно, как такое возможно, пусть спросят любого первого попавшегося навстречу русского. Люди молодые объяснят причину ненависти народа к одному-двум словам из списка – в зависимости от возраста. Люди постарше припомнят причину ненависти к каждому жупелу из сей ненавистной (если смотреть из России) или великолепной (если смотреть из Европы) четверки и с удовольствием разьясят их инопланетянам с Запада. Не исключено, что во время этого ликбеза с губ патриархов, прошедших через все, не будет сходить ностальгическая улыбка. Дескать, были когда-то и мы русаками, ими и остаемся. Знай наших, Европа!

СТРАХА НЕ ЗНАЮЩИЕ

“Все громче музыка атаки”
Булат Окуджава

Когда я смотрю на прекрасные лица депутатов Думы и сенаторов, министров и бизнесменов, всех тех, кто принадлежит славной когорте «Шестисотых» (ибо ныне породу меряют по лошадиным силам, как некогда по лошадям), я наполняюсь гордостью за нашу страну, как воздушный шар гелием. Такие решительные мужчины просто не могут не нравиться! Достаточно сказать, что они достойно представляют нашу Родину даже молча.

Что объединяет членов клуба «*Шестисотый Мерс*»? Что общего между прокурором и подследственным, бизнесменом и вором в законе, налоговой инспекцией и олигархом, кроме марки автомобиля? Отвечаю: отсутствие страха. Когда видишь – на экране или наяву – схватки титанов в шестисотых, у шестисотых и за шестисотыми, с применением гранатометов и мин, автоматов и карате, или между депутатами Думы из того же клуба с применением стаканов с жидкостью и кулаков с дыню, можно только радоваться за праздничность их будней, которые отбрасывают яркий отблеск на всю страну.

И ведь что характерно: прекрасны только атакующие! Только они привлекают внимание и вызывают симпатию. Никто не помнит того, кому в лицо с высокой трибуны было выплеснуто содержимое стакана. Но все помнят, кто это сделал, и с нетерпением ждут от всенародного любимца новых аттракционов!

Много лет не мог я найти в мире животных достойного млекопитающего, пернатого, рыбы или насекомого, изображение которого не стыдно было бы поместить на герб *Ордена Новых Русских*, не умаляя его

достоинства. Долгие годы не мог сделать я свой выбор. Разумеется, каждый из повелителей повелителей мира в какой-то мере напоминет того или иного хищника: одни нападают бесшумно, как пантеры; другие обнаруживают жертву по запаху ее крови, как акулы; третьи подобны львицам: охотятся командно, а бросаются поодиночке – до нападения всем прайдом эти не опускаются; четвертые - кидаются на жертву всей стаей сразу, как шакалы; пятые, подобно орлам, падают на ничего не подозревающую жертву с неба; шестые, как муравьи, помаленечку доят тлей, да так деликатно, что и к хищникам-то их, тихарей, вроде даже причислить нельзя – придраться не к чему, всего лишь эксплуататоры, не более; седьмые, как пауки, обнаруживают себя не раньше, чем жертва окончательно запутается в их паутине и станет беспомощной, восьмые... семнадцатые...сто восемьдесят девятые...

Но все это было не то. Ибо характеризовало только индивидуальных владык владык а не популяцию в целом. Так бы, возможно, и провел я остаток жизни в бесплодных поисках, если бы случайно не узнал от биологов, что известные горные животные, имеющие рога (не будем называть их по имени для политкорректности), не имеют гормона страха. Ну, нет у них такого гормона! Оказывается, именно отсутствие этого присутствия позволяет рогатым красавцам горделиво стоять на краю отвесной скалы, как будто риск сорваться в пропасть и разбиться насмерть на них не распространяется; скакать по скалам, вызывая зависть и восхищение тех, кому посчастливилось увидеть на фоне неба их грациозные пируэты; стыкаться с соперником так яростно, что искры из рогов сыплются, – но головы при этом остаются целы и невредимы... Отсутствие одного единственного гормона - ! - делает повадки этих копытных такими божественными, что ими невозможно не залюбоваться. То, что стадо сих братьев наших меньших, не раздумывая, бросается с обрыва, если вожак прыгнул с него первым, устраняет последние сомнения в том, что этот горделивый отряд не знающих страха является тотемным побратимом и сакральным символом лучших из лучших из нас.

ЗОЛОТОЕ ДНО ОБЩЕСТВА

Воистину свалка – золотое дно нашего общества! Ничто не стоит у нас так дорого и не ценится так дешево, как то, что объявлено несуществующим. Списанные, как ветошь, костюмы тоннами экспортируются, редкоземельные металлы металлоломируются эшелонами, а якобы проржавевшие линкоры сдаются на вес, уплывая из территориальных вод с полным вооружением (последнее служит неопровержимым доказательством неисчерпаемости наших военных недр).

А какой жизнеутверждающей свалкой являются архивы! Надежда на то, что где-нибудь в закромах министерства культуры или подвалах НКВД до сих пор хранятся рукописи Мандельштама и Бабея, Цветаевой и Гумилева являются залогом нашей уверенности в том, что рукописи не горят.

Самой же окрыляющей и надеждоёмкой из наших свалкок была, есть и остается, конечно же, не та, на которую выбрасывают отходы, а та, на которую выбрасывают отработанный материал. Поодиночке и парами. Рядами и колоннами. Семьями и поколениями.

Не было еще у нас поколения, которое коллективно не предавали бы хотя бы анафеме. И это закономерно. Идею первородного греха придумал не я.

Мы оптимисты. Мечту о двух непоротых поколениях мы вечно лелеем.

МОНУМЕНТ ПРОШЛОМУ

Второму Пришествию Памятника Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому
на его исконное место посвящается

Говорят, дескать, коммунисты виноваты перед всем миром. Говорят, Сталин сгноил в концентрационных лагерях больше россиян, чем убил Гитлер. Говорят: Советский Союз поработил больше народов, чем Навуходоносор. Говорят: покайтесь, русские, вам же на пользу пойдет.

На это мы гордо отвечаем: “Тьфу на вас!

Нам каяться не в чем.

Немцы, вона, покаялись в преступлениях гитлеровцев – и что они с этого получили?

Самое большее, на что мы можем пойти в наших уступках – это простить наших жертв.

“А на большее, - как поется в песне, - ты не рассчитывай”, мировое сообщество.

ТАНЦЫ ПОД ОБСТРЕЛОМ ТАНЦЫ ПОД ОБСТРЕЛОМ

Нигде в мире смелость не ведет к успеху и власти так прямо, как у нас. Придешь в Америке в какую-нибудь фирму, посмотришь на яйцеголовых менеджеров и директоров – со скуки помереть можно от их одинаково постных рож. Не то на наших бескрайних просторах: ни один интеллигент не стал еще начальником в России только за свои знания, никто не разбогател из-за своей квалификации, никто не построил палаты каменные трудами праведными. Наша страна – планета удальцов. Такой поднапрет, извернется, глядишь – а он уже наверху, выше колен в небесах растворяется, по облакам ходит, только подошвы сапог мелькают.

Смелость в России является не только этической и социальной, но и эстетической категорией. Десятки лет люди, услышав что-либо актуальное со сцены или из репродуктора, шептали: смело! И раздражались овацией.

Многие поколения россиян были воспитаны с таким расчетом, чтобы понимать намек лучше, чем сказанное напрямик, и читать между строк быстрее, чем сами строки. Если мы слышали со сцены то, что сами произнести боялись, у нас происходило какое-то переключение в голове. Мы приходили в неистовство, мы начинали безудержно смеяться и ликовать, как никто в мире. Этот процесс переключения со страха за себя на удивление от смелости другого и назывался у нас эстетическим наслаждением.

Рад доложить: описанная выше эстетика развитого социализма ушла в небытие, которое определяет сознание навсегда.

Представьте себе солдата, который танцует под обстрелом. Этот храбрец научился уклоняться от пуль и одновременно выделять кренделя. У тех, кто сидит в окопе, искусство воина одновременно исполнять пируэты и оставаться невредимым вызывает восторг; кто-кто, а они знают цену риску и смелости. Только они, собравшись по оружию, могут по достоинству оценить каждое движение солдата, а после его выхода, так сказать, за кулисы, они, знатоки жанра, наградят лихого однополчанина за каждый прыжок бурей аплодисментов и выстрелов.

Но вообразим себе, что те же самые кренделя мы смотрим не из окопа, а из зрительного зала, в котором мы коротаем время за поеданием мороженого и обниманием ближнего. Допустим еще смелее: что зрителям забыли сообщить, что пляска на экране происходит во время боя. Что ж: в таком случае мы будем оценивать движения как таковые, без скидок на риск. У такого неподготовленного зала танец под обстрелом, несомненно, будет вызывать удивление. Движения танцора покажутся зрителю вычурными и неоправданными, хореография - надуманной. А если даже нам, обнимающим ближнего и облизывающим сухофрукт, объяснят, с какими трудностями был сопряжен танец, мы пожмем плечами (хотя бы мысленно, но пожмем) и скажем (или по крайней мере подумаем): Nu i chto?

Мораль сей басни: имеют ли наши упражнения в смелости какой-либо смысл для тех, кто никогда не жил под обстрелом? И даже для, образно говоря, фронтовиков, которые бывали на, так сказать, фронте, но под другим обстрелом, например, вместо как бы шрапнели их била тяжелая артиллерия, или как бы вирусы нападали, или, так сказать, саранча...

А может быть, мы, россияне, есмь порода людей, которая духовно не скрещивается ни с какой другой, и наше искусство, история и страсти существуют только для нас? Неужели Россию не только не понять, но и не почувствовать, сестренки и братцы? Неужели действительно Земля состоит из двух планет: Россия – и все остальное?

Ответа у меня нет. Есть только вопрос, висящий в воздухе, как топор в прокуренной комнате.

ИМПЕРИЯ СМЕЛЫХ

Кто смел, тот и съел
Русская народная мудрость

Наша страна испокон века была, есть и будет державой смелых! Которые сильнее страха, властно пронзающего общество по вертикали сверху донизу и цементирующего его с севера на юг и с запада на восток.

Его Величество Страх есть тот цемент, который удерживает Республику Страсти от того, чтобы она распалась на отдельных людей, как Вавилонская башня на кирпичи. Страх превращает нас в народ, как охлаждение превращает вечно

текущую воду в вечно застывший лед. Страх-чудотворец надевает на преступника смирительную рубашку, на хама - намордник, на Дон Жуана - презерватив и на вора - узду. Страх вставляет в рот правдолюбцу кляп. Страх слепляет индивидуумов в единое целое.

Люди здесь серьезны от страха, но страх же делает их и весьма учтивыми. Я никогда не видел, чтобы множество людей, причем из всех классов общества, так уважительно обходились друг с другом. Кучер с облучка дрожек неизменно приветствует своего товарища, а тот, проезжая мимо, не преминет ответить поклоном на поклон. Грузчик приветствует маляра, и все остальные ведут себя так же. Шляпа и палка – крайне значимые в России предметы. Кто это написал? Нипочем не догадаетесь. То же самый ДеКюстин, которого трудно заподозрить в лести нашей стране. Насчет учтивости кучеров – это мы воспринимаем со вздохом. И с удивлением узнаем, что снятие шляпы было у нас зримым фактором общественного согласия. На моей памяти учтивых кучеров не было, как, впрочем, и самих кучеров. Уменьшение учтивости за истекшие полтора века, несомненно, связано с уменьшением роли второго (по наблюдению Кюстина) значимого предмета в России: палки. В качестве орудия воспитания она давно отступила перед браунингом и автоматом Калашникова. Результат: учтивость на душу населения в обществе резко уменьшилась, так как испытывшие на себе пулю вместо порки не имеют шанса продемонстрировать положительный результат этого воспитания. Технический прогресс неизбежно ведет к одичанию нравов. И наоборот: абсолютизм – отец аристократических манер.

Страх в России есть мировая константа. На смену страху быть расстрелянным приходит страх оказаться без отопления и электричества. Едва исчез страх перед рекетирами пришел страх перед людьми в масках. Это вам не карнавал в Рио, это покруче: никто, кроме господ Бога, не может отличить бандита в натянутой на лицо лыжной шапочке от того, кто его ловит.

Самое большее, на что может рассчитывать в России чернь, – это чтобы мы оставили ее в покое. Мир никогда не будет принадлежать интеллигентам, для которых надпись «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» - непреодолимый редут.

Вот классический анекдот, из которого психологическая пропасть, разделяющая власть имущих и быдло по признаку смелости, видна, как на ладони.

- К вам можно? – Нельзя. - А почему другие идут? - А они не спрашивают.

В нашей стране мутанты, страха не знающие, на которых, так сказать, надет бронжилет бесстрашия, обречены побеждать. Завидев их молодецкие щеки, редкая девушка не залюбуется ими.

ВОРОНА И ОРЕЛ

Не басня

В зоопарке на клетке, на которой было написано ОРЕЛ, я неожиданно увидел ворону. И только потом зажавшегося в угол орла. Сначала я подумал, что ворону эту подбросили орлу на обед. Потом – что ворона и орел - друзья детства и

живут вместе с младенчества, будучи товарищами по классу пернатых вопреки природе, как это бывает на площадках молодняка. Какой-то невежда предположил, что когда-то ворона эта исполняла роль матери осиротевшему орленку-сироте, да так и пошло. Хотя орлов, разумеется, не кормят ни грудью, ни соской, и орел не кукушка.

Оказалось однако, что ни то, ни другое, ни третье. Оказалось, что, во-первых, ворону никто в клетку не помещал, она сама пробралась между прутьями и совершенно свободно входила в клетку и выходила из нее – на зависть орлу. И во-вторых – и это самое поразительное – ворона ничуть не боялась орла. Более того, вела она себя в клетке предельно нагло, как хозяйка: улучив момент, бесцеремонная птица, не признающая табель о рангах, выхватила из хвоста орла перо и, пока разъяренный царь птиц разворачивался, шустрячка успела обежать вокруг него и выхватить другое перо!

Разумеется, на свободе орел свернул бы голову вороне в мгновение ока. Но в клетке царем птиц стала ворона. А орел был низведен до роли униженного и оскорбленного диссидента.

В чем причина этого противоестественного парадокса? Она проста. В клетке, в которую его посадил человек, орел не может расправить крылья. И ему негде летать.

Эта история навела меня на глубокие размышления. О том, что клетка для сильного – рай для слабого. Что даже орел, если его лишить возможности летать и поместить в клетку на радость почтеннейшей публики, может быть унижен вороной. Что никакой видимой цели кроме демонстрации своего превосходства, орлу в нахождении вороны в орлиной клетке усмотреть невозможно. И наконец: если правильно ограничить свободу, то царем (птиц, людей, инфузорий) может стать кто угодно.

КРАСОТА ТАЙНЫ

Николай Гумилев, великий русский поэт – всего лишь поэт, не прозаик, не патриот и не государственный деятель – одно из своих самых прославленных стихотворений закончил словами: ТАЙНА НЕКРАСИВА. Которые, как заклинание, следом на них повторяют демократы и их приспешники. О, до чего же он неправ, до чего близорук. Насколько же этот Николай Неугодник, ослепленный гуманизмом, эстетикой и милосердием, далек от понимания красоты тайны. Насколько ж он – человек не бездарный но бесконечно далекий от нового времени, кое, как ящик пандорры, открылось с приходом Великого Октября, был слеп. Потому что на якобы гениальных глазах были очки, ослепляющие всех, кто безропотно и догматически следует десяти заповедям. Тайна – это одно из самых великих и восхитительных изобретений человека с тех пор, как он, произойдя от обезьяны, слез с дерева – и по сей день. Мир тайн так же всеобъемлющ и бесконечен, как мир. Стоит лишь погрузиться в него – и все эти Пушкины, Шекспиры, Эйнштейны и Ньютоны иже с ними кажутся ну просто детьми. Бездари и недотепы. Которые, если их всего лишь на десять минут подвесить за ноги, или

наступить на член сапогом, или загнать иголки под ногти, переметнутся куда угодно. Мир тайн – это самая прекрасная красота, которую создало человечество от самого своего основания. Его чарующую лепоту не понять тем, кто в него не погружен с потрохами, кто как говорится ненаш человек. То что для нас – восхождение, для гуманистов и демократов – спускание в преисподнюю. И наоборот: такая вот относительность перед лицом пистолета, такой вот марксистско-ленинский ванька-встанька. Но НАМ то что за дело до этого! Ведь настоящее и будущее – за нами, а не за поэтическими субъектами.

Что же до Гумилева, мне его даже жаль. Небездарный поэтишка. Да и Анну Ахматову завоевал и кажется даже овладел ею – одно это, казалось бы, уже гарантирует место в иконостасе. Но нет! Не понял он, недалекий, за кем будущее и настоящее. Записался б в чекисты – никто б Николашу не расстрелял, а напротив: сам бы расстреливал. Становясь богом для тех, на кого направлено дуло. Жил бы и жил. Прославляя империю тайны и ее высшее проявление: ЧК-ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-МВД-КГБ-ФСБ. Но а с идеями вроде ТАЙНА НЕКРАСИВА – конечно, в новом мире Гумилеву было одно место: в канаве с пулей в затылке. Что с него взять: человек прошлого. Или что то же самое, небытия. В которое его и отправили.

ГОРЕ ПОСТРАДАВШИМ

“Ты виноват уж тем, что хочется мне”

Крылов

Самая склочная категория граждан в нашей стране – пострадавшие. В отличие от палачей, которые в целом люди с позитивным жизненным настроем, поддерживающие существующую власть, ибо они, как и Власть, от Бога, – жертвы вечно недовольны происходящим. Они имеют сутяжную тенденцию писать во все инстанции и пытаться добиться оправдания даже спустя много лет после того, как их выпустили из мест заключения, отобрали квартиру, выслали из страны и вообще наказали. Неприятные люди! Для общества было бы определенно лучше, если бы оно было последовательно до конца и отправляло всех без исключения пострадавших на тот свет.

Насколько же выше и благороднее жертв мы, хозяева жизни, принимающие решения. Мы не склочники и не сутяги. Если пострадал – значит виновен: неужели не ясно?

В чем именно виновен? Да хотя бы в том, что ты пострадал. За это одно уже полагается срок.

В 1839 года маркиз ДеКюстин писал: *Россия – страна, где беда покрывает незаслуженным позором всех, кого постигает.* Ах, ты господи, какие мы гневные! Да с чего же вы взяли, маркиз, что позор попавших в беду не заслужен ими? Неужели вы забыли о первородном грехе, и что, стало быть, каждый человек виновен уже самим фактом своего появления на свет? Но даже отвлекаясь от теологических глубин, а в чисто прагматической сфере: неспособность карательных органов найти преступника идет во вред обществу – с этим, надеюсь,

мы с вами согласны. И наоборот: если преступник найден – общество морально удовлетворено. Отсюда краеугольный принцип нашего неписаного правосудия: каждый арестованный на примере собственной жизни должен способствовать увеличению уверенности народа в неотвратимости наказания. Осужденные же, как правило, оказываются недостаточно сознательными. Они понимают и признают, что искусство управления государством требует жертв. Но как только этими жертвами становятся они сами, начинают возмущаться и писать апелляции. Неприятные люди!

За семьдесят лет с 1917 по 1987 компетентные органы в нашей стране не ошибались ни разу. Каждый арестованный был виновен. Сомнение в нашей непогрешимости являлось верным признаком ненашего человека, и за него одно уже полагалась высшая мера. Вопрос: за что тебя арестовали? – являлся главным, который задавал следователь. И допрашивал: день за днем, месяц за месяцем, не прекращая упорно работать на благо общества ни на минуту до тех пор, пока не получал четкий ответ на него.

После одна тысяча девяносто первого года в стране все изменилось. Правосудие стало даже гуманнее, чем могли мечтать самые оголтелые гуманисты. Теперь по желанию клиента можно не только закрыть уголовное дело, но и открыть его. Так что непонятно, на что вообще пострадавшие могут жаловаться. А они все кланчат и кланчат у нас, чтобы их справедливость восторжествовала над нашей. Неприятные люди.

Самое большее, о чем может мечтать пострадавший – быть реабилитированным. То есть получить согласие общества забыть то зло, которое оно причинило ему. О том, чтобы пострадавший отомстил тем, из-за кого он пострадал, ему нельзя даже мечтать. Может ли мечтать заяц отомстить волку? Может ли курица строить хитроумные планы, как отомстить лисе? Если живы остались – это уже необычайное везение и предел мечтаний.

Сколько раз мы предлагали нашим жертвам руку дружбы! Сколько раз предлагали им достигнуть с нами общественного консенсуса! Сколько раз предлагали забыть зло, которое мы им причинили! А они - ни в какую. Такие злопамятные!

Истинно, истинно говорю вам:

Горе пострадавшим. Они вечно виноваты – уж тем одним, что были осуждены.

ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ

“Adieu, adieu! Hamlet, remember me”
Напутствие духа отцу сыну

ПАРОВОЗ ВРЕМЕНИ

Воспоминание детства. Отправляется поезд. Паровоз пыхтит, не двигаясь с места, так что пар его застыл в воздухе. Все ждут гудка. Все прощаются, обнимая друг друга, целуясь, напутствуя. Наконец дают зеленый свет. Чувства достигает апогея, клубятся, носятся в воздухе, как тополиный пух в сухой. Строгое предупреждение из репродуктора: провожающие, выйдите из вагонов. Слезы, крики радости, последние напутствия; поцелуи – поспешные, бесконечные. Поезд трогается и – я смотрю на кончики пальцев влюбленных – она на подножке, он на перроне – или наоборот? – два пальца нехотя отрываются друг от друга, только потому что одного из них увозит поезд. Для пальцев неважно, кто остается и кто уезжает. Для пальцев существует только пространство между ними. Для пальцев все что больше нуля – бесконечность, все расстояния между ними равны. Не равно только отсутствие расстояния, когда они чувствуют друг друга, когда со-при-ка-са-ю-тся. Для расстающихся пальцев земля такой же поезд, как и тот, во главе которого пыхтит паровоз, не лучше и не хуже. И вот: пальцы неотвратимо разъединяются, как бы под фугу Баха, достигают той стадии некасания, которая увековечена на потолке Сикстинской капеллы между Адамом и Родившим Его, но которую почему то никто не трактует, как предвкушение удаления. Разъединяются и – разъезжаются. Звуки в пространстве пара становятся все резче, все обрывистее,

как многоточия, падающие с небес вместо манны небесной. Поезд трогается и – ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ.

Немая сцена. Все в недоумении. После чего в воздух взлетают возгласы, восклицания, улыбки, картузы. Еще бы! Есть еще несколько подаренных секунд сказать самое главное, что не успели. Все быстро-быстро говорят что-то, торопливо прискасаются друг к другу, как пальцы. Впрочем, и пальцы тоже. Все быстро-быстро о чем то машут. И поезд опять трогается. А я, мальчик в заячьей шапке навыворот, опять замороженно наблюдаю чудо удаляющихся друг от друга рук. Кто-то изнутри рисует на стекле пальцем по пыли последний иероглиф. А с платформы заранее кричат им: не понимаю, дескать, пиши еще раз. Куда там! Поезд не стоит на месте, поезд идет. Все быстрее и быстрее. Идет, идет, и – опять останавливается. И стоит еще двадцать восемь минут.

Надо было видеть, как изменялись лица провожающих и уезжающих. Как мрачнели они, глядя друг на друга, какая ненависть пылала в их взглядах на зеленый сигнал. С каким нетерпением ждали они, когда же кончится эта мука. И когда поезд все-таки поехал, в воздух не летели ни картузы, ни чепчики. Даже руки влюбленных не расставались более. Они заранее были уже где то далеко-далеко друг от друга, и каждая сама по себе.

РИСТАЛИЦЕ

Из Цикла “Поединки с Покойниками”

Наш народ интересуется мнением о себе иностранцев, как никакой другой. Это является естественным следствием того, что в сверхдержаве, со всех сторон окруженной от остальной суши нейтральной полосой, по которой непрерывно идет убивающий нарушителя наповал ток высокого политического напряжения, мы, властители правды, являемся богами. В нашей зоне мы неудержимы. Что хотим, то и делаем! Наш атом водорода самый тяжелый. Наша луна светит на пятнадцать процентов ярче, чем американская. Но едва мы вступаем в контакт с инопланетянами, живущими во Вселенной, на которую наше Русское Поле не распространяется, возникают проблемы. Надо признать: редкие дискуссии с представителями ненашего разума с глазу на глаз и тет-на-тет, как, например, с Маргарет Тэтчер, ни разу не кончились победой-нокаутом. Лучшие стратеги идеологического фронта так и не смогли справиться с железной дамочкой. В первый вечер у телевизора на глазах у всей страны трое мужиков-журналистов беспомощно перебивали госпожу премьер-министершу на каждом слове. В следующий раз напротив железной женщины был посажен самый изворотливый кит нашей идеологии. Отличающийся недюжинной сметкой, Наш Человек изобрел гениальный прием, как одержать победу в свободной дискуссии с англоязычницей: он воспользовался преимуществом своего поля в том смысле, что сидящий перед телевизорами народ понимал только русскую часть диалога, в то время как госпожа министерша, естественно, только английскую. После каждой реплики железной леди, закаленной, как сталь, наш лучший ум, отвернувшись от премьер-леди к

камере, скороговоркой (которая переводчика как бы и не касалась) подводил идейный итог ее безыдейным репликам и немедленно задавал новый вопрос. И что же? На первой же скороговорочке женщина из металла нахмурила брови, соображая, что к чему, а уже на второй – стала толковать комментарии нашего главного умницы, прежде чем приступить к ответу на следующий подвох. Результат? Тот же. О котором не хочется вспоминать.

Таким образом, бросаемый мною вызов самому одиозному нашему оппоненту вступить в словесный поединок один на один со мной является событием, не знающим прецедента. По отчаянности моей смелости он может быть сравним разве что с подвигом Самсона, вышедшего на оголтелого льва вооруженным лишь своими голыми руками, да еще с первой поездкой наших хоккеистов, ведомых Всеволодом Бобровым, на матчи с канадскими профессионалами, которых мы, кстати сказать, тоже разделали в пух и в прах. Прецеденты вселяют надежду. А кроме того: где наша не пропадала? Нигде наша не пропадала! А там где наша не пропадала, там она не пропадет!!! – таков вечный боевой клич русских богатырей.

Как оптимист и гуманист, считаю своим гражданским долгом дать отпор каждому злопыханию маркиза ДеКюстина, чего бы мне этого не стоило. Не поминайте лихом и другими неуместными восклицаниями. Мое последнее желание таково: если из рыцарского поединка я выйду не со щитом, а на щите, прошу считать меня патриотом.

***

Итак:

Поединок Ивана Салтыкова, русского литератора,

с духом маркиза Астольфа де Кюстина, француза

Маркиз ДеКюстин (“М. ДеКю.”): Человек здесь лишен свободы и превращен в деньги; он приносит своему барину, почитаемому свободным оттого, что он владеет рабам, около десяти рублей в год.

Я (“И. ДЕРЖ.”): Ценное историческое свидетельство. Оно неопровержимо доказывает, что количество гуманизма в России постоянно. Господа двадцать первого века в валовом исчислении столь же гуманны, как господа девятнадцатого:

нынешние, хоть и с перебоями, но все-таки платят дворовым зарплату; тогдашние же, в отличие от нынешних, регулярно кормили их и постоянно держали в тепле.

М. ДеКю.: Российские политические порядки не выдержали бы двадцати лет свободных сношений между Россией и Западной Европой.

И. ДЕРЖ.: А экономика Запада не выдержала и трех лет свободного общения с нашими бизнесменами!

М. ДеКю.: Или цивилизованным мир не позже, чем через пять десятков лет вновь покорится варварам, или в России свершится революция куда более страшная, чем та, последствия которой до сих пор ощущает европейский Запад.

И. ДЕРЖ.: Ловлю Вас на ошибке господин ДеКюстин! В своем “пророчестве” вы ошиблись на целых двадцать восемь лет!

М. ДеКю.: У русских есть названия для всех вещей, но нет самих вещей.

И. ДЕРЖ.: Еще одно достойное доверия свидетельство, что наша страна – сказочная и что все происходящее в ней – либо мираж, либо притча.

М. ДеКю.: Здесь вообще никто не произносит ни единого слова о предметах, могущих заинтересовать кого бы то ни было.

И. ДЕРЖ.: Российская школа красноречия, маркиз, заключается в том, чтобы понимать не то, что тебе говорят, а то, что тебе не говорят. Да будет вам известно, что о том, что всех интересует, русский народ красноречиво молчит. В нашей ни на какую другую непохожую стране решающие дискуссии происходят без слов.

М. ДеКю.: Российская империя – это лагерная дисциплина вместо государственного устройства, это осадное положение, возведенное в ранг нормального состояния общества.

И. ДЕРЖ.: Русскому народу нужен порядок, идущий сверху, чтобы хоть как-то уравновесить его отсутствие, идущее снизу. Это истина с грифом секретности, о которой не принято говорить на пресс-конференциях.

М. ДеКю.: По их понятиям, быть цивилизованным – значит, быть покорным.

И. ДЕРЖ.: Посмотрел бы я как бы ты запел, если бы тебе прописали исправительного Берлага лет этак на двадцать пять, или даже всего лишь в штрафбат отправили на пару недель. Ты бы стал первым певцом покорности, как основы цивилизованного существования – готов поспорить на что угодно.

М. ДеКю.: У них два выражения лица: я говорю не о слугах – у слуг лица всегда одинаковые, - но о господах; когда они едут в Европу, вид у них веселый, свободный, довольный; они похожи на вырвавшихся из загон лошадей, на птичек, которым отворили клетку; все – мужчины, женщины, молодые, старые – выглядят счастливыми, как школьники на каникулах; на обратном пути те же люди приезжают ... с вытянутыми, мрачными, мученическими лицами; они говорят мало, бросают отрывистые фразы; вид у них озабоченный, Я пришел к выводу,

что страна, которую ее жители покидают с такой радостью и в которую возвращаются с такой неохотой, - дурная страна.

И. ДЕРЖ.: Наблюдение ценное, да вывод противоположный правильному. Только в легкомысленных странах, завидев улыбающегося человека, его не спрашивают, чему он радуется. В державах серьезных и по заслугам претендующим на мировое величие, смех без причины – признак дурачины.

М. ДеКю.: “Рабство извратило человеческое слово до такой степени, что русские стали видеть в нем всего лишь уловку. Поэтому, как ни мало говорят русские, они всегда говорят больше, чем требуется.”

И. ДЕРЖ.: Еще одно свидетельство того, насколько ни на кого не похож наш народ, передающий из поколения в поколение вековые обычаи! “Болтун – находка для шпиона”; “Слово – серебро, молчанье – золото” - француз, который, вторя Вольтеру и Монтескье, уверен, что высшее достоинство человека – говорить, что вздумается, вовек не понять нашего молчания, которое неизмеримо красноречивее любых речей.

М. ДеКю.: Меня поражает неумеренная тревога русских касательно мнения, какое может составить о них чужестранец; невозможно высказать меньше независимости; русские только и думают, что о впечатлении, которое произведет их страна на стороннего наблюдателя. Что стало бы с немцами, англичанами, французами, со всеми европейскими народами, опустились они до подобного ребячества?

И. ДЕРЖ.: Что стало бы? Они стали бы таким же вечно молодыми народами, как мы! Мы – вечно юны, и у нас все вечно впереди! – этого факта ни на минуту не следует забывать. Неудивительно, что, как всякому растущему организму, нам далеко не безразлично, что думают о нас взрослые.

М. ДеКю.: К концу дня мои бедные мысли начинают путаться, и я решительно теряюсь; это-то и нравится русским; когда мы перестаем понимать, что говорить и думать об их стране, они торжествуют.

И. ДЕРЖ.: Еще бы не торжествовать! Ведь одно из высших наслаждений, данных человеку Богом - остаться непонятым.

“Наши беды не переводимы,” – сказал Жванецкий.

“Наша непостижимость – предмет нашей вечной гордости”, - говорю я.

М. ДеКю.: Россия – страна, где беда покрывает незаслуженным позором всех, кого постигает.

И. ДЕРЖ.: Ценное наблюдение, лишний раз доказывающее, что краеугольный принцип нашего судопроизводства: КАЖДЫЙ ПОСТРАДАВШИЙ ВИНОВЕН, и его безупречно логичное юридическое следствие: КОМПЕТЕНТНЫЕ ОРГАНЫ НЕ ОШИБАЮТСЯ – не изобретен товарищем Сталиным из головы, а имеет многовековые корни в родной земле.

Так что, не обольщайтесь, барон. Каждый позор заслужен. Незаслуженного позора, незаслуженного осуждения и незаслуженного наказания нет и быть не может.

М. ДеКю.: В России разговор равен заговору, мысль равна бунту: увы! Мысль здесь не только преступление, но и несчастье.

И. ДЕРЖ.: В этом отрывке ДеКюстин описывает идеальную обетованную землю гармонии и покоя, прямо невидимый град Китеж какой-то. Увы! коренное население давно разболталось, и направить его мысли в правильном направлении – задача, прямо скажем, не для слабохарактерных руководителей.

М. ДеКю.: Прослыть впавшим в немилость – значит, заживо себя похоронить.

И. ДЕРЖ.: Судя по этому бесценному наблюдению, право номенклатуры на непотопляемость, согласно которому ни один начальник не может опуститься ниже достигнутого им уровня, а лишь переведен горизонтально по номенклатурному “столу” или пойти на повышение – точь-в-точь, как некогда князья из гнезда Всеволодова перемещались княжить из одного города в другой – и не ниже! – было даровано классу чиновников лишь после победы Великого Октября.

М. ДеКю.: Первая же давка, которая возникнет в Петербурге, окончится плачевно; в обществе, устроенном так, как это, толпа породит революцию.

И. ДЕРЖ.: И впрямь! как в вещую воду глядел: уже через час после обнародования Манифеста Николая Второго, разрешившего собираться в общественных местах больше двух человек (что до того в течение многих лет возбранялось строжайше), начались многомиллионные митинги, а к утру уже по всей стране вовсю полыхал пожар революции! Господи, да как же он это предчувствовал? Тонкая штучка этот Кюстин. Музыку сфер ловит и шелест слышит.

М. ДеКю.: Францию и Россию разделяет китайская стена – славянский характер и язык. На что бы ни притязали русские после Петра Великого, за Вислой начинается Сибирь.

И. ДЕРЖ.: Всего лишь Сибирь? А я так думаю, что Европа и Россия – две разные планеты. Которые разделяет не световой год и не полярная ночь, а межзвездная пыль. Между Европой и Нами пролегла глубокая и непреодолимая теория относительности. То есть, глядя с планеты Европа на планету Россия, кажется, что они впереди, а глядя на них с нашей, очевидно, что наоборот – это они от нас безнадежно отстали.

М. ДеКю.: Русские льстят далеким предкам царствующим императоров и клеветают на их непосредственных предшественников.

И. ДЕРЖ.: Вековая традиция не прерывается, маркиз, рискну Вас заверить.

М. ДеКю.: Двор русский напоминающий мне театр, где актеры всю жизнь участвуют в генеральной репетиции, Ни один из них не знает своей роли, и день премьеры не наступает никогда, потому что директор театра никогда не бывает доволен игрой своих подопечных.

И. ДЕРЖ.: “Других артистов у меня для вас нет,” – сказал бы Иосиф Виссарионович Сталин, чтобы развить эту мысль.

М. ДеКю.: Природа для русских – еще один враг, которого они одолели благодаря своему упорству; во всех их развлечениях присутствует подспудно радостная гордость победителя.

И. ДЕРЖ.: Ту же идею сто лет спустя выразил великий садовод двадцатого века Мичурин – и даже почти теми же самыми словами: “Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее - наша задача.” Господи, да как же он, находясь в России государя императора Николая, сумел предчувствовать великий Сталинский план преобразования природы? Каким сверхчеловеческим нюхом?!

М. ДеКю.: Передать приказ, засвидетельствовать свое почтение, выказать повинование господину, кто бы он ни был – вот мотивы, приводящие в движение большую часть населения в Петербурге и во всей империи.

И. ДЕРЖ.: Вертикаль всенародной власти... Паутина всеобщей гармонии...

М. ДеКю.: Из домашней мебели меньше всего в ходу у русских кровать. Женская прислуга спит на полатах, похожих на те, какие существовали когда-то во французских привратничьих, а мужчины валяются по ночам на полу, на подушках, брошенных на лестнице, в передней и даже, говорят, в гостиной.

И. ДЕРЖ.: Занятное свидетельское показание. Хотя и – ну совершенно ни к селу, ни к городу.

М. ДеКю.: У славян, когда они красивы, тонкий, изящный стан, от которого, однако веет силой; у них у всех миндалевидный разрез глаз, а взгляд бегающий и плутоватый, азиатский. Глаза могут быть и черные, и голубые, но они всегда прозрачны и отличаются живостью, переменчивостью и большим обаянием. Ибо умеют смеяться.

И. ДЕРЖ.: Приятно слышать. Спасибо за комплимент. Такие вот восхищенные замечания дают основания удостовериться в объективности ДеКюстина. Что он вовсе не был завзятым русофобом, как можно подумать из его кинжальных филиппик, а очень даже наоборот, был очарован нашей страной, и писал о всяческих несутрастностях, которые его непредубежденные глаза кололи, просто как добросовестный бытописатель. Хотя, как известно со времен Козьмы Пруткива, в России верить своим глазам может только неграмотный.

М. ДеКю.: Русские обыкновенно проявляют свою сообразительность не столько в старании усовершенствовать дурные орудия труда, сколько в разных способах использовать те, что у них есть.

И. ДЕРЖ.: Ценное свидетельство того, что движение рационализаторов, немислимое ни в одном европейском народе, у нас существовало задолго до Советской власти.

М. ДеКю.: Люди здесь серьезны от страха, но страх же делает их и весьма учтивыми. Я никогда не видел, чтобы множество людей, причем из всех классов общества, так уважительно обходились друг с другом. Кучер с облучка дрожжек неизменно приветствует своего товарища, а тот, проезжая мимо, не преминет

ответить поклоном на поклон. Грузчик приветствует маляра, и все остальные ведут себя так же. Шляпа и палка – крайне значимые в России предметы.

И. ДЕРЖ.: Неужели это о России? Отчего же все так разительно переменялось? Не оттого ли, что на смену палке и плети пришли автомат Калашникова и пистолет Макарова? Горячее оружие в смысле воздействие на вежливость масс оказалось отнюдь не столь действенным, как испытанное веками холодное вследствие своей чрезмерной эффективности, ибо тем, кто испытал воспитательное действие пули, не суждено более быть учтивыми.

М. ДеКю.: Все люди равны перед Богом, но для русского человека Бог – это его повелитель; сей высший повелитель вознесся столь высоко над землей, что не замечает дистанции между рабом и господином.

И. ДЕРЖ.: Мысль, совершенно совпадающая с моей генеральной концепцией о высоком полете, в котором вечно парит наш народ. И о еще несравненно более высоком полете, в котором парит наше правительство. Таком высоком, что руководимый им народ, хотя и парящий в поднебесье подобно правительству, видится его властителям далеко внизу и в совершенном тумане.

М. ДеКю.: Смертная казнь в этой стране отменена для всех преступлений, кроме государственной измены; однако ж есть преступники, которых власти хотят убить. И вот, чтобы примирить мягкость законоуложения и традиционно свирепые нравы, здесь поступают так: когда преступник приговорен к сотне и больше ударов кнута, палач, зная, что означает подобный приговор, третьим ударом из человеколюбия убивает несчастного, Но зато смертная казнь отменена!

И.С: Вот и Иосиф Виссарионович: отменил смертную казнь к десятилетию Советской Власти, а врагов народа продолжал казнить миллионами, как бешеных собак, ибо они нелюди и к ним, как к курицам, слово *казнь* неприменимо... Кстати: а зачем это в девятнадцатом веке на Руси смертную казнь отменяли? Неужели все по той же причине тупого давления Запада, не способного уразуметь, насколько мы вечно другие? И почему это Европа требует отменить смертную казнь только у нас, а Америка казни-на-здоровье? Вам не приходило в голову задуматься о причине такой двойной бухгалтерии, маркиз?

М. ДеКю.: Я вижу этого колосса, и мне представляется, что главное его предназначение – покарать дурную европейскую цивилизацию посредством нового нашествия.

И. ДЕРЖ.: Мысль пророческая. Но почему только европейскую? Дурных цивилизаций много, а Русь одна.

М. ДеКю.: Вам ни в чем не отказывают, но повсюду сопровождают; вежливость здесь превращается в разновидность слежки.

И. ДЕРЖ.: Насчет вежливости во время слежки за Вами - это Вам, мосье, ну, просто необыкновенно повезло.

М. ДеКю.: Русские до сих пор верят в действенность лжи; и мне странно видеть это заблуждение у людей, столько раз к ней прибегавших.

И. ДЕРЖ.: Мы верим не в действенность лжи, а в действенность правды. Маркиз ошибочно принимает одно за другое.

М. ДеКю.: В России повсюду властвует секрет – административный, политический, общественный.

И. ДЕРЖ.: От власти – если она достойна этого имени – обязана исходить тайна. При условии, что это народная, а не антинародная власть.

М. ДеКю.: Себя русские держат довольно хорошо; по правде говоря, их парные бани выглядят отталкивающе: в них моются испарениями горячей воды – я бы предпочел просто чистую воду, и побольше; однако ж этот кипящий туман омывает и укрепляет тело, хоть и старит прежде времени кожу.

И. ДЕРЖ.: Яркий пример того, как мало залетный в наши края французишка понимает в гигиене здорового и закаленного морозом тела. Да и кто бы говорил, если даже в Версале при Людовиках не было туалетов (не считая тех, что на дамах, разумеется). И галантные прелестницы вместо того, чтобы принимать ванну, душились духами, чтобы перебить запах.

Это не в порядке ответного злопахательства или алаверды, а токмо исторической правды ради.

М. ДеКю.: Все считают, что обнародовать злодеяние неудобнее, нежели позволять ему длиться дальше.

И. ДЕРЖ.: Правильный у нас народ. Нутром чувствует, что то, о чем никто не говорит, не существует.

М. ДеКю.: Жертвы этой гнусной политики... позабыли даже свое имя, тюремщики же, жестоко и всегда безнаказанно издеваясь над ними, потехи ради спрашивают, как их зовут, - в глубинах этой пропасти беззакония царит такой беспорядок, а потемки в ней столь непроглядны, что в них нельзя различить никаких следов правосудия.

И. ДЕРЖ.: Это вам, маркиз, человеку близорукому и безнадежно отсталому, не различить следов света нашего правосудия. В двадцать первом веке тюремщик спрашивает у заключенного его имя вовсе не потехи ради, как кажется вам, а проявляя гуманность. Как всемирно известно, в странах менее либеральных, чем Россия, к заключенному обращаются только по номеру. Сохранение за ним имени есть проявление гуманности правосудия. В том числе нашего.

М. ДеКю.: Несмотря на стояние на коленях и все внешние проявления набожности, русские обращаются не столько к Богу, сколько к императору.

И. ДЕРЖ.: Этот пример доказывает наличие математического ума у простого русского мужика. Раз всякая власть от Бога, то она и есть Бог. Не очевидно это может быть разве что европейцу.

М. ДеКю.: Крестьяне меньше всех страдают от отсутствия свободы: они больше всех поработаны, но зато у них меньше тревог.

И. ДЕРЖ.: Ценнейшее свидетельство истинной заботы правительства Николая Первого о народе! Первая поправка к российской конституции (даже при наличии отсутствия последней) состоит в том, что каждый человек имеет право на свободу от тревог. Со своей стороны я могу засвидетельствовать под присягой, что никогда в жизни не чувствовал себя более беззаботно, чем в армии. А когда меня в первый раз повели кормить, да к тому же, мало того, что повели, так еще и строем! организовано! – от умиления я чуть не расплакался.

М. ДеКю.: Презрение к слабым заразительно; это чувство становится здесь таким естественным, что самые рьяные защитники угнетенных в конце концов начинают разделять его. Я сужу по себе.

И. ДЕРЖ.: Наш народ любит сильных. Такова наша принципиальная позиция. Сирым и убогим диссидентам место на кладбище.

М. ДеКю.: При дурном правлении женщины развращаются не так быстро, как мужчины, выполняющие приказания властей, и потому в большей степени подверженные воздействию общественных предрассудков своей эпохи и страны.

И. ДЕРЖ.: Я тоже много раз замечал, что женщины в России могут позволить себе больше вольностей, чем мужики. Даже на партсобрании о солидарности с каким-нибудь Мозамбиком или об осуждении какого-нибудь Пастернака им дозволялось ляпнуть что-нибудь несурзное. Дескать, баба она и есть баба, что с нее, взять?

М. ДеКю.: Насколько мне известно, нет другой страны, где бы жертвы боготворили своих палачей.

И. ДЕРЖ.: А как же иначе? Палач – он ведь не просто посланник Бога, он твой Бог и есмь! А участковый милиционер, к которому тебя прикрепили – он-то и есть закон. Во плоти и крови.

М. Де Кю.: В Санкт-Петербурге опасным людям затыкают рот, а неудобные факты изображают небывшими; благодаря этому власти могут позволить себе все, что угодно.

И. ДЕРЖ.: Вы нас недооцениваете, маркиз. Мы и в условиях свободы слова можем себе что угодно позволить. вспомните, что говорил вельможа, описанный Герценом, которому некий начинающий взяточдатель, вручая конверт, шепнул: “Здесь двести рублей, и я никому не скажу”, – после чего вельможа долго смеялся, и, нахохотавшись вдоволь, изрек громовым голосом, так чтобы все слышали: “Давайте пятьсот и говорите кому угодно.”

М. ДеКю.: Только русский может говорить об Иване III так, как говорит Карамзин, и при этом полагать, что произносит монарху хвалу. “Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти к трону; что вельможи трепетали и на пирах во дворце не смели шепнуть слова, ни тонуться с места, когда Государь, утомленный

шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового приказа веселить его и веселиться. ”
...Явное сходство панегирика славному правителю с приговором извергу позволяет оценить, насколько смутны идеи и чувства, владеющие лучшими русскими умами. В этом неразличении добра и зла – напоминание о том, как велика пропасть, отделяющая Россию от Европы.

И. ДЕРЖ.: В нашем неразличении добра и зла – доказательство того, как высоко над добром и злом мы воспарили. Никакая пропасть не отделяет нас от Европы; наша страна стоит над пропастью между нами на таком высоком утесе, с которого Европейский континент, разбитый у подножия этой скалы далеко внизу, как парк культуры у подножья Тарпейской Скалы, кажется какой-то расплывшейся под дождем акварелью.

М. ДеКю.: Вся Москва (при Петре Великом) оказалась узницей; выехать из ее пределов без ведома монарха значило совершить непростительное преступление.

И. ДЕРЖ.: На определенном этапе нашего роста это закономерно. Российская империя с самого своего возникновения была обречена стать вечно и бесконечно расширяющейся Вселенной; или, на худой конец, островом – с таким расчетом, чтобы у нее не было никаких соседей.

М. ДеКю.: Жителям города предписывалось под страхом смерти шпионить за соседями и доносить на них.

И. ДЕРЖ.: Прекрасная, скажу я вам по секрету, традиция. Способствующая устойчивости существующего строя, как никакая другая.

М. ДеКю.: Либо Россия не выполнит того назначения, какое, по моему убеждению, ей предназначено, либо в один прекрасный день Москва вновь станет столицей империи.

И. ДЕРЖ.: Опять угадал француз! Вот пронизательная зараза какая!

БдК: Бедняги! Чтобы стать счастливыми, им надо впасть в забвенье.

И. ДЕРЖ.: Вы это о нас, сударь? В таком случае в порядке отпора я без колебаний пригвожу к стенке французский народ: бедняги, чтобы оставаться счастливыми, им нельзя напиваться.

М. ДеКю.: Я слышал, что некогда русские крепостные крестьяне в своем простодушном самоотречении верили, будто попасть на небо суждено только их хозяевам: как ужасно это смирение обездоленных!

И. ДЕРЖ.: Так-таки и ужасно? А я был уверен, что Спаситель учил всех христиан, не только православных, но и католиков тоже, что нет ничего более праведного, чем смирение обездоленных.

М. ДеКю.: Крестьянки в России куда хитрее жительниц города; иногда эти юные дикарки, развращенные вдвойне, нарушают первейшие заповеди своего ремесла, чтимые любой проституткой, и убегают со своей добычей, даже не исполнив того постыдного долга, за который получили плату.

И. ДЕРЖ.: Грани между городом и деревней давно стерты – а эта больше, чем какая-либо другая. Мне, например, лично известна по имени студентка Московского Университета, которую на комсомольском собрании (дело было давно, и речь идет об одной из первопроходок самой популярной, если верить опросам, профессии в постсоветской России) не осудили застрельщицу за многолетние занятия интердевичеством только потому, что, как показало медицинское освидетельствование, она сохранила свою непорочность!

М. ДеКю.: Русские были бы нравственнее, оставайся они более дикими; просвещать рабов – значит подрывать устои общества.

И. ДЕРЖ.: Наивное утверждение человека девятнадцатого века. В двадцатом веке утверждать такое мог бы только оголтелый идеалист.

М. ДеКю.: Напив весь трактир, главарь вертопрахов забавы ради наклоняется к разряженному крестьянину и подает ему пенящуюся чашу. “Пей – приказывает он. – ... пей, негодяй; я даю тебе шампанского не ради тебя, а ради твоих лошадей; если кучер не будет пьян, он не сможет заставить их всю дорогу мчаться вскачь!” На что все присутствующие ответили хохотом, криками “ура!” ... Тон у моего собеседника был настолько изысканный, что, слушая его, я на мгновение забыл, где происходит наш разговор, и решил, что оказался в Версале времен Людовика XIV.

Наконец мой повеса уехал в поместье, где собирается провести три дня. Приятели его именуют это развлечение летней охотой.

Нетрудно догадаться, чем забавляются эти вертопрахи в деревне; они проводят время по меньшей мере так же, как и в Москве; сцены повторяются прежние, но с новыми актрисами. С собой они везут целые пачки гравюр, воспроизводящих самые прославленные полотна французских и итальянских мастеров; они собираются разыгрывать их в лицах, слегка изменив костюмы.

И. ДЕРЖ.: Какие целомудренные забавники были русские аристократы. Наши, теперешние, резвятся не в пример круче!

М. ДеКю.: Здесь свободу путают с развращенностью.

И. ДЕРЖ.: Давайте не будем обобщать. Критика должна быть конкретной.

М. ДеКю.: ЗДЕСЬ свободу путают с развращенностью.

И. ДЕРЖ.: А во Франции – с целомудрием, что ли?

М. ДеКю.: Когда правосудие не пользуется уважением, в почете оказывается злодейство.

И. ДЕРЖ.: Ну почему же так сразу злодейство? Забить стрелку, поставить на счетчик, прикрепить к радиатору наручниками, обстрелять Мерседес из гранатомета... И правосудие наведено, и цивилизация налицо. По части авторитета правосудия и правосудия авторитетов Россия от времен государя императора Николая Павловича далеко вперед ускакала!

М. ДеКю.: Нет ничего прекраснее русских стариков...

А ведь верно! Право, не ожидал такого комплимента, аж зарделся. Но ведь и в самом деле: разве от покоя сидящего на лавочке седовласого русского старца не излучается боголепие?

М. ДеКю.: Нет ничего прекраснее русских стариков – и ничего ужаснее старух.
И. ДЕРЖ.: Эх, француз, француз, не может не подсиропить ... Одно слово – европеец. А ведь так хорошо начал! Не дорос ты еще до звания русского, парень. Не все еще ты постиг.

М. ДеКю.: В каком ослеплении государство, чьи нравы годны самое большое для того, чтобы цивилизовать бухарцев и киргизов, осмеливается притязать на руководство миром? Вскоре Россия возжаждет не только уравниваться в правах с прочими нациями, но и вознестись превыше их.

И. ДЕРЖ.: А почему бы и не вступить на пьедестал, который возведен для нас провидением? Мы выше всех, потому что стоим на плечах пигмеев.

М. ДеКю.: Россия – больной, которого лечат ядом.

И. ДЕРЖ.: Вот вам еще одно свидетельство того, что наша страна – родина гомеопатии. А ведь мы и не претендовали – сам признал!

М. ДеКю.: Когда б я мог показать вам Петербург с его улицами и обитателями таким, каким он предстает перед мной, я бы в каждой строчке описывал жанровую сценку – столь мощно восстает славянский национальный гений против бесплодной одержимости своего правительства.

И. ДЕРЖ.: В этом описании столицы Империи отсутствует единообразная красавица, наведенная государем императором Николаем Первым на подотчетный ему мир. В том то и дело, что русские города и деревни таковы, что, пересекши улицу, кажется, что переплыл океан, а, гуляя из кабака в кабак, скачешь по континентам.

М. ДеКю.: Единообразие – верховное божество в России.

И. ДЕРЖ.: И это при том что куда ни глянь – жанровая сцена? Вы противоречите себе, маркиз!

М. ДеКю.: Среди здешних чиновников честность была бы так же опасна, как сатира, и так же смешна, как глупость.

И. ДЕРЖ.: У ДеКюстина извращенное понимание честности. Светлейший Князь Меншиков, который по этой части был значительно большим докой, после смерти Петра Великого первым делом представил государыне Екатерине дерзкий проект: перестать платить чиновникам жалованье вовсе, ибо они в любом случае живут мздоимством. Законопроект не прошел по смехотворной, хотя и уважительной, причине: государыня Екатерина скончалась, а после похорон история резко пошла по другому пути, и светлейшему Меншикову было уже не до дерзких законопроектных.

Кстати, не вижу причин, почему бы Государственной Думе не вернуться к всестороннему рассмотрению этой идеи. Ну зачем стоящим выше закона законодателям еще и пособие от государства, выплачиваемое ежемесячно?

М. ДеКю.: Простонародье топит свою тоску в молчаливом пьянстве, а знать – в пьянстве шумливым.

И. ДЕРЖ.: Это о какой-то другой стране, не нашей!

М. ДеКю.: Русские крестьянки обыкновенно ходят босыми; мужчины же чаще всего носят нечто вроде башмаков, грубо сплетенных из тростника; издали обувьэта очисти походит на античные сандалии.

И. ДЕРЖ.: Лишнее доказательство нашего родства не только с греческой церковью, но и с древними греками как таковыми. Не только лапти ведут свою родословную от сандалий, в которых щеголяли афиняне эпохи Перикла, но и русская рубаха, подпоясанная на поясе, как было неоднократно замечено мною – правнучка туники, в которую облачался Сократ.

М. ДеКю.: При слиянии Волги и Оки лодки составлены так плотно, что Оку можно перейти пешком, перешагивая с джонки на джонку.

И. ДЕРЖ.: Занятное наблюдение. Картина...

М. ДеКю.: На просторных улицах ярмарки самый редкий товар – покупатели; что бы я ни видел в этой стране, я всякий раз восклицаю: “Слишком много места и слишком мало людей.”

И. ДЕРЖ.: Времена изменились. “Нас слишком много” – сказал, как отрезал Жванецкий. А коли так, мы будем стремиться к тому, чтобы нас стало меньше. И в этом нашем движении МЫ успешно преуспеваем. Как, впрочем, и во всех прочих.

М. ДеКю.: Между обманщиком и обманутым существует совершенное сходство, и различаются они лишь силою.

И. ДЕРЖ.: Таким же бросающимся в глаза совершенным сходством сто пятьдесят лет спустя обладают новые русские и их охранники. Впрочем, я об этом уже говорил.

М. ДеКю.: Никто и не думает помочь людям, тонущим в Неве, никто даже не осмеливается рассказать об их гибели!

И. ДЕРЖ.: Как художественно одарен наш народ! Как тонко умеет он не замечать неверных мазков, которые портят сочную и красочную картину русской жизни, совершенный и вечный шедевр, если взирать на него правильным взглядом и с правильного расстояния.

М. ДеКю.: В России есть порядок: одному Богу ведомо, когда в ней появится цивилизация.

И. ДЕРЖ.: А спорим на полбанки, что никогда?! Цивилизация - такое же бранное слово в России двадцать первого века, как в конце двадцатого века слово “либерал”,

а в третьем тысячелетии - демократ. Да будет вам известно, маркиз, что наш народ выше цивилизации. Мы идем другим путем, не таким путем надо идти.

М. ДеКю.: Едва избавленному от чужеземного ига, русскому народу казалось свободой все что угодно, кроме монгольского владычества; оттого, в радости своей и неискушенности он даже крепостное рабство принял, как освобождение, потому что оно исходило от его законных государей.

И. ДЕРЖ.: Если свой бьет, значит, любит. Не ясна эта прописная истина может быть только французу.

М. ДеКю.: Книга эта, ускользнув благодаря какому-то чуду или чьей-то уловке от бдительности цензуры, воспламенила всю Россию. Все беспокойно ждало приговора, который решил бы участь столь великого преступника: решение дела затягивалось, и впору было уже отчаяться в верховном правосудии, но тут император, в бесстрастном милосердии своем, объявил, что нет ни причин для наказания, ни преступника, коего должно покарать, а есть лишь безумец, коего должно держать взаперти; больной, добавил он, будет препоручен заботам лекарей.

Сей новый род пытки был незамедлительно применен, да с такою суровостью, что объявленный безумцем едва не оправдал нелепого приговора.

И. ДЕРЖ.: Потрясающая информация к размышлению. Я-то думал, что карательная медицина, при которой власть сообщает диагноз лечащему врачу, а не наоборот – изобретение коммунистов. Странности с первым политсумасшедшим России этим, однако, не ограничиваются. В двухтысячном году, когда казалось бы издано все, я попробовал найти в книжных магазинах собрание сочинений Чаадаева, чтобы поспорить с ним. И что же? Ни в одной книжной лавке не сумел обнаружить я ни одной книги некогда опального литератора! По-видимому диагноз “БЕЗУМЕЦ” все еще не отменен, - помню, подумал я, - и не только потому, что отменять его некому. Мыслитель, с которым сравнивал Евгения Онегина Пушкин, называя его “вторым Чаадаевым” (хотя и то верно: зачем нам два Чаадаевых, если и одного выше крыши!), не реабилитирован, и книги его не помилованы. Проблема Чаадаева в наше время в том, что он не был узником Сталинского Гулага. Кому охота пересматривать дело жертвы репрессий Николая Первого, чей приговор за давностью лет стал частью истории, как храм Василия Блаженного и Куликовская битва!? И кто вправе отменить высочайший диагноз? Президент? Патриарх? Пенклуб? Российское общество Психиатров? И на каком основании его отменять? А вдруг он и вправду страдал какой-нибудь вяло текущей шизофренией, этот Чаадаев? Вопрос философский и скорее абстрактный, чем практический. Гражданин Чаадаев виноват тем, что пострадал. А это грех смертный. И не только у нас.

М. ДеКю.: Здесь не бывает ни ссор, ни уличных драк: все боятся тюрьмы и кандалов, которые чаще всего ждут и правых и виноватых.

И. ДЕРЖ.: Боже, какие стабильные были времена! Какие патриархальные, какие вегетарианские... Вы, маркиз, посетили Россию в золотой век Николая Первого, о котором через полтора столетия можно будет только вздыхать...

М. ДеКю.: В Петербурге солгать – значит исполнить свой гражданский долг, а сказать правду, даже касательно предметов на первый взгляд совершенно невинных, - значит сделаться заговорщиком.

И. ДЕРЖ.: От комментариев воздержусь. Но и спорить не буду. Набравшись терпения, я все еще жду, когда Вы прекратите утверждать и начнете наконец спрашивать. Вы ведь гость. А гостю уместнее интересоваться происходящим, чем учить жить хозяев, не так ли, господин дворянин?

М. ДеКю.: Русские уважают искренность лишь в поведении других и считают ее полезной лишь для того, кто сам ею не пользуется.

И. ДЕРЖ.: Да. Мы такие. Не нравится? Нас это не колышет. Хотите нас перекроить на свой лад? Пробовать не советую. Руки у тебя для этого коротки, Европа!”

*****

Этим могучим ударом, против которого нет приема, я поставил в поединке точку. Дух маркиза ДеКюстина исчез, не произнеся даже, подобно призраку отца Гамлета, “Прощай, прощай! И помни обо мне” на прощание, а просто взял и растворился в воздухе по-английски: не прощаясь, словно его, невежи, и не было. Оставив меня на поле нашей брани в гордом победоносном одиночестве.

Отдадим должное безвременно ушедшему: он был достойным соперником. Несмотря на это, в поединке с ним я не уступил ни пяди – народ свидетель. Кроме того, нельзя отрицать, что я был тверд, но вежлив. Однако: если вы, благородные судьи и зрители, решите, что можете дать отпор покойному лучше меня, то со своей стороны я буду это только приветствовать. Вот вам, товарищи, мое копье, мое стило, мое забрало и мои латы. И – храни вас, милые, Русский Господь.

НАША КОЛЛЕКТИВНАЯ КРАСОТА

Прекрасные русские лица бывают мужские и женские. Хотя мать и отец у наших девушек и юношей, жен и мужей, так сказать, общие, они так же мало похожи друг на друга, как ласточка и граммофон.

КРАСОТА ИМЕЕТ ПОЛ

В отличие от Советского Союза, красота в России имеет пол. Стены. И потолок.

Наши мужчины бывают прекрасными коллективно и индивидуально. Впрочем, мы не сексисты: в коллектив коллективно прекрасных мужчин могут входить и женщины, потому что для коллективной красоты пол значения не имеет.

КОЛЛЕКТИВНАЯ КРАСОТА МУЖСКОГО ПОЛА

О, как коллективно прекрасно наше лицо на первой встрече с новым царем, как бы он ни назывался: генсек, император, президент, великий князь, а то и еще более поэтично: исполняющий обязанности заведующего батареей... А как особо коллективно прекрасны мы в первые десять минут после явления нового владыки народу или его избранникам, когда наше коллективное “МЫ” дружно пытается сквозь оболочку обряда, сквозь клятву на Библии или на конституциях, сквозь тронную или инноагурационную проповедь проникнуть в самое сокровенное: куда бежать? И как, уловив направление и тональность этого главного дела, наше коллективное “МЫ”, осененное созидательным зудом, нетерпеливо ерзает, как по нашему коллективному лицу из конца в конец, от края и до края, носятся чувства, как оно, наше коллективное “МЫ”, повизгивает от счастья, точь-в-точь как почувствовавший себя половозрелым щенок, и как, наконец, оно, казалось бы такое единое и неделимое, в мгновение ока распадается на отдельные организмы, чтобы сорваться с места, сметая друг друга и перегоняя друг друга - но не раньше, чем утихнет последний долго нескончаемый аплодисмент.

Вот так, буквально на глазах, как рождающаяся из куколки бабочка, внутри нас рождается новый человек, не имеющий с предшествующей аватарой ничего общего кроме общего тела. Кто там на троне (подиуме, амвоне, плахе)? Борис Годунов? Никита Хрущев? Петр Великий? Константин Черненко? Екатерина Вторая? Леонид Брежнев? Владимир Красно Солнышко? Глядя на коллективное выражение “глаз” можно сразу определить, кто именно является нашим теперешним поводырем. Если на трибуну вдруг снизойдет Иван Грозный собственной персоной – нашему лицу меняться не придется – только его выражение будет приведено в соответствие с интуицией – и все! Повелитель еще говорить не начал, только нахмуриться соизволил, или откашляться, или просветлеть – а наши лица уже готовы. К чему? Дурацкий вопрос. Готовы – и все! А когда вдруг на месте Федора Иоановича на паперти оказывается Иосиф Сталин (как в телевизоре: бенц! и вместо одного кадра другой) – что ж? без малейшей задержки, без тени инерции мы уже мысленно бегаем взад-вперед и, становясь на задние ноги, так бы и лизнули его, родного, в самое дорогое! И что самое главное: никакого намека в нашем лице самый рентгеновский Бенкендорф не найдет от вчерашнего выражения, от того, куда оно устремлялось всего лишь днем ранее, нет! следы прошлого на нашем коллективном набалдашнике нельзя обнаружить никаким миноискателем; абсолютный ноль на любом счетчике, непобиваемый мировой рекорд! А если вдруг – чем наш черт не шутит? пред нами предстанет Иисус Христос собственной персоной и трибуна волшебным образом превратится в амвон – что ж? Мы готовы и к этому: разве что наше выражение лица с гневного тотчас переменится на благочинное, как если бы их склеили из двух кинолент, предварительно разрезанных ножницами. Никаких заносов на виражах! Легкость перестройки необыкновенная! Мы и плавными быть можем, как умирающий от

одинокости лебедь, и скачки совершать, как тот же лебедь при появлении принца. В любое мгновение мы можем сделать кувырок, скачок, аксель, сальто мортале, но лучше всего нам удастся соскок с Ленинского бревна с поворотом на семьсот двадцать градусов и ни на градус меньше. О, как прекрасны при исполнении элементов высшей категории политической сложности коллективные “МЫ”!

Что является постоянным в нашем неуклонном движении во всех направлениях? Отвечаю: цементом, скрепляющим кирпичи нашего “МЫ” является наша готовность. Она неизменна. Как и бессмертное выражение лица, ее отражающее – хоть бери кисть и пиши ею икону с любого.

О! Как прекрасно наше выражение коллективной готовности! Но не менее прекрасно и то, как на смену ему постепенно приходит просветление коллективного непонимания, когда мы дружно начинаем слепнуть или, наоборот, – куданибудь прозревать. Но это уже не фотография. Это уже кино.

А как дружно меняется выражение нашего лица – словно оно, тысячеголовое, принадлежит одному сверхпрогрессивному организму, как если бы мы были новой, невиданной общностью – гомо экранусами, которым на плечи вместо того, что бывает на плечах у смертных смертных, эволюция поставила телевизор, по которому транслируют изображение Нашей Головы – одной на всех.

Но вот собрание (инноагурация, панихида) окончено. Готовность тоже. И, дождавшись мгновения, когда нам это будет высочайше разрешено, мы, еще секунду назад такие покойные, что никакой ударной волной с места не сдвинешь – уже мчимся в новый перед с криком “ура!”, сметая на своем пути менее расторопных. О, Боже! Как мы при всем этом коллективно прекрасны!

ЖЕНСКАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ КРАСОТА

Что касается женской красоты, то о ней можно сказать единственно одно: коллективной она не бывает.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КРАСОТА

Индивидуальная красота в России имеет место. Но по сравнению с нашей коллективной красотой она – ничто. Пожалуй, лучше всего выразил эту нашу самобытность журналист, начавший много лет назад первое описание Всемирного конкурса красоты в российской печати глазами очевидца такими словами: **ХОТЯ конкурсы красоты отвратительны сами по себе...**

Лучше не начнешь и не кончишь. Так что и продолжать незачем.

НАША ПОДКОРКА

НАША ВЕЧНОСТЬ

Столетие за столетием русские люди задаются вопросом: приходит ли на Русь каждый день новая жизнь или – и сегодня все-то у нас же самое, что и во времена *Слова о полку Игореве*, без существенных и несущественных перемен? Причем при поверхностном рассмотрении проблемы кажется, что верны оба ответа в зависимости от того, как и откуда посмотреть на нее.

В самом деле: с одной стороны, что ни поколение – то новая жизнь, ни в чем не похожая на прежнюю:

- при Петре Первом народ стал брить бороды и кланяться в соответствии с табелью о рангах.

- При Елизавете Петровне мы научились гордиться нашим национальным величием и устраивать карнавалы.
- При Екатерине Алексеевне – строить потемкинские деревни и быть в случае.
- При Павле Петровиче – ходить маршевым шагом и опускать доносы в почтовые ящики.
- При Александре-Освободителе – бросать бомбы в императоров и заседать в суде присяжных.
- При Николае Втором – посылать телеграммы и устраивать революции.
- При Ленине – проводить продразверстки и уничтожать.
- При Сталине – искоренять и испепелять.
- При Хрущеве – летать в космос и разоблачать культ.
- При Брежневе – оказывать братскую помощь и равняться на генеральную линию.
- При Андропове – скрываться от облав в банях и стоять социалистическим лагерем.
- При Горбачеве – бороться с алкоголизмом и перестраиваться на ходу.
- При Ельцине – быть новыми русскими и отбиваться от внезапной нахлынувшей на Запад любви к нам ...

Все – подчеркиваю: ВСЕ! - вышеперечисленное совершенно очевидно и не вызывает ни малейшего сомнения. Но с другой стороны, столь же очевидно и также не вызывает сомнения, что на Руси:

- Как пили, так и пьют.
- Как врал, так и врут.
- Как не работали, так и не работают.
  - Как воровали, так и воруют.
  - Как жили, так и живут.
- Как не давали жить, так и не дают.
- Как плевали на все с высокой колокольни, так и плюют.
  - Как гуляли, так и гуляют.
  - Как тянули ляжку, так и тянут.
  - Как вертели, так и вертятся.
- Как наводили порядок, так и наводят.
- Как был бардак, так и продолжается.

Какая же точка зрения верна?

Как разрешить это фундаментальное противоречие русского бытия? Ответ: неверен вопрос. Точнее (совершенно, кстати сказать, нерусское по природе) предположение, его породившее, что из двух и более точек зрения верной может быть не более чем одна.

Правильный русский ответ: верны обе!

Точнее:

Все, что в России является вечным, есть наше, исконное. А все, что изменчивое-переменчивое - занесено из Европы и других частей света.

Господи, да это же так очевидно. Особенно после того, как высказано и сформулировано.

СТАРЫЙ ЗАКОН ЛУЧШЕ НОВОГО СТАРЫЙ ЗАКОН ЛУЧШЕ НОВОГО

Салтыков-Щедрин заметил где-то на просторах собрания своих сочинений (и чуть ли не к собственному удивлению) что *старые законы лучше новых уже по одному тому, что они старые*. Наблюдение это поразительно по своей глубине. В самом деле: возьмите любой закон наш, и вы увидите, что его применение не имеет ничего общего с намерением законодателей. Впрочем, и сами законодатели, будучи плоть от плоти нас с вами – поменяй нас с ними местами и не отличишь, как стулья из одного гарнитура! – издают законы не столько для всеобщего блага, сколько ради дыр в них. То есть работают на, так сказать, *благо в интересах*. Заранее со свойственной нам дальновидностью мастерят так сказать не примитивный горшок, сквозь дно которого не просочится ни-крошки- ни-капли, а сито, в котором равно важны и перегородочки между дырочками, и сами дырочки. Понятно, что спроектировать решето – дело намного более хитрое, чем просто заделать дыру. Решетку сита, как и свод законов, можно произвести множеством способов – воистину широкое поле для законодательной деятельности, в отличие от создания дна кастрюли.

По принципу сита в Брежневской конституции было сформулировано, например, право человека на свободу слова. Там было четко сказано, что *Каждый человек имеет право на свободу слова в интересах укрепления советского строя*. Вот это да! Свобода в интересах! Как размашисто и умно! Иди гадай: то ли свобода слова в СССР существовала в интересах укрепления Советского Строя, то ли допускалась только такая свобода слова, которая в интересах укрепления

Советского строя, а всякой прочей надо затыкать хлебало кляпом, пока она не начала чрево вещать.

Западному человеку трудно понять, как это сто пятьдесят лет – со времен Алексея Михайловича и далее – (в том числе весь восемнадцатый век!) – в России жили по уложению, то есть свода законов не издавали, а только указы вводили. Но мы-то понимаем, что нам законы, если и нужны, то не для того, чтобы их соблюдать, а для того, чтобы с их помощью их же и обходить. Любой новый закон, каким бы продуманным и не имеющим лазеек он не казался, мы на так перелицуем, что через год его от старого не отличишь. Да чего там: можно сказать, что Тришкин Кафтан – это и есть идеальный свод законов для нашего государства. О котором власть имущие могут только мечтать и к которому стремятся, как к коммунизму, те же большевики. Дай нам хоть законы Хаммурапи, хоть кодекс Юстиниана, хоть свод законов Солона, хоть английский, хоть американский, хоть шириат, – мы их через полгода на свой лад переделаем, да так самобытно, что друг от друга кодексы эти нипочем не отличишь, и из них из всех - из каждой статьи! будет глядеть наша довольная физия с головой, расчесанной на все четыре ветра от макушки.

Засим: нет ничего более россиянского, чем жить по законам, по которым жили и деды, и прадеды, каковы бы эти законы ни были. Нам в старых законах, как в старых штанах на прополке – вольготнее. Старые законы утряслись и приобрели законченный вид, как днище утонувшего корабля, покрытое ракушками. Общество знает, как к ним примеряться и как обходить. Ну, изменим мы их. Обновим. Обскоблим. А что толку? Они через пару-тройку лет до того похожими на прежние станут (если, конечно, судить не по их тексту, а по результату, который они произвели в обществе) – под “мелкоскопом” от того ветхозаветного, по которому наши пращурь жили и умирали – не отличишь.

Да и нужны ли законы людям, если величайший математический результат двадцатого века - теорема Геделя - в применении к юриспруденции можно в доступной форме сформулировать так: *нет и не может быть такого совершенного свода законов, чтобы ум человеческий не мог в нем найти дыры, каким бы многотомным этот свод ни был.* Вместо законов государству очень даже неплохо иметь сказку. Вроде Сталинской конституции, вне всякого сомнения, самой демократичной в мире, которая обладала еще одним громадным достоинством, а именно: она не имела ни малейшего отношения к реальности. И написавший сию юридическую феерию Бухарин сразу по завершении работы над ней угодил за решетку, а затем и в иной мир, в котором ему уже не нужны были больше никакие конституции, даже Сталинские.

Да что законы... А инструкция? А распоряжения *Для служебного пользования*? Не понравился какому-нибудь Степану Филимоновичу закон, придумалось ему как удобствено обойти его, и что ж? Он уже инструкцию пишет, аки новый Бухарин. И вот вам сказочное превращение: был вроде бы просто Степан Филимонович – а вот он тебе уже верховный судья.

А еще умнее – засекретить свои указующие сочинения к ядреням – тут самый дотошный адвокат не подкопается: не будет иметь доступа к тому, что защищать должен, и дело с концом! Да чего далеко за примером ходить: возьмем все ту же пресловутую (как презрительно называли ее отцы-коммунисты) свободу слова. Которую Ельцин дал нам в том же разудалом стиле, что и власть

губернатором: берите столько свободы слова, сколько можете, мать вашу, дети мои – шапку оземь! Но пришел Следующий – и лишил нас этой гарантированной конституцией свободы тишайшим способом: всего лишь инструкцией всего лишь по министерству, ОБЯЗАВШЕЙ провайдеров установить подслушивающую аппаратуру ЗА СЧЕТ КЛИЕНТОВ, то есть за денюжки тех, кого подслушивают. Вот умница, вот молодец! Просто и эффективно, а главное – тихо. А то разговорились, понимаете...

Да что Степан Филимоновичи – сама Екатерина Великая свод законов, государственным мужами на западный манер разработанный, в одном экземпляре хранила в драгоценной шкатулке, закрытой на изящный замочек, и шкатулку эту показывала избранным иностранцам – к их европейскому умилению. Только трогать никому не давала – дабы законы не истрепать, что заведомо не в высочайших государственных интересах. А показывать - показывала. Издалека.

Истинно, истинно говорю вам: не нужны нам законы. Не будет в России законов – не будет и беззакония.

ИМПЕРИЯ ДРУЖБЫ

Нет в мире народа дружнее нашего. В дружбе мы верны, как никто в мире. Если ты стал нашим другом хоть на одну секунду – знай: это навечно.

Друг думает, что он нам друг и все. Но мы то знаем, что дружба с нами не простая, а кровная. Мы тебе друг, но ты то нам – брат. Брат до гроба.

Быть старшим другом – наша историческая миссия на земле.

Наша человечность больше чем человечность. Солидарность у нас в крови – не корысти ради, а по зову сердца. Для того, чтобы оказать братскую помощь, мы готовы заплатить любую цену, независимо от того, просят нас заплатить ее те, на кого она нацелена, или отрешиваются от нее.

Мы всепрощенцы. Поэтому перестать быть нашим другом трудно. Почти невозможно..

ЭХ, ХОРОШО!

*И жизнь хороша, и жить хорошо.
А в нашей буче, боевой, кипучей,
И того лучше!
Из хрестоматии*

*Жить стало лучше, жить стало веселее.
Товарищ Иосиф Виссарионович Сталин*

*Веселится и ликует весь народ.
Композитор Глинка.*

Строка из песни о всенародной радости по случаю отправления поезда

*До чего же хорошо кругом!
Бессмертная пионерская песня*

Год от года и век от века жить нам становится все лучше, все веселее. Наши спутники летают все выше. Наши ученые копают все глубже. Наши корабли уплывают все дальше. Наши взгляды становятся все тверже. Наши ракеты становятся все нацеленнее. Наши избранники становятся все достойнее. Наши идеалы становятся все материальнее. Наши планы становятся все конструктивнее. Наши символы становятся все величавее. Наши жены становятся все милостивее. Жизнь прекрасна и удивительна. Работа спорится, рождаемость увеличивается. У нас только четыре стихийных бедствия: зима, весна, лето и осень; только три проблемы: что делать, с чего начать и как положить конец; только две недовольные группы граждан: мужчины и женщины; и только один вечный вопрос: кто виноват?

РУССКИЙ КАНОН

Русский канон есть отклонение от канона. Русское правило – это исключение из правила. Русский закон – это обход закона. Русский идеал красоты – в его поиске.

Если вы хотите зримо представить русский канон и, глядя на его воплощение, понять, в чем его принципиальное отличие, скажем, от канона, в соответствии с которым был построен Парфенон, остановитесь на пять минут на косогоре в Суздале, что по-над речкой, и присмотритесь к окнам храмов и изб, среди которых нет двух одинаковых.

РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

Неписанный общественный договор между российским правительством и народом на удивление лаконичен и прост. Правительство делает вид, что заботится о народе, а народ делает вид, что верит правительству. Этот посыл настолько самоочевиден, что выражение его любыми словами вызывает недоумение.

РУССКОЕ СУПЕРЗЕРКАЛО

Несмотря на то, что наши правители самым разительным образом отличаются от народа, если нас поменять с ними местами, получится то же самое.

РУССКИЙ ПОРЯДОК

Русский порядок – это его наведение.

РУССКОЕ ВРЕМЯ

Русское время растяжимо, как гармонь. А то вдруг и вовсе застынет, пока гармошку истории не возьмет в руки новый музыкант.

Мы живет во все времена одновременно: и во времени, и вне времени. Это как если бы Гулливер, который сначала оказался в стране лилипутов (которых брал на руки) а потом в стране великанов (где на руки брали его) смотрел бы на себя самого как на лилипута сверху вниз и одновременно как на великана снизу вверх.

Настоящее в русском времени не точка и не стрела, а пространство вокруг точки и стрелы. Ответа на вопрос, какое на дворе тысячелетье? – в России не существует. Отсутствие ответа на русский вопрос ближе к истине, чем любой ответ.

ПРЕКРАСНЫЕ МГНОВЕНЬЯ, ВЫ ПРЕКРАСНЫ

Недавно я раскрыл наобум томик Аркадия Аверченко и наткнулся на рассказ, в котором великий юморист вспоминает прекрасные мгновения России, которые имели место быть на его памяти. И, пытаясь вспомнить событие, достойное остановки, он мысленно отматывает ленту времени в обратную сторону в поисках момента, который хотелось бы остановить на лету. Эмиграция, гражданская война, жаркое лето семнадцатого, отречение Николая, Первая мировая, Дума, опять Дума, и еще одна Дума, Столыпин, первая русская революция: лента памяти мелькает все быстрее... и наконец, останавливается... где бы вы думали, люди далекого будущего и новой, так сказать, эры? Ни за что не догадаетесь! Стремительно несущаяся назад во время пленка памяти Аркадия Аверченко останавливается и замирает в момент появления Манифеста государя-императора Николая Второго. Почему именно на этом мгновении? Да потому, что уже через час народ, которому до того десятилетиями запрещалось собираться больше чем по два (даже нашим бабушкам, прошедшим через суровые сталинские годы – даже им трудно представить такое ограничение свободы в *поговорить по душам*) мгновенно организовался в толпы. А уже наутро начались выстрелы, революция и почему то – нам теперь даже трудно понять, почему – погромы. То есть буквально наутро!

- Так что же? – с изумлением спрашивает себя обладатель острейшего ума

России начала двадцатого века. – Это и было нашим единственным прекрасным мгновением с начала века?

Увы! Вопрос, казавшийся острым, как лезвие бритвы, оказался риторическим.

Прошло еще три четверти века. Началось новое тысячелетие. И сколько же прекрасных мгновений подарила нашей стране судьба за истекшие, так сказать, три раза по пять в квадрате? Отматывая пленку нашего времени назад, глядя на двадцатый век из следующего тысячелетия, таких счастливых мгновений, как мне представляется, после Великого Октября у нашей страны было три: парад Победы, полет Гагарина и Ельцин на танке.

Господи, да почему же так мало? Почему по пальцам одной руки можно пересчитать даже не прекрасные, а всего лишь светлые мгновения, в которые, если не всему народу, то по крайней мере его большинству одновременно хорошо? И почему сбывшаяся мечта у нас всегда бывает только мгновением? – думал я тревожно, попивая кофе на Площади перед Фонтаном де Треви в Риме, тем самым, глядя на который Николай Васильевич Гоголь писал *Мертвые Души*.

ИСТИНА В РОССИИ ГЛАГОЛЕТ УСТАМИ МЛАДЕНЦЕВ И ЖЕНЩИН, РОДИВШИХ ИХ

Незнакомая женщина говорившая по телефону автомату (а я, нетерпеливый как все мужчины, ждал, чтобы скорее кончила) сказала кому-то:

- Я вчера смотрела прямую передачу из думы. Так ты не поверишь – они там все как, мой Вася. Один в один!

РУССКИЙ СМЫСЛ

Вопрос: *Кому на Руси жить хорошо?*

Утверждение: *Человек создан для счастья.*

Великие русские писатели и поэты

Человек создан для счастья, как птица для полета в безвоздушном пространстве!

Начало статьи о полете Гагарина, навечно запавшее мне в душу

Когда я слышу вопрос: Кому на Руси жить хорошо? – и потом, после долгого и глубокого анализа – или без оного, так сказать с бухты-барухты – приходят к выводу, что никому (!?), я отвечаю вопросом на вопрос: а кто сказал, что Господь создал человека для того, чтобы ему было хорошо жить? Покажите мне того, кто это сказал первым, люди добрые!

И: когда я слышу возгласы вроде *человек создан для счастья* или *я так несчастна*, я спрашиваю: А с чего вы взяли, что человек создан для счастья? Почему вы так решили? Это сказал один из героев Короленко (даже не сам Короленко – заметьте!) – и тем более не Господь Бог. И вот: этот безответственный, хотя и обнадеживающий афоризм повсеместно цитируют и преподносят как абсолютную истину!

В Библии ничего не сказано о том, что мы созданы для счастья. И о том, что нам всем вместе, как виду *homo sapiens*, предначертано хорошо жить, в Священном писании, насколько я его знаю, нет ни словечка. Сказано в книге Бытия: “*И сотворил Бог человека в образе Бога и по подобию Бога сотворил Он его, мужчину и женщину сотворил Он их, и благословил их Бог, и сказал Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и властвуйте над нею*”(Бытие 1:27). и далее: “*И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа. Потому... прилетится человек к жене своей и будут плотью одной*” (Бытие, 2:21-24). И все. О счастье, или о том, чтобы кому-то за земле хорошо жилось, ни слова. Другое сказано: “*И увидел Бог, все что Он создал, и вот, хорошо весьма.*” (Бытие, 1-31). И все. Но ведь то, что мы созданы хорошо, совсем не то же самое, что мы созданы для того, чтобы нам было хорошо, не так ли? А ежели я неправ, пусть старшие товарищи по вере меня поправят. Если электропила создана весьма

хорошо, это еще не означает, что она создана для счастья, не так ли? Может быть, мы созданы Господом не для счастья и не для того, чтобы нам хорошо жилось, как эту хорошенькость ни понимаешь, а, для чего-то другого? Например:

для любви??

или для передачи традиций детям и внукам? ?

или для превращения времени в шар? ?

или для созерцания красоты заката с косогора? ?

Как русский человек, я убежден, что эти цели нашего существования намного осмысленнее, богаче и человечнее, чем навязываемые нам европейские.

Как только мы, люди добрые, вернемся к пониманию (с которого, кстати сказать, нас уже не один век пытаются сбить) того, что человек создан не для стационарного счастья из года в год, и не для того, чтобы ему изо дня в день хорошо жилось, в чем с упорством, достойным лучшего применения, нас убеждают европейцы и им сочувствующие, а для любви, страсти, мечты, полета, щедрости, широты и других вечных русских ценностей, за которые наш народ, как один человек, готов постоять и даже отдать самую жизнь, жить Нам станет лучше и веселее, привольнее и вольготнее, ярче и безмятежнее. И не в какой-то там сизой-пресизой дали, а немедленно. Клянусь и ручаюсь!

ЗОВ ПОТОМКОВ

“А он, мятежный, просит бури...”

“.....порыв мятежный

Развеял...”

А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов

В ПЕРЕД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА

Лозунг, много лет висевший на площади Ленина в Ленинграде из особого уважения к памятнику вождю революции, ненароком превращенный его дизайнерами в сексуальный призыв.

Мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его.

П.Я.Чаадаев

Глубоко размышляя над природой нашей непреодолимой Тяги Вперед, а также анализируя ее внутри себя долгими ноябрьскими вечерами, я пришел к твердому убеждению, что в ней есть нечто хтоническое. Она не что иное, как вечный зов наших потомков, которые в эстремальном сознании, в котором мы находимся, как ни странно, от предков практически не отличаются. Наша Тяга Вперед – от вечных кочевников, причем даже не обязательно скотоводов. Это романтика наших туристских походов, географических и геополитических открытий наших великих первопроходцев, наших побед над татарами и турками, переходов Суворова через наши Альпы, марш-бросков гусарских и буденновских эскадронов, путешествий из Петербурга в Москву и Сочи, вездеходов, застрявших посреди Великого Бездорожья, плаваний на свободно дрейфующих льдинах и атомоходах, сплавов по тихим и бурным рекам, счастья заблудившегося в лесу, завоевания Казани Иваном Грозным и покорения Сибири Ермаком Тимофеевичем ... Как человек русский, я чувствую в себе эту неодолимую тягу ВПЕРЕД, особенно усиливающуюся в сумерках, когда для того, чтобы увидеть то самое, что только что видел ясно и без всяких усилий и напряжений, чтобы мало-мальски уразуметь, что это здесь маячит и какое оно имеет отношение к тому, что было и будет, с каждой минутой надо все больше вглядываться и напрягать органы чувств. Это ведь так ясно, так понятно: и надо бы перейти к оседлой жизни, к стационарному состоянию, к постоянным ценностям и ответственности за свои действия – да все недосуг. Что неохота, то неохота. Душа на волю рвется, как конь из конюшни, как птица из клетки, как корова из стойла, как Алеша Попович из сборочного цеха, где ему осталось проработать четырнадцать лет до пенсии. В результате всего этого – то есть и опыта, и раздумья – истинно, истинно говорю вам: мы, русские – последние кочевники на земле. Мы вечно стремимся вперед, причем особенно неудержимо именно тогда, когда хорошо сидим. Нет народа мятежнее нашего! Цыгане по сравнению с нами просто эвкалипты какие-то. И это при том, что телом мы привязаны к родной земле, как никто на свете. Парадокса здесь нет. Ибо мы – кочевники духа! !

Пока я занят конкретным делом, зуд рваться вперед во мне ослабевает. Как, впрочем, и желание опохмелиться (кстати, как я заметил, эти два мощных народных зова во мне неизменно идут рука об руку – это как закон природы, вроде русского всемирного тяготения). Но стоит мне расслабиться, впасть – хотя бы и ненадолго – в удовлетворение от достигнутого, в душевное равновесие, в счастье, в безмятежность и тому подобную пустоту – в ту же минуту, я слышу в себе полковую трубу потомков. И тотчас – в худшем случае наутро – о чудо! меня уже зовут барабаны родины во плоти и крови: на демонстрацию, на собрание, в военкомат... Эта корреляция настолько феноменальна, что сомнение в том, что власть и я есмь части одного организма, развеивается, как дым от туристского костра. А уж кто-кто, а мы знаем по опыту, что:

если бьют только барабаны –
значит, ВПЕРЕДИ только начинается.

И вот я, точнее мое вечное я, уже встает и оглядывается в полной боевой готовности: куда ж нам плыть? (идти?, скакать, лететь, стартовать, бить, громить, разоблачать, развертывать, запускаться, погружаться, бежать) с маузером на боку и сумой за спиной, с ракетой под бронежилетом и с саблей наперевес, фигой в кармане и палицей в деснице, скаткой через плечо и огнем в глазах: ВПЕРЕД к коммунизму? ВПЕРЕД к рынку? ВПЕРЕД к опричнине? ВПЕРЕД к революции? ВПЕРЕД к трезвости? ВПЕРЕД к капитализму? ВПЕРЕД к досрочному завершению построения? ВПЕРЕД к язычеству? ВПЕРЕД к победе коммунистического труда? ВПЕРЕД к Европе? ВПЕРЕД к раскулачиванию? ВПЕРЕД к домострою? Не суть важно. Главное – ВПЕРЕД! Не останавливаясь на достигнутом ни на минуту. Рраавняйсь. Смирно. Рравнение на грудь сто одиннадцатого человека. Шавло, сделай правое ухо выше левого. Валендо, рразберись по шесть. С песней... дистанция три шага...

Ну, вот мы уже и устремляемся! Но - стоп!! Давайте мысленно – всего только мысленно! - обуздаем нашу безудержность. И, пока мое материальное тело движется ВПЕРЕД в едином порыве вместе с вашим, - нас ведь все равно не остановить, нет такой силы в мире, не так ли!? - сядем. Примем по сто пятьдесят. И посмотрим на самих себя, остающихся на месте, несмотря на непрерывное движение ногами вперед (а куда ж еще, кроме как вперед? Нам больше некуда!), глядя на нашу величественную прыть как бы в морской бинокль.

Вперед можно устремляться двумя способами:

- 1) организованно и
- 2) молодецким натиском.

Откровенно говоря, я не знаю, какой из двух способов более устрашающий: рядами и колоннами или, так сказать, с криком «ура». Не для врагов – да пропади они пропадом, враги наши, кто о них думает, о врагах, бьем, били и будем бить – какой из этих двух способов устремления в будущее страшнее для нас самих? Вопрос, загвоздка, загадка славянского сфинкса... Конечно, движение прекрасно само по себе, кто спорит. И тот, кто замороженно всматривается в окно поезда, наслаждаясь изменчивостью панорамы, на время забывает о цели своего путешествия. Но все же: куда движемся, братцы? Вот что тревожит мой ум, возвращенный и возмужавший в миролюбивых походах. Чем занять себя после того, как одержим очередную окончательную победу? Где обнаружим свое местонахождение, когда приостановим наше непрерывное наступление, чтобы произвести перерекогносцировку и, временно перейдя к оседлости духа, разобьем, так сказать, бивуак? Не знаю, не знаю. Что делать с плодами нашей очередной неизбежной победы? Кем заполним образовавшуюся после уничтожения побежденных брешь? Вопросы, вопросы... О, эти вечные вопросы мятежной русской души!

НАША КРЕПОСТЬ

ОДНА САТАНА И ОДИН АНГЕЛ

Муж и жена – одна сатана...
Русская народная мудрость

Русская семья в среднем нормальна на сто процентов, потому что прекрасная половина ее нормальна на двести.

Муж и жена - одна сатана и один ангел. Кто сатана, понятно. Кто ангел – тоже.

НАША ТВЕРДЫНЯ

*Коня на скаку остановит.
В горящую избу войдет...*

Правильно. Некрасов, конечно.

Рукою крепкою.
Библия
Господь Бог

В своем многотерпении русская женщина не просто неколебима. Она бесконечно неколебима. Она знает, что за ее спиной, как за каменной стеной (а сверх того, и за ее каменной стеной тоже) должен быть идеальный порядок. Она знает, что дети должны быть накормлены, а муж, сверх того, еще и ухожен. Она знает, что ее дом должен твердо стоять на своем фундаменте при любых катаклизмах - и держит его рукою мощною.

Однако! к сведению иноподданных: русская ангел не для всех ангел с крылышками. Обольщаться не советую. Ибо ее терпение бесконечно только с русским мужчиной. Скажу вам по секрету, господа иностранцы, что русская женщина не тесто, из которого лепи-не-хочу, как это кажется на первый взгляд, а сооовсем даже наоборот. Она – твердыня! Хотя ее голубой глаз никогда не меняет ни цвета, ни чарующего безмятежного выражения (что само по себе признак недюжинной силы) - разве что в страсти еще голубее и еще прозрачнее делается - и тем не менее: в гневе он, этот ее голубой взгляд, сражающий наповал половых бойцов во всех частях света, несмотря на свою голубизну и прозрачность, сравним лишь с испепеляющим взором Архангела Михаила. По сравнению с ее характером легированная сталь кажется ну, просто манной кашкой в тарелочке.

До какой степени мощь русской женщины сверхчеловечная видно из того всемирно небезызвестного факта, что, едва выйдя из терема, она села на русский престол и сто лет ¹ ее было не выбить с него никакими штурмами и осадами. Коня на скаку... В горящую избу... Все это ничто по сравнению с тем, чтобы держать в узде армию неуправляемых подданных или одного единственного непредсказуемого муженька. А ведь власть над одним удержать труднее, чем над сорока миллионами, это совершенно точно, потому что работать приходится в нечеловеческих условиях, буквально голыми руками, не вооруженными почти ничем.

РУССКИЙ ДОМ

Мой дом - моя крепость. Наш дом –наша крепость.
Русские народные мудрости

*Человек, у которого нет жены, не человек, ибо сказано:
"Мужчиной и женщиной сотворил их и назвал их человек"*
Мудрец

"Мое!" – сказал Онегин грозно...

---

¹ круглым счетом – но кто считает, кроме историков

Кто это сказал? Правильно, Пушкин.

Русский дом – это Россия в миниатюре. В которой муж - это государство, а жена – это человек. В самом деле! русский муж:

Непредсказуем – как государство;

Если бьет, значит любит – как государство.

Что хочет, то и делает – как государство.

Куда деньги тратит, неизвестно – как государство.

Может пойти на сторону, причем в любой момент и в любую – как государство.

Что делал вчера, сегодня уже не помнит – как государство.

За собой вечно и бесконечно оставляет свинарник – как государство.

Прокормить себя не может – как государство.

Требует постоянного ухода, как дитя малое – и государство,

Может загулять, как государство,

Закусить удела, как государство,

Распоясаться, как государство,

Разгуляться, как государство,

Дать по лбу, как государство! -

но и:

Пригреть может – как государство,

Трахнуть так что не скоро очухаешься – как государство,

Златые горы и кисельные берега наобещать – как государство,

Врать на голубом глазу, как государство

и вообще: он свой-пресвой, родной-преродной (да чего там обиняками да обиняками: плоть от плоти она и есть плоть от плоти!) – ну прямо совсем как государство, которое тоже родное-преродное, свое-пресвое и плоть-переплоть настолько, что поставь их рядом: российского мужчину и российскую государственность – сиамские близнецы, да и только. Без полбанки не отличить.

ДУХ ОТ ДУХА

Русская женщина не только плоть от плоти мужчины, как все остальные дочери Евы на планете Земля. Она еще и дух от его русского духа.

Ницше устами Заратустры обнаружил мысль, что в каждой женщине есть загадка, но в ней же кроется и разгадка ее таинственности, имя которой - дети. Русская женщина не такова. Разгадка загадки русской женщины – русский мужчина. Который тоже, скажу я вам, не день открытых дверей в Государственном банке.

HOMO PASSIONARIENS

Русский мужчина единственный из однополчан (в лингвистически точном смысле слова однополчане – БРАТЬЯ ПО ПОЛУ), единственный, повторяю я,

мужчина среди цивилизованных народов запада и востока, юга и севера,
ЕДИНСТВЕННЫЙ! – я подчеркиваю еще раз - который живет страстями.

В крайнем случае – чувствами.

Захваченный вихрем чувств, русский мужчина может бросить к ногам любимой миллион алых роз, продав все на свете, включая и крышу над головой! В урагане страстей он просто не в состоянии не купить ей гранатовый браслет или бриллиантовое кольцо, расплатиться за которые у него потом жизни не хватит! По одному движению пальчика любимой он, не раздумывая, бросит прокатный стан, руль бульдозера или пульт управления движением поездов и улетит за ней в ... Нарьян-Мар! Не взлететь в бурное небо (любви, дружбы, веры, самоотверженности, самоотречения...), до которого ему рукой подать – протяни руку, и вот оно, небо! русский мужчина просто не может, как орел не может переместиться в пространстве с одной скалы на другую не взлетев для этого в облака. Русский мужчина органически неспособен не отдать все и отдать не все - это было бы противно (причем не просто противно, а противно до омерзения) его русской природе. И – и это самое главное! – совершит он все это – то есть подарит миллион роз (долларов, поцелуев), или отдаст себя женщине (другу, Работе, Родине, Богу), или пожертвует (домом, деньгами, друзьями, карьерой, будущим) без тени расчетливости, ни минуты не раздумывания, просто от широты души, от русскости его боголепной так же естественно, как дышит. Западный человек, восточный человек, южный человек и скандинавский человек так не могут. Только русские.

В страсти к страсти – небо русского мужчины. И в ней же и его западня. Ну конечно же, если живешь чувством и страстью, то летаешь: от земли до неба, от бездны до ее отражения! это само собой разумеется, а как же иначе? Это европейцев и американцев бездна пугает. А нам в ней хорошо и уютно. Бездна для нас – все равно, что дом родной.

Летать - так летать! Куда? Такой глупый вопрос может задать только европеец. Если бы был всемирный конкурс вопросов, не имеющих смысла, то на первое место я бы наверняка поставил его. Спросить меня *куда летать?* так же нелепо, как спросить европейца, куда жить. Куда чувство зовет – туда и парим, леди и джентельмены, куда страсть забросит – туда и пикируем: вихрями, спиральями, запятыми, вопросительными знаками, кругами, шарами, кубами, звездами – господа, да это же так просто, так естественно, так очевидно! Мы же свободные люди!! В небо так в небо, в пропасть, так в пропасть. Весело! Мощно! Страстно! Кругами, шарами, спиральями, сферами, додекаэдрами, вопросительными знаками, запятыми и – кубарем. Обязательно кубарем! Отважно! Щедро! Безоглядно! По-русски! Так, чтобы дух захватывало!!!

...Падение в бездну, равно как и полет в небеса, между прочим, пугают только тех, господа европейцы, которые забыли о том, что человеку Богом дадены крылья. А поелику Бог дал нам крылья, не летать на них – значит гневить Его! Что вы и делаете.

В страсти к страсти - секрет вечности русского духа. Мгновение в буре чувств равняется жизни, а ночь с любимой – это и есть вечность, настоящая вечность, а не какая-нибудь ваша, занудная, вроде бесконечного вычисления знаков

числа пи. До бесконечности из России намного ближе, чем из любого другого места в ойкумене. Не очевидно это может быть только закостеленному европейцу.

Именно в триединстве *без остатка, не колеблясь и от души* заключается неотразимая привлекательность русского мужчины для русской женщины – как впрочем, и для всякой другой. Именно поэтому для русской женщины русский мужчина – царь-мужчина. Именно поэтому русские мужчина и женщина созданы друг для друга, как птица и ее крылья.

ПОЧЕМУ ОНА ЕГО ЖАЛЕЕТ?

То, что на русского мужчину не похож никакой другой и что за рубежом просто некого поставить рядом со мной и нами, всему миру ясно, как таблица умножения. С русской женщиной сложнее. Секрет того, почему именно нашим колдуньям и чаровницам нет равных на рынках жен и невест от Копенгагена до Лос –Анжелеса, до сих пор не раскрыт. Сказать, что среди женщин ВСЕХ других народов меньше красавиц – значит, сказать неправду. А чешки? А мулатки? А шведки? А бразильянки? Давайте смотреть правде прямо в глаза, не мигая и не подмигивая: среди звезд мирового экрана и высокого подиума россиянок не так уж много. То есть: в прямом столкновении русской женщины с нерусской на фотографии победитель не predetermined – признаю это, несмотря на стопроцентную пристрастность и даже зависимость (не скажу, как к наркотику – как к русскому национальному напитку) от наших и к нашим. Однако: если все это так (а это так), почему – не для фотографии, для живой жизни – наши лучше всех?! Почему наши девушки и женщины в соревновании за место под мужским солнцем бьют всех и вся, не прилагая к этому ни малейшего усилия? Почему простая русская баба всюду проходит, как хозяйка, от Елисейских полей до пляжей Бразилии, от итальянских ресторанов до поместий английских лордов, стирая национальные и интернациональные границы меж всем, что под ногу попадет? Почему наши зайчики и ласточки на мировых рынках котироваются по высшей из всех существующих и несуществующих категорий, а наши автомобили и телевизоры смешно сказать?

Скажу честно: я не берусь раскрыть секрет русской женщины стоя на одной ноге – для этого нужна другая книга, или другая жизнь, или другая вечность, а, скорее всего, и то, и другое, и третье. Однако наглядно продемонстрировать, что русская женщина и нерусская женщина – существа с разных планет, могу в двух строках, ибо чтобы убедиться в том, что это так, достаточно ткнуть в ту и другую почти наугад.

Сообщаю факт, который – готов спорить на все национальное достояние Америки – озадачит любого нерусского человека, будь он женщиной или ее половой противоположностью – а в то же самое время для русского мужчины и его плоть от плоти покажется до того всем известным и элементарным, вроде приготовления яичницы, что просто смешно обсуждать его всерьез и упоминать не всуе:

Русская женщина никогда не отдаст мужчине душу и тело

прежде, чем пожалеет его.

Но почему? – в глубоком изумлении, а сверх того и в до самого своего основания потрясении (ибо нерусским женщинам, к какой бы категории нерусских они ни принадлежали, покажется, что женская почва под ногами поколебалась, словно они присутствуют при землетрясении, или вообще ушла из-под каблуков в пропасть, как снежная лавина из-под лыж) скорее вскрикнет, чем спросит бразильянка, шведка, чешка, мулатка, француженка, индианка, персиянка, возможно, китаянка, безусловно, американка и прочая и прочая и прочая. И могут искать ответ на свое собственное недоумение внутри себя до второго пришествия, до нового начала вселенной, до посинения, поголубения и порозовения, до того, как их дети сделают их прабабушками – и все равно не найдут его.

Нерусские не заметят и даже не почувствуют, а в лучшем случае, подумают, что почувствовали, как от кроткого молчания русской женщины рушатся и засасываются в черную дыру (ведущую – как дружно уверены европейцы, американцы и азиаты – в бездну небытия) автострады, небоскребы, эйфелевы башни, парламенты, биржи, суды, полиция, конституции, свободы, истины, справедливости, вольтеры, аристотели, платоны, фидии, парфеноны, дельфийские храмы – для того, чтобы родиться заново в другой Вселенной, в которую из небесной воронки тихо падают вверх и занимают свое место в русском пейзаже луга, перелески, тихие заводы и задумчивые Аленушки, сидящие на пенечке с полным лукошком боровиков на коленках.

Тщетно будет ждать ответа нерусская женщина. Русская только улыбнется (или это только им, нерусским, кажется, что она улыбнулась?). Поведет плечами и бровью. Посмотрит на все на свете краем своих полуопущенных глаз. И ничего не скажет. И даже ничего сразу не сделает. Но мужчины всего мира – бразильцы, итальянцы, шведы, чопорные англичане, пылкие испанцы, непуганые арабы и аргентинцы, не говоря уже о затюканных американцах – все, – почему-то окажутся у ее ног. И произойдет это рефлекторно, по трубному зову природы, само собой, на уровне *не было, не было и вдруг есть*. Так слетаются мотыльки на свет фонаря, сами не зная почему.

РОССИЯ И ВОДА

“Пусть, например, какой-нибудь народ, благодаря стечению обстоятельств, не им созданных, в силу географического положения, не им выбранного, расселится на громадном пространстве, не сознавая того, что делает, и в один прекрасный день окажется могущественным народом: это будет, конечно, изумительное явление, и ему можно удивляться сколько угодно: но что, вы думаете, может сказать о нем история?”

Настоящая история этого народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить, и когда начнет выполнять ее с тем настойчивым, хотя и скрытым, инстинктом, который ведет народы к их предназначению.”

**Петр Яковлевич Чаадаев.
Апология Сумасшедшего.**

“Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении. Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага,

ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас.”

Петр Яковлевич Чаадаев.

Философические письма. Письмо первое

“Be water, my friend”

Брюс Ли,

Мастер восточных единоборств

Не только обычные люди, но и эксперты, и люди выдающегося ума независимо от их политических или экономических воззрений и симпатий, при попытке понять Россию неизменно оказываются в тупике. Их озадачивает решительно все. И отсутствие вектора национального развития, который был бы неспособен изменить направление буквально в мгновение ока, причем так неожиданно, что всего за пару минут до означенного изменения никто кроме Господа Бога не мог бы предсказать, как повернутся события. И готовность в любую минуту бежать, куда глаза глядят – или наоборот, внезапно остановиться, да так, что и бульдозером с места не сдвинешь – особенно в том направлении, в котором уверенно двигались давеча. И отсутствие четко сформулированной национальной идеи. И то, что мы очевидным образом не вписываемся в какие бы то ни было классификации. И то, что мы не похожи ни на европейцев, ни на азиатов. И то, что в любую минуту готовы бросить все и начать сначала. И то, что, не смотря на постоянные и казалось бы непреодолимые препятствия, мы непрерывно распространяемся по земле, либо как держава, либо как неудержимый поток индивидуумов – но все равно распространяемся, не так, так этак. И то, что мы проникаем повсюду, особенно туда, где висят надписи типа “Посторонним вход воспрещен” или “Проезд закрыт”. И даже то, что наши бандиты в Европе, в отличие от итальянской мафии, организуются не в постоянные сообщества, а в флуктуирующие, распадающиеся после каждого дела и собирающиеся заново – чем немало озадачивают тамошних полицейских. Все это – и многое другое – ставит и профессионального исследователя России, и независимо мыслящего мыслителя, и недруга нашего отечества, и его патриота – в равный тупиковый тупик. Который однако таковым не является. Если взглянуть на самих себя сверху, свободным взором, поверх, так сказать, самых высоких потенциальных гор. То есть поверх абсолютно всяких барьеров которые созданы: историей, философией, языком, традициями, заповедями, моралью, законами наконец. Не с точки зрения людей, повязанных по рукам и ногам языком, условностями, семейными узами и обузами, и вообще чем бы то ни было, а с точки зрения законов природы, из которых законы физики самые фундаментальные.

С такой энергетической и научной высоты, в свете открывшейся так сказать панорамы, наш народ становится понятен и закономерен. Более того: фундаментально закономерен. Равно как и пройденный нами путь. И все вышесказанные якобы неразрешимые загадки народа русского и нашей страны разрешаются как бы сами собой. И наше неудержимое всепобеждающее

расширение понятно. И наша готовность в любую минуту начать сначала. И наша сверхпроходимость. И непредсказуемость нашего прошлого. И наша национальная идея – все как на ладони.

Все дело в том, что для того, чтобы понять нас, надо вернуться к самым истокам человеческой цивилизации. А может быть даже еще раньше – к созданию неандертальцем первого каменного топора. Всякая цивилизация начиналась с того, что люди пытались создать нечто устойчивое, твердое. Начиная с копья с наконечником и соломенной крыши над головой. То есть держа перед глазами образ твердого тела. Лопаты, ломы, стулья, часы, компьютеры, дубины и автомобили сделаны, разумеется, из твердых тел. Засим традиционно считалось – и считается до сих пор – что и цивилизацию можно построить только на чем-то неизблемом. А почему собственно? Правомерно ли такое обобщение? Ведь хорошо известно, что каждое вещество может находиться в как минимум трех состояниях: твердом, жидком и газообразном. И модель твердого как единственной формы в которой может быть построена цивилизация, не такая уж самоочевидная. Тем более что жизнь как таковая совсем не является твердой. Все живое, включая и человека, как хорошо известно, более чем на девяносто процентов состоит из воды. Которая отнюдь не тверда, если, конечно, ее не охладить в холодильнике. После чего вода, разумеется, замерзает – но вместе с нею и жизнь.

Идея, что цивилизация возможна только при охлаждении общества ниже некоей точки общественного плавления, ограничивающей количество степеней свободы ее элементов в такой степени, чтобы они были локализованы (чем собственно и характеризуется твердая фаза), была продуктивна на определенном этапе развития человечества. Твердотельная модель столбового развития цивилизации, на которой основаны и техника, и наука, и юриспруденция, и мораль, и градостроительство, и станкостроение считается единственно возможной. Хотя в действительности она таковой не является.

Россия и принципы ее построения не являются твердым телом, как все остальные страны – вот в чем загвоздка. Более того: мы не стремимся к твердому состоянию. Потому что по своей природе мы – жидкость!

Да, жидкость. Которая может растекаться по поверхности единым потоком или отдельными брызгами. Которая способна журчать наподобие ручейка и грохотать ниагарским водопадом, удерживать на плаву яхты и топить крейсера, полировать камни и сметать с лица земли целые поселения. В которой могут жить и рыбы, и водоросли, и акулы, и осьминоги. Которая может принять форму любого сосуда и испариться в любой объем.

Россия родилась (если верить знатокам астрологии) под знаком водолея. Случайно ли это? Не думаю. Отсутствие четко сформулированной национальной идеи является еще одним доказательством того, что мы не такие, как все остальные народы. **Мы жидкие.** Наша идея текуча, как мы сами – ну как ее сформулируешь? Человеческий язык ведь, и даже самый гибкий из языков –

русский – построены хошь-не хошь а по правилам. Существительные- сказуемые-наречия-предлоги... Казалось бы, универсально? Ан нет: попробуйте словами передать, например, запах букета или аромат вашей лестницы. Наша отечественная идея может быть определена только через ее свойства – и никаким иным образом. Русскость как национальная идея есмь нечто, что не имеет собственной формы – как и вода. Как только мир поймет, что русская идея – не твердое тело, а жидкое состояние, что мы, русские, жидкость, многое в нас сразу становится ясно: Более того: почти все:

- И то, почему мы распространились по земле, как никакой другой современный народ. Это же так просто: потому что, будучи жидкостью, мы растекаемся по всему, на чем находимся. И даже более того: можем проникнуть в любую щель и хлынуть в любую дыру!
- И нашу уникальную способность в любую минуту менять направление национального компаса. Там, где у стран Востока и Запада есть инерция, определяемая принципами, законами, религиозными императивами, долгом, традицией – мы просто начинаем течь в новом направлении по новому руслу – без всякой инерции.
- И то, почему мы предпочитаем не соединяться долговременными сильными связями, как атомы в твердом теле, а слабыми и ненадолго. Потому что мы не железо и не минерал, а жидкость, неужели не ясно?
- И то, почему русский язык, как и русский человек, противится любому порядку, даже порядку слов.
- И почему русское пространство испокон века не признавало прямых линий. Мы течем, как реки, извилисто и привольно; загнать нас в трубу, или в канал прорытый прямолинейно, можно только напором извне.
- И то, что мы не похожи ни на американца, ни на японца, ни на англичанина и вообще ни на какой твердотельный народ.
- И почему наше пространство не имеет координат. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд, ну скажем, на то, как разбросаны дома в старой русской деревне. Как возникали наши улицы? Не по линейкам, как Елисейские Поля и Пикадили. *Хочешь дом строить, Иван Иванович? – спрашивал барин - Ну ладно, строй вон там.* Все правильно: внутри жидкости ведь тоже нет прямых линий. В отличие от европейской цивилизации, начало которой – в эвклидовой геометрии.
- И почему, мы несжимаемы, сколько на нас ни дави.
- И каким это образом мы можем пройти через любую грязь – и опять стать чище чистого. Испари воду – и она будет дистиллированной. Это же тривиально.
- И отсутствие четко сформулированной национальной идеи. Наша идея текуча, как мы сами – ну как ее сформулируешь?

Как вода растворяет любые вещества, так и мы принимаем любую мысль, традицию, убеждение, оставаясь при этом самими собой. Мы можем быть невероятной силой сметающей все и вся (русский медведь) и тихохонько плескаться о бережок (мечтательность славянина). Затвердев при понижении национальной температуры где нибудь в канцелярии или за границей, мы можем временно обрести форму, которую теряем немедленно под

живительными лучами родного тепла. Нагрей лед – и все сконструированное из него исчезает, не оставя никакого следа. Он опять превращается в воду, каковой она, родимая, была и сто, и сто тысяч лет тому назад. Вот так и мы.

Мы, русские – живая вода человечества. Способная растворить в себе все и вся. История это убедительно доказала. Не случайно живая вода (aqua vitae) чаще всего встречается именно в русских сказках.

Растворы могут быть щелочными или кислотными, сильными или слабыми. Что в применении к нам означает: в малых дозах в нас можно растворить кого угодно и что угодно, придав русскости тот или иной привкус: кавказский, казахский, украинский – привкус, не более. Ибо сама русскость, как родниковая вода – нейтральна.

Неправда, что мы обтатарились. Напраслина это. Разве мы сели на лошадей и поскакали в бескрайнюю степь? Разве покинули города наши и стали кочевниками? Разве перестали пахать и сеять, сажать и доить? Но мы и не объевропеились. Разве мы когданибудь подчинялись законам? Разве стремимся к золотой середине и умеренности иже с ней? Разве тяга к порядку в нас стала сильнее чем к его разрушению? Отнюдь нет: Мы приобретаем черты и формы чего угодно и при этом не изменяемся ни на йоту. Для тех, кто понимает цивилизацию по старинке: как неколебимое сооружение, стоящее на твердых основах – это нонсенс. Но если уразуметь, что цивилизации могут быть не только твердыми но и жидкими – это, господа, тривиально.

Восток и Запад учат нас, россиян, быть твердыми в принципах. У одних одни принципы, у других другие, но у всех твердые. А для чего собственно? Кто доказал, что вещество в жидком состоянии хуже чем оно же но в твердотельном? Что лед или камень ближе к идее цивилизации чем вода или пар? Ручаюсь, не Господь Бог, для которого все состояния вещества одинаково драгоценны. А жизнь, жизнь как таковая уж точно все что угодно только не твердая фаза. Мы, русские, намного ближе к замыслу Божьему, чем любой другой народ –я это ответственно утверждаю.

Да, Петр Яковлевич. Настоящая история народа русского началась с того дня, когда мы прониклись идеей, которая нам доверена и которую мы призваны осуществить – то есть в незапамятные времена, когда мы начали выполнять ее с тем настойчивым, хотя и скрытым, инстинктом, который ведет народы к их предназначению. Мы расселились на громадном пространстве не благодаря стечению обстоятельств, не нами созданных, и не в силу географического положения не нами выбранного, а в силу того что, будучи жидкостью, растекаемся по любой поверхности, на которой оказались по воле Божией. Мы созданы для того, чтобы свободно разливаться по Земле-матушке, как всемирный потоп. Воистину величественная миссия!

Недавно по телевизору показывали ретроспективу фильмов гения восточных единоборств Брюса Ли. И интервью с ним. В котором Великий Мастер, давая советы своим незримым ученикам – то есть нам с вами – несколько раз повторил: “be water, my friend”, будь водой, друг мой. Именно не как вода, а водой. То есть

Учитель Побеждать призывал человека превратиться в стихию. Не вполне ясно, рассматривал ли Ли необходимость такого самоотожествления только во время поединка или же как образ жизни. И является ли этот стиль его индивидуальным путем кон-фу или у Ли были предшественники. Но в любом случае Великий Единоборец не рассматривал возможности того, что **жидкой средой может стать целый народ! Мы являемся живым воплощением этой идеи. Мы создали совершенно новое философское направление – акваризм**¹. Мы акваристы. О чем не подозреваем, как господин Журден не подозревал что говорит прозой а молекулы H₂O, перемещаясь туда-сюда и сталкиваясь друг с другом, понятия не имеют о том, что они – жидкость.

Конечно, чтобы создать сотовый телефон, бульдозер или противогаз, одной акваристичности недостаточно: для этого нужны знания, навыки, профессионализм на худой конец. Нельзя отрицать также, что, будучи акваристом чистой воды, в начале 21 века не создашь двух одинаковых автомобилей Волга или сапогов 42 размера, сходящих с одного и того же конвейера. А через пятьдесят, сто лет? Есть все основания предполагать, что по мере развития цивилизации технологии будут все более гибкими, как наши иммунные системы, работа сердца, печени, селезенки, и святая святых разума – головного мозга. Тогда мировая наука и техника дорастут до акворизации, как полвека лет назад микроэлектроника доросла до японцев, спокойно так сказать сидевших на корточках, у которых в национальном характере – вглядываться в детали и копаться в них, и которые тысячу лет всем народом как бы тем только и занимались, что ждали звездного часа. Вот так и мы. Да! Сегодня собранные человеком устройства не работают по образу и подобию homo sapiens, сотворившего их. Каждый из нас бесконечным разнообразием режимов, в которых может функционировать, напоминает жидкость куда больше, чем стол или гирю. Когда же цивилизация достигнет уровня, на котором производимые человеком продукты будут устойчиво работать с любыми мутациями, останутся функциональными в бесконечном диапазоне форм, а для стыковки деталей их надо будет подгонять друг к другу не жестко, а обволакивающе, наступит наша эра. Русская эра!

Нас невозможно победить. Оно и понятно: ну как победить воду? Что с ней ни делай: испаряй, сжимай, перегоняй, кипяти, перегораживай плотиною, заключай в сосуд, бей плетью, мешай с чем хошь - вода была и остается водой. Мы не имеем никаких структур, которые были бы нерушимы, никаких принципов, которые были бы неколебимы, Почему так? Да по той же фундаментальной причине: потому что мы жидкие. Ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в нас – как это верно замечено! Мы гибче чем даже сама гибкость – потому что в нас сгибать нечего. Мысль о том, что кто-либо или что-либо может согнуть россиян в бараний рог может вызвать только улыбку. Ну попробуйте скрутить струи дождя или воды реки Хуанхэ! Мы можем вместить в себя все, как мировой океан - но можем и начисто позабыть прошлое, если потребуется. Наша идея как и мы сами бесконечно бесформенна. Мы, русские,

---

¹ От латинского aqua, вода.

стыкуемся с природой и знанием не жестко, как винт с болтом, и не мягко, как подушка с покладаемой на нее головою – мы обволакиваем все и вся, с чем бы ни соприкасались. Мы принимаем форму чего угодно и бесконечно близки ко всему, погруженному в нас. Если это не цивилизация будущего, то что же тогда?

Мы акваристы. Мы особое состояние общественного вещества, не такое как в прочих странах. Которое намного свободнее, чем любой твердый народ. Я бы даже сказал бесконечно свободнее. Чтобы понять нас, ни слов ни формул не хватит – это знает любой серьезный ученый. Потому что мы жидкость. И этим сказано все.

ИМПЕРИЯ СТРАСТИ

Настоящих буйных мало.
Владимир Высоцкий

ИМПЕРИЯ ЗЛА. ОЧЕНЬ ЗЛА!

Американский президент Рейган назвал Советский Союз империей Зла. Двадцать лет спустя те же оголтелые выкрики снова слышны из той же Америки. И это несмотря на то, что Советского Союза нет и в помине. Следа от него не осталось. А на образовавшейся на его месте равнине мирно возникла совсем другая страна.

И что же? Мы опять империя зла или мы все еще империя зла? Да это курам на смех. Я с Рейганом и прочими американскими ястребами фундаментально не согласен. Мы с ними в этом вопросе кардинально расходимся и не сойдемся. Спорить и возражать я никогда не устану и не прекращу. Назвать Советский Союз империей Зла было исторической ошибкой, которая дорого стоила миру. Глубокая неправота Рейгана очевидна каждому, кто в Советском Союзе имел отношение к чему бы то ни было. Нет, господин Рейган, мы не были, не

есть и не будем империей Зла. И знаете почему? Потому что Ваша точка зрения слишком оптимистическая.

Да, господин Рейган. Оптимистическая. Идеалистическая. И наивная до альтруизма.

Разве, если бы Советский Союз был империей Зла, он бы распался так бескровно? Разве мы отдали бы берлинскую стену “за так”? Разве мы отпустили бы на волю народы бывших Советских республик без выкупа?

Нет, господин Рейган. Мы не империя зла. Если наша империя и зла, то только на вас и вам подобных за ваши безответственные выступления. Да будет вам известно, что для того, чтобы быть империей Зла, надо, во-первых, знать, что такое Зло, во-вторых, знать, что такое Добро, и в-третьих, четко отличать одно от другого. Мы до этого никогда не опускались. Мы находимся на такой громадной духовной и политической высоте, глядя с которой добро и зло сливаются воедино в нерушимый и неделимый конгломерат.

- Так кто же вы в таком случае? – спросит нас сбитый с только западный наблюдатель. – Там, на вашей невообразимой высоте?

- Я уже говорил, кто мы, и повторяю в последний раз, – гордо

отвечу я. - Мы Империя Правды. Которая настолько же выше добра и зла, насколько партия коммунистов и партия большевиков выше различия между ними.

СТО МИЛЛИОНОВ ФИГАРО

*Среди здешних чиновников честность была бы так же опасна, как сатира,
и так же смешна, как глупость.
Астольф ДеКюстин Там же.*

“Если одним словом... воруют.”
Карамзин

То, как Карамзин, а вслед за ним и Ключевский, припечатали нежно любимый ими народ, словно прокуроры приговор произнесли: дескать, все воруют, воровали и будут воровать на веки вечные – между нами говоря, безобразия. Они с этим их лаконическим экстремизмом до сих пор не получили отпора потому только, что есмь такие великие во- первых, историки и, во-вторых, патриоты, что даже сказать, что они переборщили в своем антинашем высказывании и вообще заехали не в ту степь, никто не решается. Я первый. Да, я намерен дать Ключевскому и Карамзину достойный отпор. С которым – убежден! – если бы сии боготворимые мною мужи меня выслушали, они бы первые с радостью согласились и вздохнули бы с бооольшим облегчением.

“Воруют” – фи, как это грубо сказано. Насколько же тоньше на ту же тему высказался якобы ненавистик нашего патриотизма и самобытности Астольф ДеКюстин! Воистину, во сто крат приятнее слушать галантного врага-иностранца,

которого наши порядки не достали по причине пребывания в России проездом, чем патриота-однопольчанина, у которого от ежедневного общения с возлюбленным им родным народом глаза на лоб лезут. Вот что сказал по тому же самому поводу, что и наши историки, самый язвительный из злопыхателей земли русской: *Русские – колдуны: под действием их волшебной палочки жизнь превращается в непрерывную фантасмагорию; игра эта утомительная, но разоряются в ней лишь растяпы, ибо там, где все плутуют, никто не остается в проигрыше.* Вот как возвышенно и задорно пишет ДеКюстин о том же самом самом массовом движении в нашей стране, которое Карамзин с Ключевским так безапелляционно пригвоздили. Его, ироничного недруга, захватило очарование всеобщего плутовства как образа жизни, о котором во Франции могут только мечтать и острить. Заметьте: барон именуется то, что отвечает одним словом на вопрос: “*Чем занимаются на Руси?*” изящно, на французский манер, куртуазно перенося акцент на процесс с его результата. Приведенную выше цитату можно было бы смело назвать Панегириком Грядущему Русскому, Одой Грядущему Остапу Бендеру, а вовсе не приговором грядущему Хаму, которым страдал Велимир Хлебников ¹.

Не случайно, ох не случайно был очарован и даже, я бы сказал, зачарован великий Астольф. Ведь в сущности образ жизни народа, который он описывает – это коллективное следование заветам героя Севильского Цирюльника. То есть, если послушать француза, получается, что Россия - это страна, в которой все, как один – Фигаро! Против чего никто в мире не возражает, включая и нас. Лучшего комплимента сделать невозможно – особенно, когда он - чистая правда. И впрямь: оглядитесь по сторонам, братья мои (включая в эту категорию и сестер). Разве у нас повсеместно имеет место происходить жесткое воровство ради результата, в смысле залез в карман и сбросил бумажник? Сколько раз, дорогой читатель(ница), за твою жизнь у вас украли кошелек? По пальцам пересчитать можно. Что уже математически опровергает афоризм великих историков земли русской – это как трижды пять. Да будет вам известно, дамы и господа, что в России не воруют. От беспрецедентного изобилия количество перешло не просто в качество, а вообще в новую ипостась. У нас налицо совершенно другое явление: ПЛУТОВСТВО КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ. Но плутовство и воровство – совсем не одно и то же. Присмотритесь, как добродушны у нас те, кто залезает в ваш карман! А какие душки, хлебосолы и обаяшки не вынимают рук из карманов государства – ну, просто невозможно оторвать от их милых физий умиленного взора!! И это воры? Конечно же, нет. Это любители жизни и женщин, прожигатели денег и времени, раблезианцы и эпикурейцы, выжиги и весельчаки. Плуты, одним словом.

Наша страна – это плутовской роман, длящийся тысячу лет на колоссальной сцене от Маркизовой Лужи до Моря Лаптевых. Комедия, Трагедия, Фарс, Водевиль, Мистерия, Хеппининг и Бытовая Драма в одном действии на зрителя, в которой участвуют сто пятьдесят миллионов актеров без антракта и перерыва на перекур. В которой глаз рассудка с блеском легкой болтовни смешались до полного

---

¹ Господи, какие пугливые были в начале прошлого века интеллигенты, если от предвкушения хамства – всего лишь хамства! они уже чуть ли не теряли сознание. О! если бы трубадуры серебряного века русской словесности знали, что их ждет и кто в действительности придет к власти, они бы не пугались хамов, а молились на них.

Неразлейводой. Жить у нас весело. Воровать весело. Плutowать весело. Гулять весело. Флиртовать весело. Пить весело. Плуты изобрели порох и паровую машину, компьютер и автомобиль, и еще все на свете впридачу. И разве только у нас? Плуты вертят биржами и правительствами, парламентами и ассамблеями. Вам, господа европейцы, кажется, что в вашей благопристойной стране все решает премьер-министр или президент, король или аятолла? А вы приглядитесь – и увидите за его спиной хитрую физию. И не одну.

Впрочем, насчет того, что у нас никто не в проигрыше – это Кюстин загнул. Это он впал от нашей с вами родной стихии в чрезмерную эйфорию. Те, кто плutowать не умеют, для кого переспать с незнакомым мужчиной за деньги – уже проституция, кто, когда ему клянутся – верит, а когда сам что-нибудь обещает, - делает – эти чудачки и чудачки, конечно, банк не срывают. Но не все остальные.

“Между обманщиком и обманутым существует совершенное сходство, и различаются они лишь силою...” – продолжает путешественник по 1839 году свои наблюдения. Ну, конечно! Они и должны быть похожи, как сиамские антиподы или как отмечаемое портье всех пятизвездочных отелей в мире на рубеже тысячелетий феноменальное сходство между новыми русскими и их охранниками.

Истинно, истинно говорю вам: ловкачи и проказники, жулики и пройдохи, Фигаро и Остапы Бендеры – люди прошлого. Будущего. И настоящего. Ибо нас есть царствие земное.

ОДНА ВРЕМЕННАЯ ТРУДНОСТЬ

Жить надо страстями - это ясно каждому, не зараженному европейскостью гражданину. Однако в этом нашем бурном подходе к всему на свете есть одна временная трудность, которая постороннему наблюдателю может показаться непреодолимой. Когда Иван-Царевич мчится за Марьей-Царевной на край света, проблем для его подданных не возникает: что есть принц, что нет принца – разница невелика. То же можно сказать и о Иване-Дураке, лежащем на печи вплоть до внезапного соскакивания с нее для совершения бессмертных подвигов: оттого, что сказочный лежебока оставил вверенную ему Василисой Прекрасной печь, а вместе с ней и самое Василису Прекрасную, причиненный ущерб народу относительно невелик. Однако: что происходит, если человеком страсти является не принц на сивке-бурке и не безлошадный Иванушка-Дурачок, а, скажем, оператор атомной электростанции? Сорвавшись со своего места ради возлюбленной, он в лучшем случае может оставить регион только без света! Если в то же самое время другой пылкий влюбленный по мановению мизинца дамы сердца бросает рычаг управления тепловозом и уносится с ней в предгорья Алтая, громадное счастье, если сей Персей сверхчеловеческим усилием преодолел стремительность своей пылкости и остановил состав. Если же homo passionarius – сантехник, ушедший в запой, как в забой (кое обыкновенное чудо в ночь перед рождеством случилось с домом, где я живу), то даже трудно вообразить, к каким ужасающим результатам это привело бы, если бы квартира моя находилась на Елисейских Полях, или – упаси Бог – на Медисон Авеню. Возникает вопрос: каким образом несмотря на то, что у нас каждый второй мужчина и практически вся головка страны являются убежденными пассионариусами, количество катаклизмов на душу населения в

единицу времени устойчиво держится на отметке меньше единицы? Каким святым духом поездам удается достигать пунктов назначения, а электростанциям - давать ток? Другими словами: каким образом наша национальная пылкость вписывается в мир, в котором определяющими являются высокие технологии?

Ответ следует искать в универсальности русского человека. Если в рядах, скажем, авиадиспетчеров внезапно оказалась пробитой брешь, ее место немедленно заткнет кто угодно, например бравший у него интервью журналист, или оператор газовой котельной, или участковый, преследующий взяточника, или нищий, взимающий милостыню с пассажиров, или еще какой-нибудь любой из нас.

Однако такая высочайшая степень общинности работает только на коротких отрезках времени, когда страна внезапно требует от прохожих совершить подвиг, а они все, как один, именно к этому-то и готовы с самого измальства. Если наступает момент, когда журналисту, участковому и попрошайке пора возвращаться к работе, которую они выполняли до совершения подвига, а амбразуру заткнуть по-прежнему некем, на передний план выходит другой решающий фактор.

К счастью – то есть, разумеется, прежде всего, к сожалению, и только после него, к счастью – не все русские люди обладают страстностью в должной мере. Значительный процент нас заражен вирусом европейскости настолько, что неспособен на пылкие действия. Вот они-то, эти безнадежно рациональные бедолаги, эти забытые нами илоты и социально асоциальные недотепы и являются оплотом твердой уверенности в светлом завтра нашей страны, в том, что все новые и новые сухогрузы будут вечно сходить с наших стапелей и все новые и новые спутники будут вечно бороздить наше мирное небо.

РУССКИЕ ТАЙНЫ

Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей
Поэт

Истинно, истинно говорю вам: Нет ничего явного, что не следовало бы сделать тайным.

Тайной в обществе должно быть окутано все.

Тайна, покрытая мраком ночи – это может каждый. А как насчет тайны утра, когда светает с каждым ударом пульса? А тайна светлого дня, когда кругом светлым-светло и все все видят совершенно ясно, тогда как на самом деле происходит диаметрально противоположное? Как можно под взглядами такого пристального наблюдателя, как Леон Фейхтвангер, смотревшего из первого ряда в упор, устроить спектакль Общественного Осуждения Врагов Народа? Как?

В России все считают, что обнародовать злодеяние неудобнее, нежели позволять ему длиться дальше, – заметил ДеКюстин в 1839 году, как бы подняв брови от удивления. Я согласен со всеми нами 200 лет спустя (круглым счетом). Ибо признать факт – значит разрешить ему существовать. Деяние есмь частность; обнародование есмь общность; обеспечение же примата общности над частностью и интересов общества над интересами отдельной составляющей его личности есть

первейшая задача государя – будь то президент страны или директор трамвайного парка. Злодеяние имело место или подвиг во спасение Отечества – это должно решить руководство, а не какой-то ДеКюстин. В России, как известно, за одно и то же можно и срок схлопотать, и орден получить, и у стенки лечь, и в Кремль въехать – кому какой фарт выпадет. И не ДеКюстинова ума дело, и вообще ничье, кроме того, кому положено решать, кому и куда.

Всякая власть от Бога – а стало быть, от начальства, его законного представителя. Мы – посредники между Народом и Небом. И, стало быть, Бог наш да Богом Тайны наречется. Мы достойные наследники Второго Рима, в котором, о том, как принимались решения и что происходит, народ мог только гадать, как, впрочем, и мы. Однако: мы оставили Византию далеко позади. У нас тайной пронизано все, а не только дворец Василевса.

В России повсюду властвует секрет – административный, политический, общественный. – с удивлением констатировал ДеКюстин. Это историческое свидетельство лишний раз подтверждает наш приоритет и мою правоту.

Подписку о неразглашении чего-нибудь у нас дает каждый. Это не что иное, как приобщение, вроде посвящения в масоны или рыцарский орден. Однако мера допуска к тайнам – они же кормушки – разная. Существует несколько уровней секретности.

- Высшая тайна – это когда сотрудники не должны знать, чем занимаются в соседней комнате.
- Наивысшая тайна – когда никто не должен знать, чем занимаются за соседним столом.
- И Русская Тайна – это когда россиянин сам не знает, чем он занимается.

В идеальном обществе облако тайны должно покрывать все на свете. Вопросы, что секретно и что не секретно, возникать не должно: в стране Нашей Мечты должно быть секретно все. Высших же секретов, вообще говоря, в Державе должно быть два: первый, что именно составляет предмет тайны, и второй: в чем конкретная тайна, о неразглашении которой гражданин дал подписку, состоит. Однако до этого идеального состояния общества нам на сегодняшний день опять далеко. О том, что именно составляет высшую национальную тайну сегодня, нет единого мнения. Свобода, разброд в умах... Одни считают, что главной государственной тайной является безделье. Другие – что тайной у нас было, есть и будет всякое деяние в чьих бы то ни было интересах. Что же касается тайн вертикали власти, то еще в бытность СССР я открыл универсальный закон: ЗА КАЖДОЙ ТАЙНОЙ ЦК КПСС СКРЫВАЕТСЯ ЧЬЕ-ТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Есть истины, которые, как атомную бомбу, следует засекретить еще до того, как они родилась; эта одна из них.

Закон сохранения тайн в России, который будет сформулирован ниже, универсален, как денатурат. Что лишний раз доказывает, что наша страна есмь Вселенная. Истинно, истинно говорю вам:

Тайны в России не рождаются и не исчезают.
Они лишь переходят из одних форм в другие,
однако общее их количество в расчете на душу населения
остается неизменным.

МЫ БЕЗОТХОДНОЕ ОБЩЕСТВО

Пока Кармен была одна, она была неотразима. Когда Кармен были в меньшинстве, они считались вселенскими обаяшками и им позволялось свободно чаровать мир к всеобщему глубокому удовлетворению. В девятнадцатом веке читательницы могли мечтать об очаровании всех стран и народов открытым Мериме способом. Но когда по стопам Кармен женщины потопали миллионными толпами – количество перешло в качество, а человечество – в новую ипостась.

То же и с Севильским Цирюльником. Пока Фигаро был один, Европа смеялась. Но когда она вдруг обнаружила, что у нее под боком народился целый народ, состоящий из севильских цирюльников, да к тому же огромный, как континент, и не где-то за океан-морем и Гималаями, а всего-навсего за Вислой и Тиссой – она пришла в ужас. А все потому, что европеец в глубине души не верит в то, над чем смеется. Ибо, восхищаясь творением Бомарше, он сомневается, что идеи Бомаршизма-Фигаризма можно претворить в жизнь, что авантюристы, сбившись в многомиллионный народ, могут построить металлообрабатывающие комбинаты, космические станции и атомные ракетоносцы. Мы же не только верили и верим – мы совершили эту фантазмагорию. Мы - трубадуры человечества, а вовсе не клептократы. Мы первыми в мире построили безотходный общественный строй. Как известно из зоологии, а природе имеет место круговорот живой материи. Все живое поедает другое живое, а заодно с ним и умершее, и поэтому, если можно так выразиться – *жизнь – это безотходное производство жизни*. Вот так и в России:

у нас каждый берет все, что плохо лежит, и перекладывает его туда, где оно лежит лучше. Таким образом, наш передел собственности – созидательный. Он является естественным противовесом засорению окружающей среды и превращению земли в свалку. Он неисчерпаем, как электрон и прогрессивен, как гениальная инженерия.

ОРГАНЫ НАШИХ ЧУВСТВ

Будьте здесь и будьте там.
Фауст. Гете

“Если на клетке слона прочтешь надпись: “БУЙВОЛ”, не верь глазам своим”, – изрек Козьма Прутков. Великий отечественный мыслитель не уточнил,

однако ж, какому именно взгляду не следует верить: тому, которым видишь слона, или тому, которым видишь надпись, сообщающую что слон этот - буйвол.

Между тем различие между этими двумя невериями тому, что у тебя перед носом, фундаментально: в первом случае глаза – и человек, которому они принадлежат - злостно упорствуют, ибо видят не то, что им предписано видеть; во втором - гражданин видит в соответствии с предписанием, притом особенно четко и ясно, если видеть приказано в письменном виде. Более того: как только будет обнародован приказ видеть в слоне не буйвола, а бабочку, мы, патриоты, все как один мгновенно переключим видимое, как телевизионный канал.

К сожалению, афоризм Великого Мыслителя Земли Русской слишком краток. Два тезиса к нему остались неразвитыми. Первый: кто и зачем приказал вешать таблички

НЕ СЛОН

на клетки слонов. Ответ наполовину очевиден: хозяин. Но чей? Только ли того, кто в клетке? Или же всех троих: и слона, и клетки, и того, кто читает вывеску, пребывая в странной уверенности, что живет не в вольере?

И второй: что именно должен видеть патриот, когда на клетке слона читает: “Буйвол” ? Слона? Буйвола? Или лицо хозяина зоопарка и ничего более?

МЫ ОБЩИННЫЙ НАРОД

Мы дружно слепнем, дружно прозреваем
Стихи неизвестного прозаика

Нет народа общиннее нашего. Испокон века наш мужик и наша баба были, есмь и будут готовы в любую минуту целиком и полностью передать свое счастье барину. Но если с нашего воза упало – для народа пропало – это я вам профессионально заявляю.

Наша общинность – прогрессивная штука, проверенная столетиями. Один нахапал – все расплачиваются. Одного поймали – все виноваты.

Мы ошибаемся только коллективно. Мы индивидуальны, когда идем на дерзновенный поступок, и соборны, когда крайне желательно, чтобы за его совершение ни на кого конкретно пальцем не показали.

Общую прибыль мы делим между немногими. Но, если приходит страстная минута искать виноватых, мы вспоминаем о коллективной ответственности народа и выносим коллективному себе условно укоряющий приговор.

Мы не ведаем, что творим, творя, когда очень хочется, и прозреваем все как один, как только этот один отдаст приказ единодушно прозреть.

Мы – общинный народ. И пусть враги не мечтают остановить нашу размеренную рысь. Заявляю с полной ответственностью и твердостью во взоре: не выйдет!

ЕДИНООБРАЗНАЯ ЛЕПОТА

Восхищает единообразная красивость войск на параде. Но в равновесии правильно расставленных масс есть что-то от орнаментов греческой архаики, от поступи римских легионов, от прусской – не русской, всего лишь п-русской! – всенародной муштры; от империи Фридриха через Павла Первого традиция ведет непосредственно к конногвардейцам государя императора Николая и первомайским парадом.

Трудно не переполняться счастьем от дружного поворота молодых голов, это бесспорно. И все же мне больше по душе другая красота. Соборная. Корни которой целиком и полностью находятся на нашей территории. Когда россияне 1) как один человек делают 2) одно и то же и 3) одновременно, но при этом 4) каждый на свой манер.

Люблю наблюдать население на салюте даже больше чем сам салют. Болельщиков на трибунах, одновременно вскакивающих и стихийно кричащих: гооол! Да, я люблю, а за что - сам не знаю, демонстрации трудящихся. Одни и те же портреты, древка которых зажаты в миллионах разных кулаков. Тысячи транспарантов КОММУНИЗМ НЕ ЗА ГОРАМИ! над головой народа, каждое лицо которого уникально. Бюллетени, единодушно опускаемые массами в урны. Окошки изб, среди которых нет двух одинаковых, но за каждым из которых происходит одна и та же жизнь...

Однако непревзойденным воплощением нашей общинности (подобным тому, как четыреста очков из четырехсот – абсолютный рекорд в стрельбе по мишени из пистолета) являлись, являются и будут являться сто миллионов человек, одновременно задравших головы к репродукторам, из которых разносится голос товарища Сталина – это бесспорно. Каждый член народа единообразно смотрит вверх, будучи охвачен общим порывом по-своему. Мгновение истины... Единодушная самобытность...

Хотя, казалось бы, невелико изобретение: повесить репродуктор на столб вместо того, чтобы поставить на пень, козлы или иной постамент. Фиг вам! Это как изобретение колеса: казалось бы, раз плюнуть, а поди, допри без указания гения!

Увы! красота раскулачивания канула в прошлое так же, как прохождение прощтрафившегося солдата под шпицрутенами, как освобождение новгородского вече от либералов Иваном Грозным, как варварская красота псов-рыцарей, лежащих после ледового побоища на чистейшем льду Чудского озера, в чем были – а были они в латах ... Технический прогресс является куда более убийственным, чем Тамерлан, Темучин и Навуходоносор вместе взятые. Телевизоры, которые – готов согласиться – добавляют информацию глазу, по сбиванию трудящихся в дружное единое целое не могут идти ни в какое сравнение со сталинскими репродукторами, потому что в них можно уставиться. Ах! как это было эпически, как эпохально: вождь глаголет с небес, а народ, стоя на свежем воздухе плечом к плечу с собой, ловит каждое его слово, задрав головы в правильном направлении – к облакам. Воистину, картина, достойная быть увековеченной в масле и акриле! Единообразная соборность... Вечная лепота...

ДЕРЖАВА И ЕЕ ЭПИЦЕНТР

Шестая Часть Суши вечно будет притягиваться к своему Эпицентру, как электроны – к атомному ядру.

Святая Русь для Москвы то же, что Святая Церковь для прихожанина: верующий одну десятую заработанных им денег отдает Святой Церкви, а Столица - одну десятую имеющихся в стране денег отдает Святой Руси.

Спасибо тебе, Столица Нашей Родины! Главное – чтобы Ты была счастлива!!

ПОЛЛИТРА КАК СИМВОЛ ВЕРЫ

Сказав, что питье есть веселие Руси, Красно Солнце Владимир не сказал всей правды. Питье на Руси намного больше чем веселие есмь. Питье есть Религия Руси. И не объявлено оно нашей национальной религией лишь из чувства ложной застенчивости – она же чуждая нам скромность.

Воистину, выпивка у нас обладает всеми атрибутами культа:

- Те, кто не умеют пить, испокон века считались на Руси чужаками, как некрещеные.
- Прервать человека в момент опорожнения им стакана, как и человека молящегося, в России может только безбожник;
- Чем больше человек выпьет, тем яснее видит не тот мир, что маячит перед глазами, а мир иной.
- Бутылка с народным напитком чудотворна: она может сдвигать горы, чинить водопроводы, прокладывать дороги, поворачивать вспять события, менять прошлое, определять будущее, открывать закрытые на замок двери и зажигать свет в домах.
- Водка, как и вера, является мерилем всех вещей.
- Перед белой горячкой мужик и барин, царь и министр, генсек и сексот равны, как перед Страшным судом.
- В любой русской революции – удачной или неудачной - противоборствующие стороны роднило то, что и те и другие были равно пьяны.
- Стол без бутылки – как покойник без свечки.
- Человек *Вытимиший* на Руси почитается блаженным. Ему уступают место, его жалеют, прощают и терпят – точь-в-точь как Иван Грозный блаженного Василия, резавшего правду-матку у стен Храма своего имени.
- Слишком много водки не бывает. Слишком много веры – тоже.
- Наш человек не пить не может. Если русский не умеет пить – он не русский, так же как не верующий в аллаха – не мусульманин.
- Выпив, русский человек наполняется святостью. После ста грамм он готов выслушать покаяние, после трехсот – каяться, после бутылки – отпустить грехи:

и тем, кто раскрыл перед ним душу, и себе самому. Причем сидя перед поллитровкой, он кается с точно такой же искренностью, как если бы стоял на коленях. Чтобы убедиться, что это так, достаточно зайти в ближайшую рюмочную или пивной бар за углом и присмотреться к народу. А еще лучше – дерябнуть и приглядеться к самому себе.

У нас каждый является и пастырем, и паствой, и грешником, и отпускающим грехи – в зависимости от того, слушает он *выпимшего* или говорит сам. Религия нашего святого напитка – самая демократичная в мире! В ней каждый сам себе верховный жрец, сам себе папа, сам себе шаман и сам себе аятолла.

АФРИКАНЦЫ С БЕЛОЙ КОЖЕЙ

Один американский джентельмен с красным загорелым затылком сказал мне на банкете в Калифорнии по случаю моего прибытия: *У вас, русских, только одна проблема. Цвет кожи. Если бы вы были черными, никто бы не удивлялся и никаких проблем с пониманием вас не было бы.*

Разумеется, он расист и русофоб. Разумеется, он хотел меня (и нас в моем лице) как бы цивилизованно оскорбить. Но в действительности этот хам, сам того не желая, выразил то, что другие тоже хотели бы, но либо не могли, либо слов не хватало.

Вот вам мой отпор, господин с красным затылком.

Да, не случайно мы дружим с братскими народами Африки, которые, занимаясь, так сказать, как бы нудизмом, круглый год танцуют под баобабами в чем мать родила, причем под словом “мать” я имею в виду не только Родину. Да, не случайно нам нравился Патрис Лулумба вместе с его женами, не считая заложниц. И мы, и они живем страстями. И у них, и у нас интуиция важнее порядка. И они и мы близки к мать земле, как никто.

Однако: между нами и африканцами есть существенное различие. В Африке страсти цветут пышным цветом под пальмами, на которых кокосовые орехи растут просто так, сами по себе. Мы же живем страстями там, где, чтобы выжить, надо напрячь все силы и весь ум. То есть нам для того, чтобы жить, отдавшись чувству и не помереть, надо постоянно изворачиваться и противостоять природе. А им, чтобы не быть голодными, достаточно время от времени трясти дерево. Есть разница?

В результате естественного отбора климатом мы стали теми, кто мы есть – сверхдержавой чувств и страстей. А нашим черным братьям по страсти, не в обиду им будет сказано, и в набедренной повязке очень даже неплохо: ибо нет у них проблемы подготовки к зиме, а это фундаментальная разница.

У них там в Африке круглый год нагишом ходи не хочу. Не то что у нас. Попробуй понудачить больше трех минут в Находке в сорокаградусный мороз, не приняв сорокаградусной!

Ни один народ в мире не ставил перед собой задачу приспособиться ко всему на свете: и к Кустанайской жаре, и к Таймырской холодрыге, и к Петербургской слякоти, и к гнусу

Туруханского края. Мы совершили этот подвиг. И продолжаем совершать его ежедневно. На диво немцам, англичанам, итальянцам и другим малым народам. В палатке мы чувствуем себя более комфортабельно, чем американец в четырехзвездном отеле. Воде из водопроводного крана мы предпочитаем колодезную, каюте в океанском лайнере - лодку с веслами, лесную тропинку – автостраде и креслу - лавочку. В любую минуту мы готовы закопаться в землянку. В дремучем лесу мы ориентируемся лучше чем в национальном парке с дорожками и указателями. Поляна нам милее газона и лесная тропинка милее заасфальтированного шоссе. Подари нам сады Версаля – через три года они вновь обретут свое естественное состояние.

Мы окопный народ. В любую минуту мы готовы не просто слиться с нашими корнями, а стать ими. А это многого стоит!

Вот вам мой отпор, господин с красным затылком. Истинно, истинно говорю вам:

**Тем, кому для того, чтобы утолить голод,
достаточно потрясти пальму,
никогда не понять Тех, кто для этого самого
должен вкалывать в поте лица.**

НАШ РУССКИЙ ВЗГЛЯД

Мне кажется, никто еще не оценил по достоинству плодотворности русского взгляда. Между тем наш национальный взгляд, ищущее шарящий по небу, по хозяйски обозревающий горизонт и пытливно оглядывающийся по сторонам, непохож ни на какой другой в мире. Но, несмотря на это, до какой степени он, Наш взгляд на мир, технологически многообещающ, до сих пор, как ни странно, в полной мере, кажется, не осознал никто. Включая и нас самих.

Символом человека Запада я бы назвал самую знаменитую статую нового времени – Мыслителя Родена, скрючившегося под гнетом собственных дум. Символом сегодняшней Азии я бы избрал японку, склонившуюся над микросхемой. Символом Индии был и остается Будда, отрешенный от всего на свете за

исключением самого света. Не таков русский человек. Если уж изображать нас с вами, так в образе Чкалова или Гагарина, с взглядом, устремленным в сизую высь! ...Хотя пожалуй, если бы мне дали возможность выбрать символ коллективного меня увековеченного в монументе, я бы все таки предпочел быть изувековеченным в образе шофера, у которого железный конь стал, как лист перед травой, посреди степи, где сколько хватает глаз, кажется, нет ничего кроме полевых цветов и полыни; или вечной мерзлоты, где, сколько хватает глаз, кажется, нет ничего кроме белого снега и белых медведей; или посреди пустыни Кара Кум, где сколько хватает глаз, кажется, нет ничего кроме кобр и кактусов – а он, мятежный, выведенный из летаргической жизни и такой же летаргической езды внезапно обрушившейся на него проблемой, не решая которую окончательно и бесповоротно нельзя, расторопно оглядывается по сторонам: что бы такое отыскать, что не по делу валяется, из чего можно было бы смастерить то, что позволило бы ему худо-бедно доехать куда собирался. И что самое поразительное – находит! Везде и всегда!! Нет таких пустынь, степей, тундр, пещер, ледников, тайг и заоблачных высей, в которых русский человек не нашел бы выход из безвыходного положения. Что прекрасно говорит не только о Нем в нашем с вами лице, но и о Боге. *Благодарю тебя, Боже, создавший мир таким, чтобы в нем всегда было из чего смастерить* – это молитва, являющаяся ключом к пониманию Русского Мира. А может быть, и всего мироздания.

Что сделает человек Запада, обнаружив, что что-то, что ему позарез нужно, перестало работать? Правильно, вызовет мастера. Что сделает человек Востока? Правильно, погрузится в схемы и руководства по их использованию. Что сделает русский человек? Ни то ни другое. Обнаружив, что над головой, так сказать, каплет, он станет решительно и энергично оглядываться по сторонам, чтобы что-нибудь смастерить. То есть вместо того, чтобы чинить стандартными или предусмотренными заранее методами, как все другие народы, мы находим решение, которое не предусмотрел никто.

Будучи абсолютно уверенным в том, что, если другие сделали, то и он какнибудь докумэкает, русский человек смело разбирает прибор, который видит в первый раз в жизни, соображая, как он устроен, что сломалось, чем починить и как улучшить его функционирование по ходу дела. Конгениально! Более того: конкурентноспособно. Особенно в условиях наступления грани нового тысячелетия.

В условиях, когда в мире каждый день рождаются сто тысяч фирм, *“каждая из которых (цитируя слова рассказа Толстого о Филипке) кричит свое”*, русский Дар Божий соединять все со всем – больше чем ниша в Цивилизации. Это Генеральная Линия Цивилизации – в противоположность дегенеральной линии. Которую мы с горечью наблюдаем, выезжая за наши пределы в любом направлении.

КРАЕУГОЛЬНАЯ ЗАПОВЕДЬ РУССКОГО БЫТИЯ

Пока гром не грянет, мужик не перекрестится? И правильно сделает, точнее, не сделает. Если механизм, или человеческая структура, или комбинация из того и другого работает – чесаться решительно незачем, это я вам авторитетно заявляю. Потому что в девяносто девяти случаях из ста гром никогда не грянет. Или грянет, но не гром. Или гром, но не тот, которого боялись и ожидали.

Закон русского неделания пока крайняя необходимость на голову не свалится – наше великое достижение, ничего общего с ленью не имеющее. Это принцип жизни, позволивший нам жить и выживать в самых экстремальных условиях, не только природных, но и созданных нами самими. Пока страны Запада и Востока, все вместе и в розницу, еще только думают, что собираются начать думать в этом направлении, мы уже там. Причем не день и не месяц, не год и даже не век, а тыщу лет с гаком.

НЕ ДЕЛАТЬ ПОКА НЕТ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ ДЕЛАТЬ – своего рода закон Ньютона эры высоких технологий. Всемогущество которого станет кристально ясно на примере вечного двигателя экономики так называемых развитых, а на самом деле переразвитых стран: замене старого новым.

Глупец кто в моде видит только моду на моду. Умный, или, говоря попросту, русский человек (потому что для того, чтобы видеть то, что у тебя перед глазами, мало быть умным) ясно понимает, что платья будущего сезона ничуть не лучше тех, что были модны в сезоне прошлом. И пророки, уверенно сообщающие что-то вроде: *В будущем сезоне будет модно красное и короткое*, или как бы наоборот – *длинное и фиолетовое* – вовсе не кассанды и не пифии, а обыкновенные бизнесмены, которым надо продать новые платья до того, как изношены старые. Особенно наглядно эта алхимия видна на примере продажи автомобилей. В начале двадцатого века Генри Форд создал вечный идеальный автомобиль. Он производил его, практически не меняя, двадцать лет подряд, и что же? Кончилось тем, что его заводам пришлось конкурировать с самими собой, так как старые колымаги были не хуже новых и ничем существенных от них не отличались кроме цены: как говорится, не роскошь, а средство передвижения, ездит себе и ездит. Так продолжалось до тех пор, пока конкурент форда Дженерал Моторс не сделал великое торговое открытие. Он распространил идею моды на автомобилестроение. Так родились ежегодные автосалоны. На которых каждый год продаются новые модели. На которые НАДО менять старые. Но такие ли уж они новые, эти новые? И нужны ли они, эти новые, пришедшие на смену не таким новым, как новые новые? И главное: кто имеет наглость сообщать человеку, что ему надо, вместо того, чтобы спрашивать его об этом? Большой, и я бы даже сказал, великий вопрос. Который американцы и европейцы не задают себе по одной единственной причине: это не модно. Хуже того: старомодно.

Но пока автосалоны и дома моделей приходили за твоим кошельком, как налоговые инспектора: раз в год – это еще можно было терпеть кое как. С этим еще можно было кое как жить и выживать. Теперь же, когда на голову среднестатистического потребителя какойнибудь Голландии или Оклахомы новые компьютеры и телефоны, принтеры и сканнеры сваливаются каждые двадцать шесть секунд, вопрос: а нужно ли нам новое новое, если и старое новое прекрасно работает – все неотвратимее встает перед западным человеком. Нужна ли новая компьютерная программа, экономящая пять минут, если на овладение ею нужно

потратить двое суток? Нужна ли электронная телефонная книжка, если пользование обыкновенной, как показывает мой личный опыт, в три раза быстрее любого электронного организатора моего времени? Естественно, у рядового западного потребителя начинаются неврозы, склерозы и венерические заболевания. Вот тут то и появляемся мы, русские, с нашим основополагающим принципом.

ВСЕ ЧТО НЕ ДЕЛАЕТСЯ – К ЛУЧШЕМУ

Этот русский вариант Бритвы Оккама я предлагаю выбить на Скрижалях Завета Супернового Времени в качестве краеугольной заповеди эпохи самолетов и телевидения, виагры и интернета.

РУССКИЙ ПОСОШОК

Как-то на Селигере остановился я на ночлег на ночь в избе бабушки Арины. Устройство мое было недолгим. Швырнул рюкзак в угол, вышел на крыльцо и сел под окошком на лавочке рядом с бабушкой. Как сейчас помню – соловьи пели, перепевая друг друга и заглушая песню *“Будет Людям Счастье, Счастье на Века”* (слова, которые я с самого раннего детства – сколько себя помню – воспринимал не как предсказание, а как угрозу), доносящуюся из репродуктора, повешенного на сельсовете. Ни дать ни взять: русский перепой да и только... Поле шумит... Грузовики на шоссе тарыхтят... Лес зеленеет... Речка струится... Тишь... Благодать...

- Ой, бабушка, - говорю умиротворенно, - хорошо-то как...
- Хорошо-то хорошо, милай, - охотно согласилась бабка, - хорошо-то оно хорошо. Да только раньше лучше было.
- Да куда ж лучше то?
- Говорю лучше, значит, было куда. Тебя тогда не было, так ты и представить не можешь. Бандиты по баням не шлялись. Девочек учителя не насиловали. Детишек из колясок не крали. Лучше было раньше...

Помолчали. Подышали полными грудями. И прислушались к стрекоту звонкоголосых кузнечиков.

- А еще раньше еще лучше было, – продолжила бабка. – Не было ентова вот шоссе. Дорога была проезжая. Никакого тебе выхлопа – только дым коромыслом, как телега проедет. Воздух был такой чистый, что, век дыши, не надышишься. Вот как хорошо было.

Еще помолчали.

- А еще раньше еще лучше было – развспоминалась бабушка Арина. – Радио не было. Из клуба только гармошка доносилась. А как Васютка играть перестанет, такая тишь была – соловья из той деревни по-над берегом слышно было, а не так чтоб только с соседней березы, вот какая была тишина.

Еще помолчали.

- А еще раньше еще лучше было. – промолвила бабушка Арина после долгого молчания, и лицо ее просветлело. - Электричества не было. При лучинах сидели. Тихонечко так напевали. И мечтали, мечтали...
- Тут я встрял. Осторожненько, чтоб не вспугнуть воспоминания.
- А как с едой тогда было, бабушка? Голод, говорят, в коллективизацию был. Правду говорят? Али врут?
  - Еды-то? – бабушка Арина решительно затянула платок под подбородком. – Да, почитай, никакой еды не было. Все в колхоз отбирали. Пойдешь, бывало, ночью в поле упавших колосков насобирать – есть то хочется – и боишься. Чаго боишься? Да того и боишься, как бы комсомольцы не застрелили.
  - Но хоть тепло-то было? – спросил я, ожидая утешительного ответа.
  - Тепло? А как же! Конечно, тепло было. Летом.
  - А зимой?
  - Какой там! Дрова они ведь народные были. Возьмешь поленицу – мало того, что за все трудодни, что за год наработала, колхоз с тобой ими, погаными, расплатится, так еще ты у него в долгу.
  - Так чего же тогда хорошего-то было, бабушка? – подпрыгнул от возмущения я. – Дорог не было. Радио не было. Света не было. Тепла не было. Еды не было. Так чего хорошего было-то, бабушка?
  - И впрямь, милай, – задумалась бабушка Арина и поправила выбившиеся из под платка волосы. – Вроде и дорог не было. И радио не было. И электричества не было. И еды не было. И даже дров не было. Так чего хорошего было-то, а, милай?
  - Вот я тебя и спрашиваю, бабушка, что было хорошего?
- Бабушка Арина сердито затянула платок. Подумала с минуту. И просветлела.
- Чего, спрашиваешь, хорошего было? А молодая была, вот чаво...

НАМ РАВНЫХ НЕТ

Когда говорят, что Россия – одна из Великих Держав – всего лишь Одна из Великих Держав! – то это уже оскорбительно.

Никто не может сравниться с нами!

РУССКИЙ АВОСЬ И ГОСПОДЬ БОГ

Немного найдется вещей, которые могут характеризовать Наш Народ более выпукло, чем надежда на авось. При этом заметьте: говоря о русском Авось, принято почему то застенчиво улыбаться и как бы чесать за ухом: *у всякого, мол, свои недостатки. Ну не без греха мы. Что есть то есть.*

Даже самый патриотический патриот – и тот конфузится при упоминании об этом нашем авосе. Как будто он немножечко прокаженный, этот авось. Как будто он не совсем благородно пахнет. Как какиенибудь портянки. Или осетрина не первой свежести.

Я кардинально не согласен с этим традиционным самоуничижением. Заявляю это не только без малейшей иронии, но даже без тени намека на нее, что

исконная русская надежда на авось – не что иное как иное определение веры в Бога. Более того – в Его бесконечную благодать к Нам.

В самом деле: Мы верим в то, что ничего страшного с нами случится не может, чего бы мы НЕ делали и что бы НИ вытворяли – что может быть более жизнеутверждающим и оптимистичным чем это? Если человек живет с надеждой – значит он уже не одинок. И ведь что самое примечательное: с нами действительно ничего страшного не происходило! Если конечно, смотреть на свою жизнь не с расстояния вытянутой руки, в которой находится зеркало, и не с другой стороны улицы на которой живет сосед, а так сказать, с высоты небес. И не в масштабе минут или суток, а генерально, листая не годы, а поколения.

Тысячу лет всех подряд побеждали и били, били и побеждали. За редким исключением Чернобыля, татаромонгольского ига, коллективизации и распада СССР, которые можно считать досадными флуктуациями – сплошные победы! Чтобы убедиться в этом, достаточно мельком взглянуть на географическую карту – или на безмятежное и уверенное в себе лицо любого из нас.

Ну что собственно плохого с нами случилось? Абсолютно ничего! Живем и радуемся. Беспokoясь о собственном благополучии благодаря этой нашей национальной вере в надежду не в пример меньше, чем любой другой народ.

Истинно, истинно говорю вам: наша вера в Авось – самая жизнеутверждающая из всех вер. Нет и не может быть лучшего доказательства нашей богоизбранности, чем то, что, не смотря на наше вечное и, я бы сказал, вселенское разгильдяйство, МЫ завоевали самую немеренную территорию, какую когда либо завоевывал цивилизованный человек.

Ура нам, товарищи.

БОГАТЫРЬ НА РАСПУТЬЕ

Если задуматься хоть на одно ку-ку кукушки, то становится ясно, что развилка трех дорог русских народных сказок есть не что иное, как обыкновенный перекресток – хоть светофор вешай. Ибо три дороги, по каждой из которых можно скакать до полного офонарения – выбирай на вкус любую, плюс еще одна, по которой прискакал богатырь – в сумме дают сколько? правильно, четыре. Засим предлагаю вообразить картину иной сказочной были, которая к реальности ближе не только чем сказка, но, пожалуй, и чем сама реальность; объемную, как шапка Мономаха, пропитанную духом старины до мельчайшей пылинки и к тому же обрамленную в Золотую Раму Истории – “Перекресток двух дорог”. Без светофора. Без малейшего намека на пройденный путь. А всего лишь с указательным камнем, увенчанным вместо расписного петушка вороном, черным, как смоль. И что же на ней начертано, на былинной каменюке? Ничего. Ибо Господь с людьми может говорить не только словом, но и пейзажем – если, конечно, захочет. Причем пейзажем, по моим наблюдениям, небеса говорят с нами намного чаще, чем откровениями, выраженными словами.

Итак: войдем в полотно, ставшее он нашего появления в нем объемным, вдохнем полной грудью сказочный воздух, станем у путеводного камня и оглядимся. И что же мы видим? мать честная!

- Направо – дорога разума. Ухоженная, заасфальтированная, по которой на много лет вперед и без очков видно, куда попадешь – аж до самого горизонта все шире и шире делается – даже в небо не упирается сияющая чистотой покрытия бесконечная и однообразная автострада.
- Налево – наша национальная трасса. Дорога чувств. Дорога живых страстей человеческих, полная тайн. Широкая, как степь, и бурная, как лавина. Вечно нетронутая, сколько ее ни топчи. Вечно непредсказуемая, даже если каждая ее родная пядь исхожена вдоволь и поперек. Которая, не успев распрямиться, уже петляет, да еще с петлями на каждой петле, и на тех петлях новые петельки, скрывается в облаке себя самой, даже не успев начаться как следует...

Спору нет: наша дорога не столь пряма, как европейская. Но зато как манит! И: кто сказал, что в будущее надо напрямки сигать? В горах, например, - а равнина, замечу вам, в живой природе большая редкость – по прямой шагают только самоубийцы. Потому что в жизни прямой путь и есть самый длинный, а если он все же кратчайший – то разве что в никуда.

...И много ли сокровенного можно узреть, двигаясь по автостраде, открытой со всех четырех сторон всем шести ветрам? Другое дело – наша петля в петле, мир в мире, игла на кончике иглы, супертещин язык...

Здесь чудеса... Здесь леший...
 Русалки сидят на ветках...
 Русаки бродят по земле ...
 Лес и дол...
 Колдун несет...
 Следы невиданных...
 Глаза неведомых...
 Кот зеленый...
 Дуб ученый...
 Генерал профессорствует...
 Президент дирижирует...
 Там прихлынут...
 Тут напустят...
 Губернатор в ступе...
 Население в ступоре...
 Видений полны...
 Златые цепи...

Без дверей, без окон ...
Без света без отопления...
От врагов окапываются....

В окопы закапываются...

Мимоходом пленяют...

Миллиарды улетают...

И днем и ночью...

Душа горит...

...Есть ли чтонибудь между русской и европейской дорогами? Есть ли средний путь между чувством и разумом, бескомпромиссностью и компромиссом? Хоть грунтовка, хоть проселок какой, хоть тропочка? Ничего нет. Даже бездорожья. То есть вообще ничего. Пустота стены, простертой между сознанием и подсознанием, ничем не заполнена. Нет *межсознания* в человеческом мозгу – не создал его всемогущий Господь, это твердо установленный медицинский диагноз. Либо – либо. Либо чувствуешь, либо думаешь. Либо воображаешь, либо соображаешь. Так уж мы устроены Богом, хошь не хошь, а смириться приходится, борись-не-борись, а с законом природы практикой не совладать.

Дорога страстей человеческих обладает еще одним сказочным преимуществом перед любой другой: когда по ней идешь, бредешь, скачешь, странствуешь или блуждаешь, ясно видишь, что путь твой один-разъединственный. Но стоит остановиться хоть на секундочку, чтобы только дыхание, как стрелки часов, перевести – вперед или назад неважно, главное перевести, и – о чудо! Бенц!! ты опять на том же распутье, с которого путь начинал. То есть опять на том же стартовой линии! Словно можно было и не скакать во весь вечный опор сломя голову. О чем это говорит? О том, разумеется, что у нас, в отличие от европейцев, всегда есть выбор, во что вступить. Что за божественная чертовщина! Бенц!! опять стоит красавец-богатырь перед каменюкой, как лист перед травой и стрела перед тетивой. А ведь казалось, только вчера ускакал отседова за горизонт, с этого самого сакрального места, становясь по мере своего удаления не меньше, а больше. И удалялся до тех пор, пока, прежде чем окончательно исчезнуть из глаз сидящего на путеводном камне ворона – нашей вечной точки отсчета, бесстрастного наблюдателя наших метаний и устремлений – не заполнил собой все небо, до последнего солнца. И было утро, и было вечер. И видит вещий ворон: откуда ни возьмись перед ним опять тот же голубоглазый богатырь. Опять перед тем же распутьем. И опять, в бесконечный плюс один раз, думает ту же вечную думу: Куда же теперь, с этой новой достигнутой им диспозиции, направить стопы могучего скакуна?...

И моргнул ворон. И открыл глаза. И снова видит ту же картину. И снова видит. И снова.

Скачи, добрый молодец. Скачи вперед. По нашей самобытной, неповторимой, нерушимой тропе. Отважно скачи в неведомую глубь, в бездну наших небес! Скачи, мил человек! Одна голова здесь, другая там – и Сивка-Бурка впридачу.

РУССКИЙ ПОЛЕТ

“Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...”

“Страна героев, страна мечтателей...”

“Мы повсюду дома...”

“Нам нет преград...”

“Все выше, все выше, все выше ...”

Слова вечно популярных супер-песен

Русский Народ обречен на величие, как орел – на парение в небесах! Так уж нам написано на роду. И совладать с этим нашим коллективным предначертанием

НЕ-ВОЗ-МОЖ-НО!

Правильно мы о себе поем! Нет нам преград. Это не поэтическая метафора – это исторический факт! **Нигде и никаких преград для нас не существует:**

- Ни в море, ни на суше.
- Ни в воздухе, ни в стратосфере.
- Ни в воображении, ни в соображении.
- Ни внутри, ни снаружи.

Между живыми клетками есть преграда – мембрана. Нет мембраны – нет жизни. Многоклеточные организмы, начиная с людей и кончая лягушками, тоже отделяет от остального пространства преграда – кожа. А у нас никаких преград нет. То есть абсолютно и совершенно! Вот почему мы едины со всем на свете. Каждый из нас в отдельности и все мы вместе, как одно суперживое существо, готовы в любую минуту переступить через что угодно. И в этом исконно нашем дарованном Богом даре возвышаться над сущим и переступать через вездесущее – корень наших прошлых и залог будущих побед!!

На какой бы заоблачной высоте мы ни находились, мы можем воспарить еще выше, и готовы подниматься в новые и новые небеса до тех пор, пока различие между:

*нельзя и можно,
да и нет,
своим и чужим,
женой и любовницей,
мужчиной и женщиной,
свободой и рабством,
законом и беззаконием,
добром и злом,
правдой и ложью,
словом и шумом,
человеком и призраком,
живым и мертвым,
реальностью и миражом*

не исчезнет полностью и бесповоротно. С каждым годом, столетием и тысячелетием Мы поднимаемся все выше, и выше, и выше, и выше над

Нами. И, взирая на самих себя с заоблачных высот в бездну человеческого прозябания, и одновременно задрал голову к облакам, чтобы разглядеть в них следы своей величавой поступи, переполняешься гордостью от нашей вселенскости.

Пессимист Данте, считавший число кругов ада конечным, ошибался.

*Наш ад бездонен.
Как и число наших небес.*

И глядя на жалкие потуги европейцев и азиатов, пытающихся ввести нас хоть в какие-то рамки, даже самые необременительные, и хоть как-то обуздать нашу стремительность, мы только снисходительно хмыкаем. Нас укротить невозможно! Особенно, если разойдемся и распояшемся. По себе знаю.

Нам нет преград!
Ни в море, ни на суше.
Ни в драке, ни в бизнесе.
Ни в музее, ни в бане.
Ни в сексе, ни в Совете министров.

То, что с нами можно вести только Русский Бизнес, – неизбежное следствие нашей не знающей себе равных сверхпроходимости. Результат перехода от социализма к капитализму превзошел самые оптимистичные ожидания: сегодня каждый россиянин, который добился в своей стране хоть какого-то, даже самого минимального материального благополучия – сверхпроходимец. Воистину, трудно не наполниться гордостью от этого величавого самоопределения.

Наша страна – первая и последняя, в которой стерта грань между работой и отдыхом. Глядя на мужчину на току или бабу с косой в руке,

нипочем не догадаешься, работает человечиче или культурно отдыхает. И это не может не окрылять.

Мы – народ сильных. Большинство у нас никогда не перестанет быть подавляющим, а меньшинство – подавляемым. Поскольку каждый отдельно взятый (за что? - уточнять не будем. За что надо, за то и взятый) гражданин по определению меньшинство, ибо меньше, чем один, нас бывает редко – мы в вечном долгу перед Родиной, настолько громадном, что отдать его можно, только отдав концы.

Бережливость построенного нами бесклассового общества не знает себе равных в классе млекопитающих. Только недалекие иностранцы, оголтелые западники и одиозные журналисты могут принимать ее за криминальный передел собственности из одних карманов в другие.

Наша клептомания созидательная. У нас каждый берет то, что лежит хорошо, и кладет туда, где оно лежит еще лучше.

Сравнивая лица наших сенаторов с западными аналогами, трудно удержаться от гордости. Насколько наши живее в жестах и выражениях, насколько у нас многоплановой мимика по сравнению с каким-нибудь принцем Чарльзом – ну, просто смешно сравнивать. Надо отдать нам должное: мы ребята простые, без цирлих-манирлих.

*Российские джентельмены – самые бесцеремонные в мире!
И самые незакомплексованные.*

- Россиянин, как никто другой, готов к экстремальным ситуациям. Поэтому история государства Российского есть непрерывная цепь экстремальных ситуаций. При этом замечено: чем экстремальнее ситуация, тем дольше наша страна в ней находится – это уж как закон.
- У нас каждый готов стать героем в любую минуту. Не в чем-то конкретном, а героем вообще. Героем, спасшим тонущую девочку, становится не спасатель, а слесарь-сантехник. Героем, потушившим пожар, становится не пожарный, а случайно проходивший мимо дантист.
- Спрос на героев устойчив. Он был, есмь и будет выше,

чем на специалистов,
потому что никогда не знаешь,
что? где? и когда?
долбанет.

Человеческое начало в нашей стране развито сильнее, чем где бы то ни было. Только у нас дружба выше закона – это уж как закон. Российское правосудие на девяносто процентов состязательно до процесса, и только на десять – во время его. Где в мире найдешь другую страну, в которой дружба побеждает не только в спорте, но и в суде?! Что именно побеждает? Да все что угодно. А прежде всего свидетельские показания.

Чем дальше Россия продвинется по колее технологического прогресса, тем меньше она будет похожа на Азию, Европу или Америку. Только у нас колодец, космодром и сеновал могут мирно уживаться на одной огороженной территории. Мы ближе к земле и небу одновременно, чем любая другая тварь божья.

Мы – Белая Дыра Вселенной,
обреченная излучать.
Таланты Наших
генералов и губернаторов,
хореографов и хакеров,
академиков и умельцев,
врачей и целителей,
спецназовцев и учителей,
спортсменов и бизнесменов,
музыкантов и исполнителей,

банкиров и танцовщиц
признаны и оценены далеко за пределами
нашей Родины.

А кое-кто получил по достоинству
и в пределах наших границ!

Нам до всего есть дело!!
Враги России вмешиваются
в Наши Внутренние Дела
на всех материках.

Тщетные потуги!

Мы –
Знаменосцы
Парада
Народов,
над которым
Вечно
Парит
Наш

Двуглавый Орел.

Величественная панорама!!!

Мы рождены, чтоб сказку сделать
былью – точнее, не скажешь.

Различия между вымыслом
и
реальностью
у нас
не было.

Нет.

И не будет.

Мы обречены на величие.
Присно и вовеки веков.
И победить это
Наше Коллективное Предначертание
Не – Воз – Мож – Но !

!

!

Т а к б ы л о ! ! !

Е с м ь ! ! !

И б у д е т ! ! !

И а м и н ь

с н а м и ! ! !

●

Закончено марта 31ого года 2001ого
11чаов 58 минут после полудня